10
Л-82

ГЕНЕРАЛ ЛУДЕНДОРФ

ГЕРМАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ В 1918 ГОДУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА С.С.Р.
МОСКВА 1935

313

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

GÉNÉRAL LOIZEAU

LA STRATÉGIE ALLEMANDE en 1918

Préface du général
WEYGAND

Paris
Éditions Berger Levrault

10
Л 82

ГЕНЕРАЛ ЛУАЗО

355
Л 82

ГЕРМАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ

в 1918 году

Перевод с французского
М. БРАГИНСКОГО

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
73818.

Государственное военное издательство
Наркомата Обороны Союза ССР
Москва — 1936

К

Генерал Луазо.— „Германская стратегия в 1918 году"—Перевод с французского М. Брагинского.

Настоящий труд генерала Луазо является продолжением его исследований, посвященных стратегии и тактике империалистической войны 1914—1918 гг.

Кампания 1918 г. во Франции привлекает особое внимание исследователей, так как в этой кампании имело место массовое применение прообраза новых родов войск (танки, бронемашины, авиация, химическое оружие). Операции 1918 г. продолжают влиять на развитие военной доктрины империалистических государств. Ультранаступательные тенденции фашистской Германии, готовящей войну на сокрушение, в сильной степени основываются на учете ошибок немцев в 1918 г. и на стремлении избежать их в новой войне. С этой точки зрения углубленное изучение кампании 1918 г. имеет самый актуальный интерес.

Труд французского ген. Луазо помогает разобраться в этой поучительной кампании.

Главная и даже единственная причина военного поражения Германии, по мнению Луазо, заключается в неудачном руководстве Людендорфа германскими вооруженными силами, так как Людендорф ставил себе цели, не соответствовавшие имевшимся средствам.

Ген. Луазо основывает свои суждения на германских источниках, главным образом, на дневнике кронпринца Баварского Руппрехта, на труде его начальника штаба ген. ф.-Куля и известного историка Дельбрюка «Крушение германских наступательных операций в 1918 г.»[1].

Большую часть своего труда ген. Луазо посвящает описанию выработки планов кампании и всех наступательных операций немцев и сравнительно кратко касается их эволюции под влиянием хода операций. Главное внимание Луазо, естественно, обратил на мартовскую операцию немцев.

Ген. Луазо отдает должное Людендорфу, его организаторским способностям, его знанию войск и тактике. Но признать Людендорфа талантливым полководцем Луазо не может.

Книга Луазо представляет интерес для изучающих причины побед и поражений в 1918 г., особенно потому, что ген. Луазо приводит ряд данных, не появляющихся до сих пор на русском языке.

---

[1] Перевод издан Государственным военным издательством в 1935 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Ген. Луазо свел в одну книгу под названием «Германская стратегия в 1918 году» чрезвычайно интересные статьи, опубликованные им в 1933 и 1934 гг. в «Revue militaire francaise».

Особенностью данного труда является то, что автор взял в качестве источников одни только германские документы. Он изложил их с полной об'ективностью, искренне стремясь выявить германскую мысль и стараясь установить самую тесную связь даже между такими операциями, которые для критиков, менее знакомых с вопросом или менее об'ективных, могли бы показаться не имеющими никакой связи между собою. Благодаря этому выводы ген. Луазо приобретают большую ценность.

***

Германская стратегия в 1918 г. является, в сущности, стратегией ген. Людендорфа. Во французской армии, где командир несет полную ответственность за деятельность подчиненного ему командного органа и где штаб для подготовки решений командира работает анонимно, не могло бы возникнуть и вопроса об ответственности подобного рода — ответственности, можно сказать, третьей степени, поскольку над первым генерал-квартирмейстером главенствовали император и начальник штаба. Но ведь известно, что Вильгельм II никогда не принимал участия в решениях, касавшихся операций, а Людендорф сам говорит, что фельдмаршал (Гинденбург. — **М. Б.**) довольствовался одобрением принимаемых им (Людендорфом) решений.

Как же выглядит в начале решительного года войны сильная личность того, от кого должна была зависеть судьба Германии?

Людендорф является замечательным типом офицера прусского генерального штаба. Будучи проникнут самым чистым патриотизмом и обладая большой трудоспособностью, он был к тому же одарен проницательным широким умом и духом инициативы, не отступавшей перед риском. Это был человек монолитный, воля которого не была лишена жестокости. До войны, на должности начальника оперативного бюро Большого генерального

штаба, он старался проводить в жизнь идеи своего учителя Шлиффена. В самом начале военных действий, под Льежем, его инициатива и дерзость осветили его первыми лучами славы. И вот, как только Гинденбург призывается из отставки в ряды действующей армии для спасения Восточной Пруссии, начальником его штаба назначают именно Людендорфа. Победа под Танненбергом является блестящей прелюдией успехов, одержанных «диоскурами»[1] на Восточном фронте до того дня, когда ввиду серьезности событий они были призваны на пост верховных руководителей армии. В этот момент положение центральных империй на западе было настолько напряженным, что Людендорф должен был очень продуманно маневрировать по внутренним операционным линиям, чтобы противостоять неприятелю на двух фронтах; при этом его первым стратегическим маневром явился отход в начале 1917 г. на знаменитую позицию Гинденбурга.

Таким образом, Людендорф подходит к 1918 году, имея за спиной исключительное прошлое и военный опыт. Слабостям, проявленным Мольтке младшим, и дорого стоившим ошибкам, вызванным нерешительностью Фалькенгайна, он противопоставляет возвращение здоровой доктрины — уничтожения противника путем сражения. Он составляет хороший план. И все же, нанеся армиям Антанты сильные удары, поставившие их в опасное положение, он потерпел неудачу и увидел свои силы вынужденными капитулировать. В последний момент, когда к поражению прибавились восстания, он удалился от дел и предоставил Гинденбургу одному спасать честь Германии.

***

Если безусловно следует отдать должное законченности подготовки, тактике и храбрости наших противников, то причины, определившие их конечную неудачу, следует искать в стратегии, применявшейся их верховным командованием. Ген. Луазо показывает это с абсолютной ясностью.

Нельзя не удивляться тому противоречию, которое проявлялось между волевым, целостным характером Людендорфа и той малой настойчивостью, какую он выказывал в проведении руководящей идеи им же созданного маневра. Дважды в течение «сражения за мир» (la bataille de France) первоначальная цель действий и главное стратегическое направление заменяются другими под влиянием значительных успехов тактического харак-

[1] Прозвище мифических героев Кастора (сына Юпитера и Леды) и Поллукса, которые прославились своей неизменной дружбой. — Ред.

тера, а так как это несвоевременное изменение первоначальной идеи производилось в пользу армейской группы имперского наследного принца, то можно было бы подумать, — и некоторые фразы мемуаров Людендорфа допускают такое предположение, — что династические интересы были не совсем чужды указанным блужданиям мысли. Но имеются и другие причины.

Мы видим, что во время подготовки сражения 18-я армия, которой была поручена задача прикрытия левого фланга частей, действовавших на главном направлении, добивается получения наступательной эксцентрической задачи; командующий армейской группой настаивает на этом, и Людендорф соглашается на столь важное изменение своей программы, которое в результате привело его к разрозненным и, в конечном счете, к нерешительным действиям.

Уже в 1870 г. командующие армиями проявляли инициативу, находившуюся в противоречии с приказами ген. Мольтке, который это допускал. При совершенно пассивном противнике эта инициатива привела к удаче, и военные критики стали ставить ее в пример как образец смелых действий, рождающих великие победы. Полковник Фош с дальновидностью пророка осудил эти тяжелые нарушения разумной дисциплины, которая должна быть особенно велика у верховного командования. Он предсказал, что при действиях против маневроспособной армии подобная недисциплинированность обернется против ее авторов. Марна показала, что он был прав: вольности, которые себе дозволил фон-Клук и которые были допущены ставкой, вместе с указанными для движений направлениями были первоначальными причинами поражения немцев. Этот опыт не был учтен.

С другой стороны, если Людендорф и намечает в общих чертах план использования резервов, то он это делает под давлением подчиненных, которые, лучше зная Западный фронт, опасаются таких вдавливаний фронта противника, которые, не принося решения, лишь благоприятствуют неприятельскому отпору. Таким образом, как только в каком-нибудь пункте достигается тактический успех — прорыв, — Людендорф возвращается к своей первоначальной идее: тотчас же превратить этот успех в стратегическую победу. По его мысли, то, что удавалось в России, должно было удасться также и во Франции, где, однако, начиная с 1915 г. всякие попытки прорыва терпели неудачу, так как прорыв, произведенный только в одном месте, мог бы претендовать на победоносный конец лишь при противнике более низкого качества в отношении вооружения, тактики или морального состояния.

Повидимому, Людендорфу было трудно делать из фактов правильные выводы и согласовывать свой образ действий с качествами и средствами своих противников. Мы усматриваем две причины этого явления. Первая кроется в самом понимании Людендорфом своих обязанностей: жизнь, которую он вел, командуя непосредственно каждым из фронтов и лично занимаясь редактированием многочисленных тактических и технических инструкций, необходимые посещения им исполнителей, его претензии руководить политикой империи — все это не оставляло ему времени для размышлений над высокими проблемами, связанными с вождением армий, и над психологией противника; интенсивность его повседневных работ не позволяла ему отрешиться от них, чтобы с более широкой точки зрения рассмотреть факты и изменить неправильные точки зрения. Вторая причина — это невероятное самомнение, в такой степени затуманивающее голову каждого немца, что он делается неспособным к критическому мышлению, как только последнее надо применить к самому себе.

Для солдата нет большего счастья, чем победа. Но если вожди победоносной армии позволят себе проникнуться тщеславием, они бессознательно подготовят себе в будущем поражение. Пусть они не думают, что на них снизошла свыше неизменная тайна победы, но пусть продолжают работать для выяснения того, в чем заключаются истинные причины их успеха и в какой мере ошибки противника содействовали этому успеху. Пусть они в дни великих побед не забывают захватывающей формулы греческого трагика: «Тщеславие — дитя счастья и убийца своего отца».

Генерал Вейган

ВВЕДЕНИЕ

Наполеон писал:

> «Каждая кампания должна вестись согласно принципам военного искусства, но принципы эти — те самые, какими руководствовались великие полководцы, о деятельности которых говорит нам история. Ведите войну наступательно, как Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав-Адольф, Тюренн, принц Евгений и Фридрих, читайте историю из 83 кампаний, перечитывайте ее, подражайте им, — это единственный путь, чтобы проникнуть в тайны военного искусства».

Лишь продумывая подобные советы, можно с пользой изучить верховное руководство войной державами, принимавшими в ней участие в течение последнего года «мировой борьбы». Хотя может казаться, что совершенно особые условия, в которых велись в эту эпоху операции на французском театре (сплошные фронты, значительная численность сил, мощнейшее вооружение), породили новые способы действий, но на самом деле они лишь подтвердили неизменность принципов и закон эволюции способов действий *). В этом отношении изучение германской стратегии 1918 г. дает нам примеры, которым, может быть, и не следует подражать, но над которыми все же стоит призадуматься.

Конечно, здесь речь идет о теории, причем необходимо помнить слова Клаузевица:

> «Кто хочет уметь действовать в такой среде, как война, тот из всего преподносимого книгами материала ни в коем случае не должен удерживать в своей голове ничего, что не содействовало бы воспитанию его ума; если у него есть совершенно готовые идеи, которые ему не были внушены событиями данного момента и которые он не почерпнул из собственных плоти и крови, то течение событий опрокинет его здание, прежде чем он успеет его построить».

*) (Примечания редакции см. в конце книги.) — Ред.

Это всегда правильно. Тем не менее, хотя на войне всякая теория должна быть изгнана, все же практика будет иметь ценность лишь постольку, поскольку она основана на широких знаниях.

**
*

Германская стратегия 1918 г. — это стратегия ген. фон-Людендорфа[1].

В отношении замысла первый генерал-квартирмейстер германских армий по большей части, чтобы не сказать всегда, навязывал свои идеи и планы своему начальнику, фельдмаршалу фон-Гинденбургу, который в своих мемуарах довольствуется тем, что говорит: «Наши мысли и наши действия всегда совпадали, и слова одного часто бывали не чем иным, как выражением мысли другого».

Что же касается выполнения, то вся тяжесть ответственности лежит на Людендорфе; как говорит Гинденбург, он был «настоящим центром всей штабной работы, мозгом и душой той огромной фабрики, какой являлось верховное руководство».

Людендорф был учеником ген. графа Шлиффена, который до войны в течение 15 лет (с 1891 г. по 1905 г.) возглавлял Большой генеральный штаб и создал доктрину, служившую во время войны источником вдохновения для германских полководцев. Будучи замечен Шлиффеном, майор Людендорф вместе с майором Кулем с 1894 г. находился в числе «тех молодых офицеров, стратегические способности которых были признаны начальником генерального штаба и которых он прикомандировал к себе наряду со своими официальными советниками как непосредственных своих сотрудников. Именно им он нередко поверял свои знаменитые частные исследования, предметом которых было выяснение пунктов, остававшихся еще сомнительными»[2].

Таким образом, у Людендорфа бывали длительные периоды пребывания в Большом генеральном штабе, где он подвергался

---

[1] Мы уже рассматривали стратегию Людендорфа, относящуюся к 1918 г., в одной из своих работ, посвященных стратегии за время мировой войны: «Succès stratégique, succès tactiques» («Стратегический успех, тактические успехи»). Но этот обзор был лишь частичным, так как он был ограничен коротким периодом первого германского наступления в марте-апреле 1918 г., и документы, которыми мы располагали, не имели таких ценных источников, какими являются труды принца Баварского и ген. фон-Куля, а также монографии Рейхсархива. В данном труде исследование распространяется на все операции 1918 г. и опирается на наиболее авторитетные германские источники.

[2] «От Шарнгорста до Шлиффена (1806—1906)». Изд. Миттлер и сын, Берлин, 1933 г.

глубокому влиянию «великого мастера современной войны». В результате этого в течение трех лет — с августа 1914 г. по сентябрь 1917 г., когда он фактически командовал Восточным фронтом, — он неуклонно стремился к уничтожению противника; он был насквозь пропитан этой идеей уничтожения, являвшейся основной мыслью графа Шлиффена в течение всей его жизни, — идеей, «вытекающей из всех сражений Фридриха и составляющей основной принцип всех операций Наполеона, на которой зиждутся беспримерные успехи фельдмаршала Мольтке»[1].

Эту идею Людендорф стремился осуществить посредством «охватывающего маневра на флангах» — маневра, подобного Каннам, — которому Шлиффен неустанно учил во время всех упражнений и полевых поездок, а после выхода в отставку превозносил в своих произведениях «как подлинную эссенцию военной истории». Этот маневр удался Людендорфу в тактическом масштабе в 1914 г. под Танненбергом и в 1915 г.—под Августовом; он воспроизводит его также в стратегическом масштабе в 1914 г., во время второго вислинского маневра, и в 1915 г. — при всех своих комбинациях. И если в этих операциях крупного масштаба он достигал лишь частичных результатов, то это потому, что во время выполнения маневров он наталкивался на верховное командование, которое, стремясь к ограниченным целям и стараясь добиться более скромных результатов, или давало ему сомнительные, не отвечавшие его планам стратегические направления, или же не предоставляло ему достаточных средств для осуществления его маневров[2]. Уже в эту эпоху — в период все обострявшихся противоречий между Фалькенгайном, стремившимся к истощению противника путем захвата a priori ограниченной цели, строго соответствовавшей имевшимся силам, и Людендорфом, стремившимся к «уничтожению», несмотря на недостаток своих сил, — выявляется слабый пункт стратегии последнего: несоответствие цели имеющимся средствам.

В конце 1917 г. Людендорф, находясь на положении полного хозяина, обеспечивает верховное руководство войной на всех театрах. Развал России позволяет ему благодаря значительному численному превосходству вновь взять в свои руки инициативу операций на западе**). Казалось бы настал час, когда он мог дать своей тщеславной стратегии возможность полного расцвета и разрешить, наконец, задачу, которую ставил Шлиффен при борь-

[1] Шлиффен, Письменные размышления на финальную тему стратегии, 1905 г.

[2] См. «Succès st tagique, succès tactiques» (Стратегический успех, тактические успехи»), гл. IV — Стратегия Фалькенгайна.

бе на два фронта: «после уничтожающего удара, обезвреживающего одного из противников, уничтожить превосходными силами другого». Но и в этом сражении на уничтожение, которому он дал название «Великого сражения за мир» («Brande bataille de France»), Людендорф смог добиться лишь частичных успехов, которые не дали ему решения войны.

Предметом нашего труда является изложение целей, которых добивался Людендорф, и тех методов, которыми он стремился осуществить эти цели, а также исследование причин его стратегического неуспеха и выявление тех поучительных выводов, которые можно извлечь из рассмотрения его неудач.

Ut non mado casus erentusque rerum, sed etiam causae rationesque nocantur[1].

***

Для того чтобы наше критическое исследование оставалось искренним и беспристрастным, мы будем основываться исключительно на изучении немецких источников и среди них будем обращаться, главным образом, к документам, относящимся к рассматриваемому моменту: директивам, инструкциям, приказам, сообщениям по телефону или личным впечатлениям.

Следовательно, если мы и будем пренебрегать современными критическими трудами — фон-Мозера, Кабиша, Краусса, фон-Фера, Штегемана и многими другими, — если мы используем лишь с определенной осторожностью труды, появившиеся сразу после минувших событий, как, например, «Воспоминания о войне» Людендорфа, воспоминания германского наследного принца или выпущенные Рейхсархивом монографии, посвященные отдельным сражениям, зато мы с величайшим вниманием отнесемся к трудам баварского наследного принца Руппрехта, командовавшего армейской группой на фронте от Уазы до Северного моря, и его начальника штаба ген. фон-Куля: первый в своем военном дневнике, второй в своем докладе следственной комиссии Рейхстага[2] дают нам полную интереса документацию о ведении военных действий и часто бросают свет на «соображения» того, кого стремились превратить в «благословенного богом великого полководца».

---

[1] Тацит.

[2] Имеется в русском переводе в книге: Куль и Дельбюк, Крушение германских наступательных операций 1918 г. Воениздат, 1935 г.

I

ИДЕЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МАНЕВРА

В течение зимы 1917/18 г. Людендорфу нужно было решить, в каких условиях он будет вести войну в 1918 г., и мы видим, что с конца осени 1917 г. он начинает критически анализировать факторы, которые должны определить его решение: общую обстановку, цель действий, способы достижения этой цели и соотношение наличных сил.

1. РЕШЕНИЕ НА НАСТУПЛЕНИЕ

Обстановка.

> «Обстановка, — оценивает Людендорф, — сложилась к концу 1917 г. более благоприятно, чем это можно было когда-либо предполагать... Западный фронт продолжал держаться, итальянская армия была разбита, Македонский фронт был крепок, Россия вышла из игры — у нас были шансы победоносно закончить войну»[1].

Цель действий. — Добиться решения оружием с целью уничтожения противника — такова была конечная цель, высшая идея, вытекавшая из замысла Шлиффена.

> «Я вступил в исполнение своих обязанностей, — говорит Людендорф, — с твердым решением думать и работать лишь для того, чтобы закончить войну победителем».

Образ действий. — Оставалось решить, каким способом должна быть достигнута победа.

> «Можно ли было использовать благоприятные обстоятельства, какими они должны были быть весной, для нанесения большого удара на западе, или следовало придер-

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II.

живаться методической обороны и предпринимать лишь второстепенные атаки в Италии или в Македонии» [1].

В представлении Людендорфа обстановке и намеченной цели отвечало только наступление, и притом наступление, начатое возможно скорее:

— с одной стороны,

«не было полной уверенности в возможности удержаться на Западном фронте путем чисто оборонительных действий ввиду наличия у Антанты огромных материальных средств; к тому же «наступление поднимало дух армии, а оборона подавляла его»;

— с другой стороны, выжидание при обороне могло изменить обстановку лишь в ущерб державам центрального союза: намеченное на лето вступление в войну американских сил должно было обеспечить Антанте численное превосходство в момент, когда уже приходилось «в высшей степени сомневаться в возможности для наших союзников располагать достаточными силами для продолжительного ведения войны...».

«Результаты, добытые нашими подводными лодками, не позволяли ожидать от них уже в ближайшем будущем решительного поворота войны в нашу пользу»;

— наконец,

«представлялось мало вероятным, что состояние армии и положение внутри страны, моральное состояние которой ослаблялось неприятельской пропагандой, блокадой, экономическим положением, борьбой партий, пацифистским и антимилитаристским движением и мирными резолюциями, позволят надолго отложить принятие решения и конец войны» [2].

Таким образом, в 1918 г. все толкало на наступление, и притом возможно скорее:

«Наше собственное положение и положение наших союзников, состояние армии — все это требовало наступления, которое дало бы быстрое решение» [3].

Раз наступление было решено, то при условии ведения войны на нескольких театрах следовало еще установить, на каком фрон-

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II.
[2] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.
[3] Людендорф, Воспоминания о войне.

те и в какой именно форме это наступление должно было быть выполнено.

Людендорф полагал вначале, что во избежание распыления средств все силы должны быть сосредоточены для ведения наступления на одном театре. При этом Русский и Македонский театры едва ли могли быть приняты в расчет, так как на них нельзя было добиться быстрого решения. Наступление в Верхней Италии, представлявшееся на первый взгляд соблазнительным, не отвечало требованиям, так как могло быть начато лишь при благоприятных климатических условиях и связало бы на продолжительное время крупные силы, а это не позволило бы во-время, еще до прибытия американцев, предпринять крупное наступление во Франции.

> «Таким образом, наступление, приводившее к быстрому решению, было возможно только на Западном фронте».

Что касается форм наступления, то вся армия, от рядового солдата до вождя, была охвачена ощущением необходимости избежать любой ценой «материального сражения» — того упорного долбления, которое столь болезненно переносилось под Верденом, на Сомме и во Фландрии и которое оказалось более дорогим в отношении людского материала, чем атака. Только маневренная война в открытом поле могла позволить надеяться на решительную и быструю победу.

Правда,

> «опыт трехлетней войны показал, что тактически прорыв был чрезвычайно труден», но тщательное обучение людей, использование новых методов атаки, основанных на внезапности и на особых способах применения артиллерии, «позволяли нам надеяться на разрешение на этот раз этой трудной задачи»[1].

С р е д с т в а. — Силы противников никогда не были так слабы: силы русских и румын были подорваны, итальянцы сильно ослаблены, а американцы не были в состоянии вмешаться значительными силами раньше июля; оставались лишь французы и англичане, имевшие около 170 дивизий, из коих едва 60 составляли резервы.

Образ действий противника до лета мог быть только оборонительным.

Немецкие же силы, наоборот, в течение зимы должны были

[1] К у л ь, Крушение наступательных операций 1918 г.

прогрессивно расти от притока сил, освобождавшихся на Восточном и Итальянском фронтах. Однако, если «впервые наши тылы были обеспечены с востока, то обстановка там оставалась недостаточно ясной»[1], чтобы осенью можно было надеяться на возможность быстрого снятия значительных сил с Восточного фронта. Вследствие этого Людендорф считал, что численное превосходство, которым он будет располагать в марте на Западном фронте, будет чрезвычайно слабым и что для наступления у него будет лишь около 35 дивизий и 1 000 тяжелых орудий; однако, во всяком случае,

> «весной соотношение сил будет для нас более благоприятным, чем позднее — в течение лета или осенью»[2].
>
> «Армия была вполне в состоянии вести большое наступление: ее наступательный дух не являлся результатом лишь суровой дисциплины, как говорили некоторые»[3].

Тем не менее, дефицит в лошадях вместе с недостатком фуража, горючего и шин для автотранспорта вынудил предоставить все средства лишь ограниченному числу дивизий, названных «ударными», в ущерб другим, названным «позиционными». Отсюда возникало сомнение, «будет ли армия еще достаточно подвижной, чтобы после прорыва вести крупные операции в открытом поле»[4].

Заключение. — Таким образом, с самого начала основная идея была вполне ясна: нанести противнику на западе решительное поражение при содействии всех свободных сил, снятых с других фронтов, с целью уничтожить его до вмешательства американской армии; достигнуть этого стратегическим маневром в открытом поле, который должен последовать после осуществления тактического прорыва в неприятельском фронте.

Идея бесспорно правильна: она полностью отвечает цели «уничтожения» противника, и для этого в отношении принципа сосредоточения сил на решающем театре она правильно решает сложный вопрос борьбы на нескольких фронтах, являвшийся столь часто предметом исследований Шлиффена.

---

[1] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.
[2] Людендорф, Воспоминания о войне.
[3] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.
[4] Людендорф, Воспоминания о войне.

Образ действий может быть только одобрен: в том положении, в котором были державы центрального союза, им необходимо было наступление:

«Лучше было быть молотом, чем наковальней»[1].

«Если мы не добьемся победы в 1918 г., мы погибнем»[2].

Однако, при разработке плана выявляется его слабый пункт: для разрешения столь трудной задачи, как уничтожение союзников, можно рассчитывать лишь на 35 дивизий, в то время как резервы противников оцениваются в 60 дивизий. В целях увеличения своих сил необходимо дойти до предела: снять средства с восточных фронтов и добиться от австрийского союзника эффективного участия в наступлении. Однако, в отношении предварительной ликвидации восточных фронтов ничего не было сделано, а от «Двуединой монархии» (Австро-Венгрии.— Ред.) была получена лишь незначительная поддержка.

Короче говоря, численность войск, предназначавшихся для наступления, не являлась достаточной и не соответствовала поставленной цели[3]. Эта серьезная ошибка в значительной степени об'ясняет стратегический неуспех.

2. РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ИДЕИ

Наступление против англичан

Приняв решение атаковать на западе возможно скорее и всеми свободными силами, необходимо было возможно раньше установить пункт атаки.

Весной предстояло иметь дело с двумя противниками: англичанами и французами. Кого же из них атаковать: англичан ли, мало маневроспособных и ослабленных фландрскими боями, главная масса сил которых была сосредоточена на севере, или же французов, которых немцы считали «и тактически и стратегически более маневроспособными»[4], восстановивших как будто бы полностью свою боеспособность и сгруппировавших сильные резервы к востоку от Уазы?

***

[1] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.

[2] Людендорф, «Militar-Wochenblatt» от 1 декабря 1922 г.; цитировано Кулем.

[3] «Я был убежден, что мы имели достаточно сил и духа, чтобы в последний раз попытаться добиться решения оружием». Гинденбург, Моя жизнь, стр. 284.

[4] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.

а) **Первые проекты и конференция в Монсе.** — Первоначальная проработка вопроса как в штабе верховного командования, так и в штабах армейских групп сводила все наступательные проекты к двум:

— против англичан во Фландрии — исходное положение с фронта Ла-Бассе — Армантьер в направлении Хазебрука;

— против французов у Вердена — исходное положение от Аргонн и Сен-Миэля с целью окружения крепости (схема 1).

В середине октября, в тот момент, когда обстановка еще не выяснилась, когда фландрское сражение еще продолжалось и когда развал России только начался, а наступление против Италии начато еще не было, начальник оперативного бюро верховного командования майор Ветцель, пользовавшийся полным доверием ген. Людендорфа и часто вмешивавшийся как в вопросы подготовки операций, так и в вопросы их выполнения, создал первый проект — памятную записку от 23 октября, в которой он устанавливает, что принципиально решения следует добиваться в выступлении против англичан, предприняв удар на правом фланге Фландрского фронта, где находится главная масса британских сил.

К этому проекту возвращается баварский кронпринц Руппрехт в своей памятной записке от 3 декабря; по его мнению, такая атака позволила бы достигнуть важной стратегической цели, но в то же время ограниченной по характеру и находящейся в соответствии с имеющимися в распоряжении силами, а именно — Ла-Манша. Кроме того, достижение этой цели давало значительное сокращение фронта, благоприятствовало расширению баз подводных лодок и составляло серьезную угрозу Англии:

> «Наступление в направлении Хазебрука, при котором левый фланг прикрывался каналом Ла-Бассе, имело бы целью отрезать англичан, которые, будучи тесно сосредоточены в самой западной части Франции, находились в чрезвычайно неблагоприятной стратегической обстановке, имея непосредственно за собой, на севере и западе, море...
>
> Маршал Гинденбург отнюдь не недооценивал стратегического значения решительной победы над англичанами; в успехе такой атаки он видел решение войны: если мы доберемся, говорил он, до берега Ла-Манша, мы непосредственно воздействуем на жизненные артерии Англии»[1].

Этому проекту противопоставлялся проект имперского наследного принца, ставивший целью наступления прорыв фран-

[1] Куль. Крушение наступательных операций 1918 г.

СИЛЫ

СОЮЗНИКИ

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

число	п. д.	резерв
21 марта	175	57
27 мая	180	60
15 июля	204	80

НЕМЦЫ

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

число	п. д.	резервы			
		свежих	восстановлен.	усталых	всего
21 марта	187	84	,,	,,	84
27 мая	208	62	,,	19	81
15 июля	207	43	26	12	81

ОСТАЛЬНЫЕ ФРОНТЫ

румыния	восток	македон.
8	39	2
4	34	2
4	33	2

Схема 1. Общее положение на французском фронте в марте 1918 г.

цузского фронта. Начальник штаба германского наследного принца, полковник фон-дер-Шуленбург, считал, что

> «Англия вынуждена будет просить мира не вследствие частичного поражения ее армии, но после тяжелого поражения и уничтожения сил французов» —

самого сильного и опасного противника; к этому результату должно было привести наступление, предпринятое по обеим сторонам Вердена.

Несколько дней спустя майор Ветцель присоединился к проекту наступления против французов, считая согласно его памятной записке от 9 ноября, что

> «в этом случае меньше всего можно было опасаться, что атака даст результатом лишь вдавливание мешка».

***

Пока вырабатывались эти проекты, обстановка развивалась в благоприятную сторону для держав центрального союза: фландрское сражение затихло, итальянская армия понесла тяжелое поражение, а русская армия быстро разлагалась.

Людендорф счел, что наступило время остановить свой выбор на районе атаки. 11 ноября в сопровождении подполковника Ветцеля он отправился в Монс, в штаб принца Баварского, на совещание с начальниками штабов обеих заинтересованных армейских групп — ген. фон-Кулем и полковником фон-дер-Шуленбургом (заслуживает внимания факт: решение, от которого должна была зависеть судьба войны, принималось начальниками штабов в отсутствии ответственных за них командующих).

Прежде всего, Людендорф отчетливо устанавливает основу для предстоящих суждений:

> «Положение России и Италии позволит, вероятно, нам в будущем году нанести удар на Западном фронте. К этому времени силы обеих сторон будут, примерно, равны. Для наступления мы сможем располагать 35 дивизиями и, примерно, 1 000 тяжелых орудий. Эти средства достаточны для наступления, но мы не будем в состоянии начать одновременно второе наступление, имеющее назначением отвлечение сил противника от направления главного удара.
>
> Сложившаяся обстановка требует от нас, чтобы мы разбили противника возможно скорее — по возможности уже

в конце февраля или в начале марта, до того, как американцы смогли бы бросить на чашу весов крупные силы.

Разбить нужно англичан.

Вот те три руководящие идеи, на основе которых мы должны строить план наших операций» [1].

Итак:
— против англичан,
— единственная операция,
— возможно скорее.

Установив это, Людендорф обсуждает оба проекта:

«Операция... «Сен-Жорж»... в направлении Хазебрука против фланга и тыла главных британских сил... была бы несомненно чрезвычайно выгодной, но она наталкивается на значительные трудности с точки зрения местности. В частности, она прежде всего зависит от атмосферных условий и не может быть проведена достаточно рано.

Для выигрыша времени можно было бы вначале сковать французов второстепенной атакой, хотя бы у Вердена, срезать выступ, который в этом районе образуется фронтом противника, а затем обернуться против англичан, но для этого у нас нет ни достаточных сил, ни достаточного количества снарядов» [2].

Считая, что проекты армейских групп не отвечают трем основным пунктам, установленным им в качестве основы для его операций, Людендорф выдвигает проект атаки в районе Сен-Кантэн, где неприятельские позиции слабо укреплены и заняты небольшими силами и где не имеется резервов.

«Следует рассмотреть, не будут ли выгоднее условия для операции где-нибудь южнее.

В частности, в районе Сен-Кантэна атака имеет как будто бы бо́льшие шансы на успех.

По достижении течения р. Соммы, между Перонн и Гам, наступающие войска, опираясь своим левым флангом на

[1] Подполковник Фольфганг Ферстер, Германская стратегия во время мировой войны, стр. 378.

[2] В своих «Воспоминаниях о войне» Людендорф пишет (т. II, стр. 205): «Со стратегической точки зрения атака на севере была выгодной в том отношении, что она позволяла достигнуть цели одновременно и ограниченной и важной: было возможно добиться сокращения фронта, если бы удалось взять Кале и Булонь. Атака Вердена также вела к исправлению нашего фронта, главным образом в тактическом отношении».

Сомму, смогут продолжить наступление в северо-западном направлении и постепенно ломать фронт англичан, охватывая его с фланга»[1].

Стратегическая идея — добиваться решения против англичан путем «сматывания» их правого фланга — совершенно ясна; выбор района наступления обоснован, раз он позволяет в стратегическом отношении отделить англичан от французов и прижать первых к морю, а в тактическом отношении вести атаку против более слабого противника, против его слабого пункта и достаточно рано.

Стратегическое направление совершенно определенное: севернее Соммы, в северо-западном направлении.

Самый маневр составлен четко: прежде всего, достигнуть Соммы между Гам и Перонн с очевидной целью прикрыться от французов и сэкономить силы с этой стороны; затем, прочно оперев левый фланг на такое препятствие, как Сомма, перенести центр тяжести к северу, между Аррасом и Перонн, и продолжать наступление в северо-западном направлении — в район, благоприятный для борьбы в открытом поле. В частности, эта атака возвращала местности все то стратегическое значение, которое было ею утрачено за три года позиционной войны, а это представляло не малую ценность как в отношении выбора района ввиду возможности маневренной войны, так и в отношении изыскания препятствий для прикрытия фланга.

Образ действий. — Хотя первоначальный стратегический замысел может быть только одобрен, намеченный образ действий, наоборот, создает почву для суровой критики.

Людендорф, который в течение трех лет руководил операциями только против России, предполагал перенести на Западный фронт методы, основанные исключительно на единственной атаке, имеющей целью тактический прорыв. Эти методы давали ему в течение всех операций, проведенных в 1917 г. как на востоке, так и в Италии, блестящие успехи: Злочев —

[1] Позже Людендорф излагает в своих «Воспоминаниях о войне» соображения в пользу этой атаки (т. II, стр. 215):

«Атака в центре была бы более благоприятной с тактической точки зрения: она велась бы против меньшей части сил противника, а к тому же и местность не представляла затруднений. Кроме того, эта атака была возможна в любой момент. Стратегически она могла завести нас слишком далеко, но, перенося центр атаки между Аррасом и Перонн к берегу, можно было избежать этого недостатка. Если бы прорыв нам удался, стратегический успех был бы огромен, так как мы отрезали бы главные силы англичан, отбрасывая их к берегу, от французской армии».

в июле, Рига — в сентябре, Капоретто — в октябре. Он собирался, следовательно, уничтожить противника — англичан — глубоким и быстрым тактическим прорывом, который должен привести его к решительным операциям в открытом поле, причем все это он намечает выполнить прежде, чем французские резервы успеют принять участие в бою.

С этого момента он посвящает все свои средства этой единственной решительной атаке. Он старается не распылять своих сил в предварительных или одновременных операциях под предлогом сковывания и истощения неприятельских сил, которые, по его предположению, не смогут вмешаться в борьбу. И в этом его основная ошибка, так как опыт наступлений на Западном фронте показал, что противник, не истощенный ни материально, ни морально и сохранивший свободу действий, всегда сможет маневрировать своими резервами во времени и в пространстве и сделать прорыв неосуществимым.

С р е д с т в а. — Способ «единственного наступления без применения диверсии» основывался не только на вере в бесполезность предварительного истощения резервов противника, но также и на недостатке наличных средств. Людендорф, оценивая эти средства в ноябре, считал их, как мы видели, достаточными для одного наступления, но не «для второго, значительного наступления, хотя бы последнее и было предпринято в качестве диверсии».

Однако, результаты оказались те же: противник сохранил полную свободу действий и маневрирования своими резервами и заткнул прорыв.

Таким образом, в середине ноября, в момент, когда операция еще только создается, мы видим:

— с т р а т е г и ч е с к у ю и д е ю — ясную и твердо установленную;

— о б р а з д е й с т в и й, который хотя и казался убедительным на Восточном фронте, в совершенно особых условиях, но еще не проявил себя на западе;

— с р е д с т в а — не соответствующие цели.

***

б) **Новые предположения: план Ветцеля.**—С 11 ноября, дня зарождения идеи наступления, и до 21 марта, дня его начала, мы можем шаг за шагом проследить за эволюцией стратегической идеи в мыслях Людендорфа.

Подписание 15 декабря перемирия с Россией совершенно изменило общую обстановку в благоприятную для центральных

держав сторону. Соотношение сил значительно изменилось в их пользу, и можно было предположить, что впредь до прибытия американцев армии Антанты будут держаться оборонительного образа действий. Тем не менее, Людендорф из-за медленного течения мирных переговоров с Россией, которые продолжались до марта, не считал для себя возможным перебросить с востока на запад значительные силы настолько быстро, как бы это ему хотелось:

> «Хотя на запад и было переброшено более 40 дивизий, но то, что оставалось на востоке, все же представляло собой значительную силу... мы добились лишь вооруженного мира... бесконечные пространства русского фронта требовали много войск [1].
>
> Можно было надеяться иметь на Западном фронте превосходство приблизительно в 30 дивизий, но в действительности это превосходство не было столь большим, так как неприятельские армии обладали гораздо большим количеством специальных войск и территориальных частей... мы думали вести наступление приблизительно 50—60 дивизиями» [2].

С другой стороны, новые проекты наступления, полученные верховным командованием после конференции в Монсе, давали новое освещение условиям выполнения наступательных операций.

Прежде всего отметим проект армейской группы Руппрехта, т. е. генерала фон-Куля, который в своей памятной записке от 20 ноября настаивал на проведении наступления «Сен-Жорж»:

> «Если атака должна быть предпринята там, где есть шансы быстро произвести прорыв, то она должна одновременно вывести и на наиболее выгодное стратегическое направление».

Поэтому Куль считает необходимым

> «держать сильные резервы в готовности для действий на левом фланге фронта наступления против французов, которые бросятся в крупных силах для поддержки англичан... связать французские силы на других фронтах демонстративными действиями и, если возможно, частичными

[1] К 21 марта на Восточном фронте еще оставалась 41 дивизия.
[2] К 21 марта немцы располагали на англо-французском фронте 197 дивизиями, из которых 84 были в резерве.

атаками... приковать английские силы к неатакованным фронтам...» [1].

Месяц спустя в своей памятной записке от 15 декабря он вновь настаивает на том факте, что

«прорыв может удасться лишь в том случае, если главная масса резервов противника будет скована в другом месте» [2].

Подполковник Ветцель в памятной записке от 12 декабря излагает своему начальнику особенно интересные возражения (схема 2). Решительно борясь с идеями Людендорфа, говорившими в пользу «единственной атаки без истощения резервов», Ветцель заявляет, прежде всего, что «шансы на успех на Западном фронте основываются на иных принципах, чем те, благодаря которым был достигнут успех на востоке и в Италии», и что, следовательно, надо «назначать цели лишь такие, которые действительно могут быть достигнуты против занимающих этот фронт противников». В частности, боеспособность противника, слабое численное превосходство германцев, возможность для противника быстро передвинуть значительные резервы, чрезвычайная трудность добиться внезапности и быстроты прорыва — все это делает на западе чрезвычайно сложным наступление, «которое противнику через некоторое время удастся затормозить...».

«Мы могли бы, следовательно, добиться действительно крупного и решительного успеха лишь путем удачного комбинирования нескольких атак, проведенных в тесной взаимной связи между собой».

Возвращаясь к частному случаю — к «крупному прорыву», предполагаемому Людендорфом в районе Сен-Кантэна, — Ветцель делает следующее предупреждение:

«Можно быть уверенным, что противник будет в состоянии быстро принять контрмеры: англичане прибудут с севера, французы с юга... Следовательно, если мы и добьемся вначале значительного успеха, то затем нам безусловно придется считаться с главными силами наших обоих противников в течение длительных боев... При таком

[1] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г. Кронпринц Рупрехт Баварский, Мой военный дневник.
[2] Там же.

Схема 2. Проект Ветцеля от 12 декабря.

наступлении наш прорыв, по всей вероятности, постепенно ликвидируется».

И Ветцель заключает следующим благоразумным советом:

«Если мы решим атаковать англичан, то необходимо... оставив очень сильные резервы против французского фронта, поколебать весь фронт англичан путем искусного комбинирования последовательных атак, проведенных в теснейшей взаимной связи между собой в различных пунк-

тах фронта, причем большая атака в направлении Хазебрука еще не будет последним актом этого комбинированного наступления. Ведя же одну большую атаку, начатую лишь в одном пункте фронта, мы не достигнем поставленной себе цели».

Опираясь на столь солидную аргументацию, Ветцель установил план операций против англичан, в котором общие операции разделялись на два акта (схема 2).

Первый акт — акт сковывания и истощения — должен был

«состоять в широкой атаке на фронте Камбрэ, Сен-Кантэн с целью проделать широкую брешь, чтобы заставить англичан снять свои резервы с фландрского сектора и ввести их в сражение для образования нового фронта».

Цель была ограничена: Бапом, Перонн, Гам, Ла-Фер.

Атака должна была развиваться путем комбинирования последовательных действий, начатых на флангах в день «Д» 22 дивизиями, с целью сковывания местных резервов и принуждения противника снять часть войск с центра. Затем два дня спустя должна была начаться атака центра (главная атака, 20 дивизий).

Второй акт должен был состоять в том, чтобы нанести решительный удар в каком-нибудь стратегическом направлении, выбранном в районе, лишенном резервов, с целью «прорвать Фландрский фронт в направлении Хазебрука». Это направление должно было иметь в виду дальнейшую стратегическую задачу: «смотать (enrouler) весь английский фронт с севера на юг» на основе комбинированных действий двух армий, начатых на пятнадцатый день 30 дивизиями.

Из 70 дивизий, которые, по его мнению, должны были в начале марта находиться в распоряжении верховного командования, Ветцель предназначал для наступления 50 дивизий. Из них главную массу — 40 дивизий — он намечал для первоначальных действий, оставляя за собой возможность предоставить для главного удара необходимые силы путем быстрой переброски туда освобождающихся частей. «Железнодорожный путь, — писал он, — будет играть важнейшую роль в деле расстановки сил для второго акта сражения».

Достоинством этого плана является, с одной стороны, правильный учет реальных условий борьбы на Западном фронте, какими они представлялись Ветцелю в результате его трехлетнего опыта, а, с другой стороны, следствием этого опыта яви-

лось то, что план создан на основе здоровой установки и соответствующих рациональных способов действий.

По мнению Ветцеля, предполагаемая Людендорфом единственная операция — это «чисто фронтальная атака», которая систематически осуждалась Шлиффеном в течение всей его карьеры, так как

> «она не ведет к нанесению решительных ударов, позволяющих быстро кончить войну» [1]; «конечно, противник отбрасывается, но через некоторое время он возобновляет свое сопротивление, от которого он временно отказался» [2].

В противоположность Людендорфу, Ветцель остается верен доктрине учителя, который хотя и считал, что

> «фронтальная борьба не должна быть ограничена исключительно ролью чистого сковывания, а фронт при всяких обстоятельствах должен быть атакован» [3], — «но лишь одно окружение может дать быстрое и полное решение, при условии, что оно предпринято достаточными силами» [4]... «так как самое важное в решительном сражении — это смять фланги на всей глубине оборонительной системы противника» [5].

Отсюда и возникла мысль о действии, состоящем из двух актов, каждый из которых имеет целью добиваться решения на фланге и в тылах противника, а именно: операция «Михель» стремится к сковыванию и истощению резервов противника на фронте Камбрэ — Сен-Кантэн, а операция «Сен-Жорж»—в направлении Хазебрука.

Однако, плану Ветцеля нехватает уравновешенности в отношении маневрирования силами, так как между первым и вторым актами появляется необходимость в значительной переброске средств, нарушающей между ними необходимую связь во времени.

> «Проект Ветцеля, — писал уже 29 декабря принц Баварский, — включает в себе много хороших вещей, но на

---

[1] Заключительный разбор полевой поездки генерального штаба осенью 1899 г.

[2] Шлиффен, Современная война, т. I, стр. 17.

[3] Там же.

[4] Шлиффен, Письмо начальнику генерального штаба от 7 марта 1904 г.

[5] Шлиффен, Канны, 1909 г., стр. 529.

самом деле он делает из операции «Михель» главную операцию, так как для нее требуется столько сил, что их почти не остается для придания операции «Сен-Жорж» решающего характера. К тому же предполагается начать «Сен-Жорж» лишь 14 дней спустя после «Михель», в то время как, по моему мнению, решительная атака должна последовать за сковывающей атакой не позже, чем через 6 дней, если мы не хотим дать возможность противнику рокировать свои резервы к северу с целью привести к неудаче операцию «Сен-Жорж»[1]. Между тем, граф Шлиффен неоднократно останавливал внимание своих учеников во время полевых поездок и в своих сочинениях на необходимости «быть сильнее в решительном пункте, которым является всегда фланг противника», причем «на верховном командовании лежит обязанность сократить соответствующими мерами неизбежный промежуток времени между прибытием одних сил на фронт и других сил на фланги и тылы»[2].

Приведенные выше памятные записки совершенно ясно показывают, какого рода стратегические и тактические идеи царили в германских штабах. В частности, они показывают, что наиболее видные сотрудники Людендорфа сходились между собой по трем основным пунктам:

1) прорыв на западе будет труден; во всяком случае, его надо добиваться, имея в виду только стратегическую цель;

2) резервы противника должны быть скованы;

3) решительная атака должна быть последним актом комбинированного наступления, а предшествующие ей атаки должны лишь поколебать фронт и истощить резервы противника.

С этих пор, казалось бы, не только увеличение вдвое свободных сил, предусмотренных верховным командованием в декабре месяце, но еще и точные указания Куля и Ветцеля должны были позволить Людендорфу, сохраняя его стратегическую идею, предусмотреть необходимые предварительные действия для сковывания и истощения резервов, т. е. те действия, которые он не мог себе позволить осенью из-за недостатка средств.

Но в противоположность этому мы увидим, что он будет неуклонно придерживаться способа «единственной операции» и, наоборот, окажется менее твердым в своей стратегической идее; в частности, мы увидим, что он будет считаться с планом Вет-

[1] Кронпринц Баварский, т. III, стр. 245.
[2] Шлиффен, Канны, 1909 г., стр. 559.

целя, но в условиях, которые совершенно видоизменят его первоначальный замысел.

**
*

в) **План Людендорфа.** — 27 декабря, рассмотрев проекты операций на совещании с начальниками штабов армейских групп, Людендорф, полагая, что обстановка, в особенности на востоке, еще может измениться и что нет нужды спешить, приказывает начать подготовку всех предложенных атак на всем фронте (схема 1), но окончательного решения еще не принимает.

Хотя он и предусматривает подготовку по всем проектам, однако характер главного удара он как будто бы придает лишь атакам севернее Уазы, на фронте Армантьер — Ипр («Сен-Жорж») и Камбрэ — Ла-Фер («Михель»). Идея наступления против англичан, повидимому, остается, и если он не делает еще определенного выбора между обеими операциями, то во всяком случае расположение по обеим сторонам Сен-Кантэна армии фон-Гутьера, победителя в злочевском и рижском прорывах, как будто уже служит доказательством того, что его выбор сделан.

С другой стороны, разбирая все изложенные проекты, Людендорф совершенно не высказывает своей точки зрения по поводу сделанных Кулем и Ветцелем замечаний как относительно необходимости сковывания неприятельских резервов, так и относительно возможности комбинированного наступления.

Озабоченный медленностью переговоров с русскими, что не позволяет «полностью выяснить обстановку с этой стороны», Людендорф в течение месяца еще откладывает принятие решения.

> «Достойно большого сожаления, — писал 10 января принц Баварский, — что ген. Людендорф поглощен в настоящий момент политическими вопросами, мешающими ему ответить с достаточной полнотой на наши вопросы, касающиеся весенних наступательных планов. Ген. Людендорф говорил сегодня, что ему удастся сохранить свое положение... 5 января Людендорф предложил императору свою отставку, так как он не может взять на себя ответственность за наступление на западе, если положение на востоке не будет полностью обеспечено»[1].

С 19 по 21 января Людендорф вместе с начальниками штабов армейских групп обоих кронпринцев производит обследование всего Фландрского фронта до Уазы, тщательно изучая с начальниками штабов армий, и часто даже штабов армейских кор-

[1] Кронпринц Баварский, т. II, стр. 313.

пусов, возможность тактического прорыва. 21 января он заявил, что «операция «Сен-Жорж» слишком зависит от атмосферных условий», а «операция «Марс», в районе Арраса, слишком трудна». Считая, что прорыва легче всего добиться в районе Сен-Кантэна, он решает в пользу наступления «Михель» — «операции, которая может быть расширена к северу до Скарпы». Людендорф добавляет, что

> «18-я армия, взятая у кронпринца Руппрехта, будет подчинена германскому наследному принцу с задачей прикрывать фланги наступающих 2-й и 17-й армий посредством продвижения к Сомме от Перонн до Гам и до канала Кроза; к решению должно было привести наступление 2-й и 17-й армий» [1].

Для проведения этого решения в жизнь были отданы верховным командованием приказы от 24 января, 8 и 10 февраля и 10 марта.

Инструкцией армейским группам от 24 января [2] Людендорф доводит до войск свое окончательное решение — произвести наступление «Михель». Цель этого наступления — «прорвать фронт противника до линии Ла-Фер — Гам — Перонн и затем, в связи с «Марсом южным», продвинуться за линию Перонн — Аррас (схема 3); для этого вначале атака должна была вестись тремя армиями:

17-й — в направлении северо-восточнее Бапом;

2-й — севернее Оминьон;

18-й — по обеим сторонам Сен-Кантэна.

Это наступление должно было быть обеспечено: с севера — наступлением («Марс») против высот южнее Скарпы, которое должно было начаться лишь несколько дней спустя после наступления «Михель» с целью получить освобождающуюся здесь артиллерию, и с юга — вспомогательной атакой 7-й армии на левом берегу Уазы («Арканж»).

Впоследствии мысль о наступлении «Марс северный» была оставлена из-за недостатка сил, а наступление «Сен-Жорж» на фронте Армантьер — Ипр должно было быть только подготовлено. Восточнее Уазы операция в Шампани была отложена, а Верденская — отменена.

---

[1] 17-я армия (бывшая ранее в Италии) под командой ген. фон-Бюлова, победителя у Капоретто, в последних числах января заняла фронт между 2-й и 6-й армиями.

[2] Эта инструкция приведена в книге принца Руппректа Баварского, т. III, стр. 265.

Распределение наступ. массы

Армии	Наступ. фронт	Дивизии 1	2	3	всего	Артиллерия полев.	тяж.	б. м.
	км							
17-я	20	9	6	2	17	1100	800	25
2-я	20	9	5	4	18	1075	700	18
18-я	24	12	8	4	24	1580	950	30
резерв	—	—	—	—	3			
	64				62	3755	2450	73

Схема 3. Замысел Людендорфа.

В начале февраля кронпринц Баварский, считая, что «для достижения успеха при операции «Михель» следует предпослать ей атаки «Сен-Жорж» в качестве демонстративных», начинает подготовку этих атак в ущерб операции «Михель». 8 февраля Людендорф уточняет, что «Михель» является главной операцией весеннего наступления» и что «остальные операции должны следовать за, а не предшествовать «Михель». А так как армейская группа как будто не хочет этого понять, то он 10 февраля призывает ее к порядку приказом, переданным по телефону. Этот приказ бросает яркий свет на тот способ, которым он рассчитывал предпринять свое наступление.

> «Так как верховное командование решило, что операция «Михель» будет главной, то атаки «Сен-Жорж» могут быть начаты лишь как второй акт сражения и притом лишь в том случае, если «Михель» не приведет к большому прорыву, но будет остановлена брошенными в бой английскими и французскими резервами... Невозможно и не следует выполнять операции «Сен-Жорж» в той форме и теми силами, которые предусмотрены 4-й и 6-й армиями. Мы не сможем своевременно иметь 20 дивизий, необходимых для Армантьерской операции, и более 12—15 дивизий — для Ипрской. Тем не менее, мы можем смело допустить, что даже при таких условиях операция «Сен-Жорж», являющаяся вторым актом сражения, добьется решительного успеха, так как можно с уверенностью рассчитывать, что масса неприятельских резервов будет скована южнее операцией «Михель»...».

Наконец, 10 марта Людендорф дает на подпись маршалу Гинденбургу общий приказ на наступление, имея в виду ту операцию, которая должна была быть, как говорит Куль, «наиболее значительной и выполненной при помощи самых больших сил и средств»:

1. Операция «Михель» должна начаться 21 марта...

2. Армейская группа кронпринца Баварского в качестве первой крупной тактической цели получает задачу отрезать англичан в выступе Камбрэ и достичь севернее Оминьона, до его впадения в Сомму, линии Круазиль — Бапом — Перонн, устье Оминьона...

Последующей задачей армейской группы должно было быть продвижение в направлении Аррас — Альбер и удержание левым флангом течения р. Соммы в районе Перонн. Затем, перенеся центр тяжести своего усилия на правый фланг,

группа кронпринца Баварского должна была также поколебать английский фронт перед 6-й армией и постоянно отводить в резерв часть сил для того, чтобы по выходе из обстановки позиционной войны иметь возможность продвигаться вперед.

3. Армейская группа германского наследного принца должна была вести атаку южнее Оминьона и продвигаться, прежде всего, к Сомме и каналу Кроза.

В случае быстрого продвижения 18-я армия должна была захватить переправы на Сомме и канале. Кроме того, ей надлежало быть в готовности протянуть свой правый фланг до Перонн.

Армейская группа должна была принять все меры для усиления левого фланга 18-й армии дивизиями 7-й, 1-й и 3-й армий.

4. 2-я гвардейская, 26-я и 12-я пехотные дивизии должны были оставаться в распоряжении верховного командования.

5. Верховное командование оставляло за собой право решить, в зависимости от характера, который примет сражение, должны ли предприниматься операции «Марс» и «Арканж».

**
*

Стратегическая идея. — Читая приказ от 10 марта и сопоставляя его со столь ясно указанной на конференции в Монсе целью, изложенной затем в инструкции от 24 января, легко понять, что вопрос все время идет о том, чтобы разбить англичан, и что этой цели надеются достигнуть после тактического прорыва фронта Камбрэ — Ла-Фер, прикрываясь со стороны Соммы влево 18-й армией и ведя севернее 2-й и 17-й армиями решительное наступление в северо-западном направлении.

Но в тексте приказа эта идея сильно затуманена. В нем нет и речи ни о стратегическом направлении, ни о главной операции, ни о постепенном «сматывании» английского фронта к северу, ни о прикрытии фланга, ни о центре тяжести сосредоточения сил. Приказ, который является, в сущности, основным документом, определяющим цели и ответственность, дает возможность лишь догадываться о стратегической цели, но уделяет особое внимание тактическим об'ектам.

Сразу же возникает вопрос: не доминировал ли тактический метод действий над стратегической идеей уже с самого ее зарождения?

Действительно, мы уже видели, что Людендорф решает прорвать фронт в направлении Соммы от Гам до Перонн, потому что тактически именно в районе Сен-Кантэна прорыв, направленный против слабого пункта противника, был наиболее легко

осуществим и обещал больше всего шансов на успех. Если верить принцу Руппрехту, то на замечание фон-Куля, что операция «Михель» не выводила на благоприятное стратегическое направление, Людендорф, якобы, ответил:

«В России мы всегда ограничивались назначением ближайшей цели, а затем уже нам становилось ясным, что мы должны делать дальше».

Принц Руппрехт добавляет:

«На это я ответил, что хотя, очевидно, тактический успех должен всегда являться основой стратегического успеха, но нельзя недооценивать важности направления, в котором должна вестись стратегическая операция; это, может быть, и было допустимо в отношении русских, чрезвычайно мало маневроспособных, но невозможно по отношению к англичанам и особенно французам, которые в стратегическом отношении были особенно гибки и подвижны» [1].

Позже в своих «Воспоминаниях о войне» Людендорф делает следующее принципиальное заявление:

«Вопросы момента и тактические соображения — в первую очередь слабость противника — привели меня к выбору района атаки... Чистая стратегия должна была уступить место тактике; не добившись тактического успеха, нельзя было заниматься стратегией. Стратегия, не добивающаяся тактического успеха, заранее обречена на бессилие».

Куль, желая оправдать эту аргументацию, пишет:

«В первую очередь нужно было произвести прорыв, причем выбор места, где легче всего было этого добиться, был вопросом тактики. Но одновременно необходимо было стремиться к достижению наиболее действительного и решительного стратегического успеха, выбрав соответствующее направление для прорыва: оба эти требования редко могут быть в одинаковой степени осуществлены в одном и том же районе; обычно же приходится взвешивать все, что в каждом районе говорит за и против, и тогда уже остановиться на каком-нибудь компромиссе. Невозможно выбрать район наступления, основываясь исключительно на

[1] Принц Руппрехт, т. II, стр. 322 (переговоры в Марле 21 января).

одних тактических или одних стратегических соображениях».

Все эти рассуждения, хотя и содержат долю правды, не могут нас удовлетворить, так как имеют тенденцию установить, что необходимость тактического прорыва имеет преимущество перед стратегической проблемой.

Конечно, мы признаем, что для прорыва необходимо, прежде всего, добиться тактических успехов, но эти успехи будут иметь ценность лишь постольку, поскольку их будут добиваться не как самоцели, а в зависимости от твердо установленного стратегического замысла. Поиски «слабого пункта» противника уместны лишь в таком районе, в пределах которого произведенный тактический прорыв сможет быть стратегически использован; этому соображению поиски «слабого места» и должны быть подчинены. Иными словами, при выработке плана операций необходимо, прежде всего, установить направление стратегического маневра, а не направление тактического прорыва.

Таким образом, в противоположность утверждениям Людендорфа стратегия, нуждаясь в тактике, все же не должна уступать ей первое место. Именно эта основная ошибка, заставившая Людендорфа добиваться, прежде всего, тактического успеха, и привела его постепенно к потере из виду стратегической цели. Принц Руппрехт писал тогда:

> «Конференция [1] вертелась исключительно вокруг тактических соображений. Вследствие этого у меня создалось впечатление, что Людендорф не имел точного представления о формах борьбы на нашем фронте; он недооценивал трудности наступления и сильно поддавался влиянию генералов и офицеров, недавно прибывших с Восточного и Итальянского фронтов...».

Людендорф забыл урок Шлиффена: «Тактика должна быть в общем лишь служанкой стратегии».

К тому же еще сомнительно, крепко ли вообще сидела в голове Людендорфа стратегическая идея.

Правда, по начальному замыслу первый период маневра основывался, главным образом, на создании от Перонн до Ла-Фер оборонительного фронта с целью прикрыть минимумом сил главную операцию, для чего должен был быть сделан прорыв в слабом пункте, который позволил бы броситься к Сомме. На конференции 21 января, когда кронпринц Баварский, желая про-

[1] Конференция в Авене 20 января. Принц Руппрехт, т. III, стр. 263.

тестовать против перехода 18-й армии из его подчинения в подчинение имперского наследного принца, заявил устами фон-Куля, что «наступление южнее Соммы поставит вверх ногами весь план», Людендорф ответил:

> «Я так не думаю: 18-я армия играет лишь оборонительную роль, связанную с некоторым продвижением до канала Кроза, причем это продвижение будет носить характер диверсии» [1].

В своих «Воспоминаниях» Людендорф ясно говорит:

> «18-я армия должна была совместно с крайним левым флангом 2-й армии прикрыть ударную группу с юга».

И тем не менее мы видим, что его подчиненные постепенно превратили район действий 18-й армии в зону наступления южнее реки.

Хотя 10 марта Людендорф и собирался по достижении Соммы сохранить оборонительное расположение 18-й армии, для которой он предусматривал растяжку фронта до Перонн, но тем не менее он допускал мысль о дальнейшей деятельности этой армии, говоря: «Армейская группа, прежде всего, продвинется к Сомме и каналу Кроза» и затем добавляя: «В случае быстрого продвижения 18-я армия захватит переправы». Куль считает, что «в данном случае имелось указание, позволявшее предвидеть возможность дальнейшего продвижения».

Так же и германский наследный принц в своем приказе от 14 марта истолковывает идею своего начальника в наступательном смысле, указывая, что «18-я армия продвинется до Соммы и захватит переправы между Сен-Христ и Тернье, имея в виду дальнейшее продвижение». Что же касается командования 18-й армией, то оно еще более расширяет эту мысль, превращая в немедленное осуществление то, что должно было быть выполнено в дальнейшем. Усматривая в приказе кронпринца одну лишь наступательную задачу, оно указывает, что:

> «...немедленно после переправы через Сомму и канал задачей 18-й армии будет привлечение на себя французских резервов, предназначенных для поддержки англичан, разгром их и перерыв всякой связи между англичанами и французами... Чем раньше 18-я армия достигнет линии Шольн — Руаи (в 15 км за Соммой), тем больше у нее

[1] Принц Руппрехт, т. II, стр. 323.

будет шансов захватить французов в самый момент их развертывания и с успехом начать борьбу в открытом поле» [1].

И командование армейской группой не только одобряет этот проект, но еще передает его Людендорфу; оно дополняет его и переводит из рамок тактической операции с ограниченной целью в рамки стратегического маневра, причем подчеркивает «его решительное значение ввиду угрозы, создаваемой им столице», и требует для него «крупных сил» [2].

Таким образом, на идею начальника — разбить англичан, прикрываясь против французов, — исполнители, на которых лежит обязанность прикрытия, отвечают: разбить французов, угрожать их столице и для этого использовать крупные силы. Можно было бы ожидать, что Людендорф будет резко реагировать на это, напомнит исполнителям их роль в пьесе и откажется от предложения, идущего столь сильно вразрез с его стратегической целью. Но ничего этого не случилось. Как говорит ген. фон-Куль:

> «Невозможность продвижения за Сомму и канал создана самим приказом (10 марта), касающимся захвата переправ», причем накануне самого дня наступления «верховное командование было согласно на наступление 18-й армии за Сомму... в случае достижения крупного успеха...»

А принц Руппрехт пишет:

> «В одном из телефонных разговоров с ген. фон-Кулем Людендорф изложил свои намерения, касающиеся дальнейших задач армий в случае достижения крупного успеха: 18-я армия двинется к Брэ — Нуайон, 2-я — на Дулланс — Амьен, 17-я — в направлении Сен-Поль. Эти направления будут установлены армиями, добавляет фон-Куль, 23 марта» [3].

Таким образом, зародыш «наступления против французов», столь противоположного первоначальной стратегической идее, содержится уже в первых приказах, вследствие чего значительно расширяется фронт наступления, а центр тяжести сил переносится в район южнее Соммы.

Первоначальная идея — прижать англичан к морю — оста-

---

[1] Проект атаки 18-й армии от 15 марта, приведенный Кулем в его труде.

[2] Передано 18 марта.

[3] Принц Руппрехт, т. II, стр. 343.

ется в силе, но одновременно предусматривается возможность принять новую идею — угрожать Парижу и даже вести обе операции, несмотря на недостаток сил.

Занавес еще не поднят, а цель действий уже перестала быть определенной. Эта ошибка должна была быть чревата тяжелыми последствиями.

***

Образ действий. — В феврале, когда Людендорф уже знал, что сможет располагать 200 дивизий, из которых более 80 будут в резерве, он намеревался с самого начала использовать все свободные силы только для одного решительного наступления и не разрешал себе предварительного или одновременного выполнения какой-либо другой операции, будь то атака или вспомогательный удар. В приказе на наступление от 10 марта мы вновь находим единственную операцию — «Михель», — так как даже в отношении атак прикрытия — «Марс» и «Арканж» — верховное командование оставляет за собой право, в зависимости от оборота, какой примут операции, решить, состоятся они или нет. Впоследствии Людендорф высказался так:

> «Все остальные фронты занимали оборонительное положение на тот случай, если бы противник предпринял атаку или контратаку» [1].

Таким образом, наступление было направлено лишь против незначительной части фронта и это тогда, когда резервы противника не были скованы и не были разбиты. Следовательно, это наступление оставляло резервам всю их свободу действий: они могли явиться и заткнуть прорыв как раз в тот момент, когда можно было бы начать его стратегическое использование.

Некоторые критики пытались оправдать такой образ действий, ссылаясь на недостаток сил, которыми располагал Людендорф; мы вернемся дальше к этому утверждению, которое, если бы даже и было правильным, не может оправдать ошибку, допущенную в применении метода. Впрочем, Людендорф отдавал себе отчет в том риске, которому он подвергался, оставляя противнику с самого начала наступления свободу маневрирования его резервами. Хотя он и отказывался от вспомогательных атак, но все же пробовал парировать опасность, пред-

[1] Людендорф, Воспоминания о войне

писывая в инструкции от 18 февраля различные меры, предназначенные для введения противника в заблуждение на всем фронте (артиллерийская борьба, местные операции и т. д.):

«Вспомогательные атаки были отвергнуты, главным образом, из-за недостатка в артиллерии... и это было очень жаль. В частности, атака в районе Ипра или Армантьер произвела бы большое впечатление на англичан, которые были постоянно озабочены вопросом прикрытия ламаншского побережья; она могла бы приковать в этом районе английские резервы, что чрезвычайно облегчило бы наступление «Михель» [1].

За отсутствием вспомогательных атак,

«были сделаны попытки — видимостью атак заставить неприятельские резервы двинуться в ложных направлениях; верховным командованием был разработан целый план наступлений для всего Западного фронта, стратегическая идея которого сводилась к тому, чтобы заставить противника поверить в оборонительный характер действий на английском фронте и в наступление против французов; главное — между Реймсом и Аргоннами, а также у Вердена, и второстепенное — на Эн и в Эльзас-Лотарингии... такие попытки демонстративных наступлений чрезвычайно трудны, так как если они ведутся неискусно, с недостаточными и несоответствующими средствами, то их вскоре распознают, и они приносят больше вреда, чем пользы».

Совершенно очевидно, что такие меры могут задержать передвижение резервов только в первые часы сражения, но ими нельзя надолго сковать эти резервы, а тем более истощить их, и мы увидим в дальнейшем, что они быстро прибыли к полю сражения.

Таким образом, последствия наступления были бы совершенно иными, если бы неприятельские резервы были предварительно скованы и истощены, как советовали Людендорфу Куль и Ветцель: французы — у Вердена или в Шампани, англичане — во Фландрии. Ученик Шлиффена забыл советы учителя, настаивавшего в своих критических статьях и во время полевых поездок на необходимости «окончательно сковать противника на фронте боем в ожидании, пока решительная атака не даст своих результатов». Своим способом Людендорф мог добиться лишь

[1] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.

тактических успехов, неспособных привести к решению, как бы крупны они ни были.

Более того, основывая свой стратегический маневр на быстроте прорыва, Людендорф основное внимание уделил созданию благоприятных технических условий этого прорыва — внезапности, протяжению фронта, краткости артиллерийской подготовки — и пренебрег тактическими условиями, необходимыми для стратегического использования успеха.

«Чрезвычайно трудна, — справедливо замечает Куль, — была задача, поставленная 18-й армии». Действительно, с одной стороны, расположение ее исходной позиции фронтом на юго-запад заставляло эту армию для выхода на свое стратегическое направление повернуться под прямым углом — на северо-запад; столь сложное движение должно было потребовать много времени и наличия резервных частей. С другой стороны, и это уже более существенно, недостаточность приданных этой армии средств должна была вынудить ее вести наступление с ограниченной целью и отложить операцию «Марс»; из-за этого внешний фланг оказался сжатым высотами района Арраса, а главная операция оказалась неприкрытой. Наконец, предусмотренный для 2-й армии сдвиг ее сил к северу от Соммы также должен был вынудить приостановку на некоторое время развития маневра. Все эти повороты, сдвиги и операции прикрытия должны были, следовательно, привести к паузам, которые позволили противнику сосредоточить свои резервы в тот критический момент, когда всякое опоздание становилось роковым для стратегического развертывания маневра.

Таким образом, оказалось, что основная масса войск стратегического маневра не была снабжена достаточными средствами, не была расположена фронтом к своей цели и не была прикрыта с фланга, и все это потому, что из-за тактических соображений — прорыва в районе Сен-Кантэна — центр тяжести наступления был перемещен не к той стороне, которой требовал маневр, а к противоположной.

Какие же причины побудили Людендорфа к такому первоначальному распределению сил, которое, как мы увидим далее, совершенно не было нужно для прорыва неприятельского фронта и которое сделало маневр неосуществимым?

Об'яснение этого дает нам сопоставление плана Ветцеля и приказа от 10 марта (схемы 2 и 3). В качестве первого этапа операции, имевшей целью достижение линии Круазиль — Бапом — Перонн — Сомма, Людендорф принял сценарий, пред-

ложенный Ветцелем на основе совершенно иной стратегической концепции. Ветцель считал эти первоначальные действия лишь первым актом своего маневра — актом, предназначенным только для сковывания и истощения резервов противника вдали от поля решительного сражения. Он стремится в этой тактической операции к ограниченной цели и не намеревается использовать ее стратегически. Это дает ему возможность сосредоточить свои усилия в благоприятном тактическом пункте, на юге; он не предполагает в дальнейшем повернуться на север и прикрыть северный фланг. В то же время он стремится к перемещению сил внутри зоны атаки. Что же касается Людендорфа, то он предпринимает эти первоначальные действия как начало единого стратегического акта, имеющего отдаленную цель и могущего привести к решению, но не обеспечивает этому акту стратегических возможностей, которых у него и не было, а именно — плотности сил на севере, целесообразного направления главной массы войск и прикрытия внешнего фланга.

Именно в этом неправильном приспособлении плана Ветцеля к совершенно не соответствовавшему ему стратегическому замыслу и надо искать главную причину неуспеха стратегического маневра и постепенного изменения стратегического направления.

Кроме того, следует подчеркнуть те неудобства, какие создавались для успешного согласования наступлений организацией командования, распределявшего три ведущие операции армии между двумя армейскими группами. Мы уже знаем открыто высказанную причину этого, а именно — желание Людендорфа «оказывать длительное время свое влияние на сражение, что было бы очень трудно, если бы оно велось одной армейской группой» [1]; скрытой же причиной являлось «желание дать германскому наследному принцу возможность заделать брешь, пробитую в его репутации у Вердена» [2].

Наконец, мы уже видели, что, хотя Людендорф и основывает свой стратегический замысел на стремлении добиться немедленного успеха без предварительного истощения резервов противника, все же в своем послании от 10 февраля он предусматривает, что если эта операция потерпит неудачу, то может быть начата новая операция, с гораздо меньшими силами, которая, несомненно, приведет к решительному успеху. Несколько дней спустя, в своем докладе императору от 13 февраля, он держит ту же речь:

---

[1] Людендорф. Приведено Кулем в его труде.

[2] Кронпринц Баварский, т. II, стр. 323 (заметки от 21 января).

«Если бы нам не удалось достигнуть цели в первой атаке, мы должны будем добиться успеха в последующей; конечно, в то время обстановка будет уже менее благоприятной» [1].

Думать, что можно добиться успеха во втором сражении, с меньшими средствами, если окончится неудачей первое сражение, которое должно быть решительным, в которое бросаются все свободные силы, которое может использовать такой фактор, как внезапность, и которое, наконец, может вестись, когда резервы противника еще далеко и не подняты по тревоге, — это значит обманывать самого себя.

Не противоречит ли Людендорф сам себе, когда он, с одной стороны, основывает свою систему на бесполезности сковывания или истощения резервов противника до решительной операции, так как эта последняя должна успешно закончиться до их прибытия, а с другой — предусматривает вторую операцию, более слабую, чем первая, на тот случай, если первая окажется сорванной английскими и французскими резервами, брошенными в бой?

Наконец, как может он с уверенностью рассчитывать на стратегический успех во втором акте, с меньшими средствами, под тем предлогом, что масса неприятельских резервов будет скована силами, использованными в первом акте? Раз Людендорф надеялся собрать 25 дивизий для операции «Сен-Жорж» и откладывал ее на то время, которое ему необходимо для подвоза этих подкреплений, то почему он не допускал для противника возможности такого же маневрирования своими резервами, поскольку они не были достаточно истощены или скованы и поскольку, наконец, противник использует данную ему передышку?

Способу действий Ветцеля, заключавшемуся в комбинированной операции, в которой деятельность на истощение с ограниченной и точно определенной целью предшествует всякой деятельности с решительной целью, Людендорф уже не смеет противопоставить единственный решительный акт без предварительного истощения; за этим актом, в случае неудачи, должен следовать второй акт, — такой же решительный, как и первый, но с более слабыми силами и, следовательно, имеющий ограниченные цели, — без заранее предусмотренной связи с первым актом во времени и в пространстве.

Мы вновь сталкиваемся здесь с верой в непогрешимость метода тактического прорыва, который и на востоке и в Италии в

---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II.

течение более чем трех лет обеспечивал Людендорфу легкие победы и отравил этим сознание германского верховного вождя.

**
*

Средства. — Располагал ли Людендорф весной такими средствами, которые позволили бы ему вести на Западном театре комбинированные действия, а именно — главное наступление и предварительные или одновременные атаки на истощение? Он это отрицает, а мы полагаем, что он не прав. Поэтому рассмотрим под этим углом зрения распределение сил на обоих фронтах, затем в различных секторах Западного фронта и, наконец, в районе атаки.

Распределение сил на обоих фронтах. — К 21 марта из 248 дивизий, составлявших в то время германскую армию, 197 находились на Западном фронте; из них 48 были переброшены с востока уже в ноябре. Не мог ли Людендорф взять с востока больше сил?

Затяжка мирных переговоров зимой побудила центральные державы начать сначала сепаратные переговоры с Украиной, хлеб которой был им необходим, а затем прекратить перемирие с русскими, с тем чтобы начать борьбу с большевизмом. «Военная и экономическая обстановка требовала ясности и быстроты действий на востоке», и Людендорф дает себя вовлечь в глубокое проникновение в Россию. Договор, подписанный с Украиной 9 февраля, и отказ от перемирия 18 февраля побуждают его к последовательному движению на Киев (1 марта) и на Одессу (12 марта), к занятию Ливонии[1] и Эстонии, а позднее — к захвату Донецкого угольного бассейна, Крыма и Финляндии. Одновременно ему нужно было обеспечить оккупацию Румынии, которая «играла важную роль в ведении войны, тесно связанной со снабжением из Румынии[2], и оставить в Турции и Македонии силы достаточной численности[3]; из-за этого в момент решительного наступления было задержано на востоке около 50 дивизий.

Желая оправдать содержание на востоке таких значительных сил, Людендорф как бы обвиняет сам себя:

«Я продвинулся на восток настолько далеко, насколько я считал необходимым для нашего военного и экономиче-

[1] Ныне Латвия. — **Ред.**

[2] Фактически оккупация Румынии потребовала 8 дивизий, которые после переговоров в Буфтеа были доведены до 4 (Кулль).

[3] К 21 марта Германия имела: 39 дивизий — в России и Украине, 2 дивизии — в Македонии, 1 дивизию — в Турции, 8 дивизий — в Румынии, 1 дивизию — внутри страны.

ского положения, но не больше; моя мысль не была занята наполеоновскими планами завоевания мира...[1]. Я шел дальше военных требований момента лишь тогда, когда являлось необходимым охранять и культивировать германизм... Я хотел укрепить германизм»[2].

В феврале месяце принц Баварский указывает на опасность такой восточной политики:

«Сегодня уже 7-е, и Куль спрашивает себя, удастся ли наше наступление, так как сил едва хватает. Он убежден, что было бы совершенно необходимо заключить мир на востоке, чтобы иметь возможность перебросить все силы на запад. Мнение Куля совпадает с моим»[3].

Наконец, по признанию самого Людендорфа, оказывается, что выгода, полученная от Украины, совершенно «не соответствовала затрате тех боевых сил, которые были необходимы для ее оккупации».

Таким образом, какова бы ни была ценность аргументов, приводимых Людендорфом, мы полагаем, что верховное командование, вмешиваясь активно в политическое руководство войной, дало себя увлечь честолюбивыми завоевательными целями, которые привели «к засасыванию в бесконечные степи русского фронта» пятой части германской армии. Между тем, присутствие этих сил весной на западе обеспечило бы за Германией такое численное превосходство, которое могло бы в значительной степени облегчить решение проблемы войны. В данном случае Людендорф вновь забыл уроки своего учителя, который в многочисленных трудах, посвященных войне на два фронта, считал, что при маневрировании по внутренним операционным линиям самой тяжелой ошибкой начальника является «разделение той армии, при помощи которой хочешь и должен победить», и советовал:

«выведя из строя одного из противников, перебросить по железной дороге достаточно сил, чтобы добиться такого численного превосходства, которое дало бы возможность нанести роковой удар и второму противнику».[4***])

---

[1] Людендорф в своих «Воспоминаниях о войне» считает, однако, что он был в состоянии, с военной точки зрения, произвести операцию накоротке на Петербург и с помощью донских казаков — на Москву, чтобы свергнуть Советы.

[2] Людендорф, Воспоминания о войне.

[3] Руппрехт Баварский, т. II, стр. 326.

[4] Шлиффен, Разбор 2-й полевой поездки генерального штаба, 1901 г.

Распределение сил на Западном фронте.— Несмотря на большие усилия, Людендорфу не удалось получить от своего австро-венгерского союзника существенной помощи для наступления [1]; в результате силы центральных держав на Западном фронте исчислялись в 197 германских дивизий.

Как бы то ни было, имевшаяся в резерве наступательная масса войск, слабость которой во время конференции в Монсе ограничивала предприимчивость Людендорфа, достигала в марте 84 дивизий, каковые были распределены между операцией «Михель» (52 дивизии) и оборонительными фронтами (32 дивизии). Однако, хотя наступление 21 марта и было начато 62 дивизиями, но к началу апреля его сила постепенно была доведена до 92 дивизий, причем еще не все крупные соединения были введены в сражение. С другой стороны, дивизии, оставленные на оборонительных фронтах (24— восточнее Уазы и 8—во Фландрии), «предназначались на случай, если противник перейдет в наступление», тогда как они представляли собой силу, способную посредством активных действий удержать и истощить противника; наконец, снаряды, израсходованные в большом количестве на создание видимости наступления и на демонстративные действия, могли бы быть использованы с бо́льшим успехом при ведении вспомогательных атак.

Таким образом, мы твердо уверены, что мощная масса войск, которой располагал Людендорф к 21 марта, могла бы быть использована с бо́льшим эффектом, если бы он предусмотрел сковывание и истощение неприятельских резервов.

Что касается распределения предназначенной для наступления массы войск, то Людендорф говорит нам следующее:

> «Так как 18-я армия имела задачей совместно с крайним левым флангом 2-й армии прикрыть ударную группу (17-ю и 2-ю армии) с юга, то и численный состав и снабжение этих армий наступательными средствами борьбы были установлены из расчета на эту задачу» [2].

Отсюда, казалось бы, очевидно, что плотность сил на севере— в ударной группе — должна была бы быть больше, чем на юге, в группе прикрытия.

---

[1] Австро-Венгрия приняла непосредственное участие в операциях лишь запоздалой посылкой во Францию артиллерии — всего 46 тяжелых и сверхтяжелых батарей — и в июле — 2 дивизий. Косвенно ее участие выразилось лишь наступлением на итальянском фронте, которое было начато только в июне и к тому же закончилось неудачно.

[2] Людендорф, Воспоминания о войне, т. III.

Приведенная ниже таблица показывает, что в действительности этого не было.

Армии	Протяжение фронта наступления	Дивизии				Артиллерия	
		всего	эшелоны			тяжелая	сверхтяжелая
			1-й	2-й	3-й		
17-я	20 *км*	17	9	6	2	800 ор.	25 ор.
2-я	20 „	18	9	5	4	700 „	1 „
18-я	24 „	24	12	8	4	940 „	30 „
	64 *км*	59[1]					

«Таким образом, — правильно отмечает Куль, — 17-я армия была сравнительно слаба для тех задач, которые ей был поручены», а «для оборонительной задачи 18-я армия была снабжена чрезвычайно богато»[2].

«Меня неотвязно преследует мысль, — пишет принц Баварский, — что «Михель III» (наступление 18-й армии) было снабжено таким количеством средств лишь для того, чтобы дать германскому наследному принцу случай добиться успеха, но я опасаюсь, что наше наступление сильно пострадает и что, в частности, нам не удастся продвинуться на нашем решающем правом фланге»[3].

«Вследствие этого возникает вопрос, соответствовало ли в достаточной степени задачам армий снабжение их средствами наступления и достаточно ли был перемещен центр тяжести вправо»[4].

Но ведь Людендорф добивался, прежде всего, тактического прорыва в слабом пункте противника, на юге, — там, где фронт

[1] 17-я армия — 15 ударных дивизий и 2 позиционных
2-я „ — 15 „ „ и 3 „
18-я „ — 19 „ „ и 5 „
Резерв — 3 пехотных дивизии.
Всего 62 дивизии, из которых 52 ударных, взятых из резерва, и 10 позиционных, взятых из частей, занимавших фронт.

[2] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.

[3] Кронпринц Баварский, т. III, стр. 285.

[4] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.

занят наименее плотно, позиции слабее всего укреплены и резервы наименее многочисленны:

> «Ген. фон-Куль с целью дать возможность распространить атаку до Скарпы предложил усилить 17-ю армию за счет 18-й, имевшей только оборонительную задачу. Верховное командование отказало, так как свобода действий должна была быть достигнута посредством операций 18-й армии» [1].

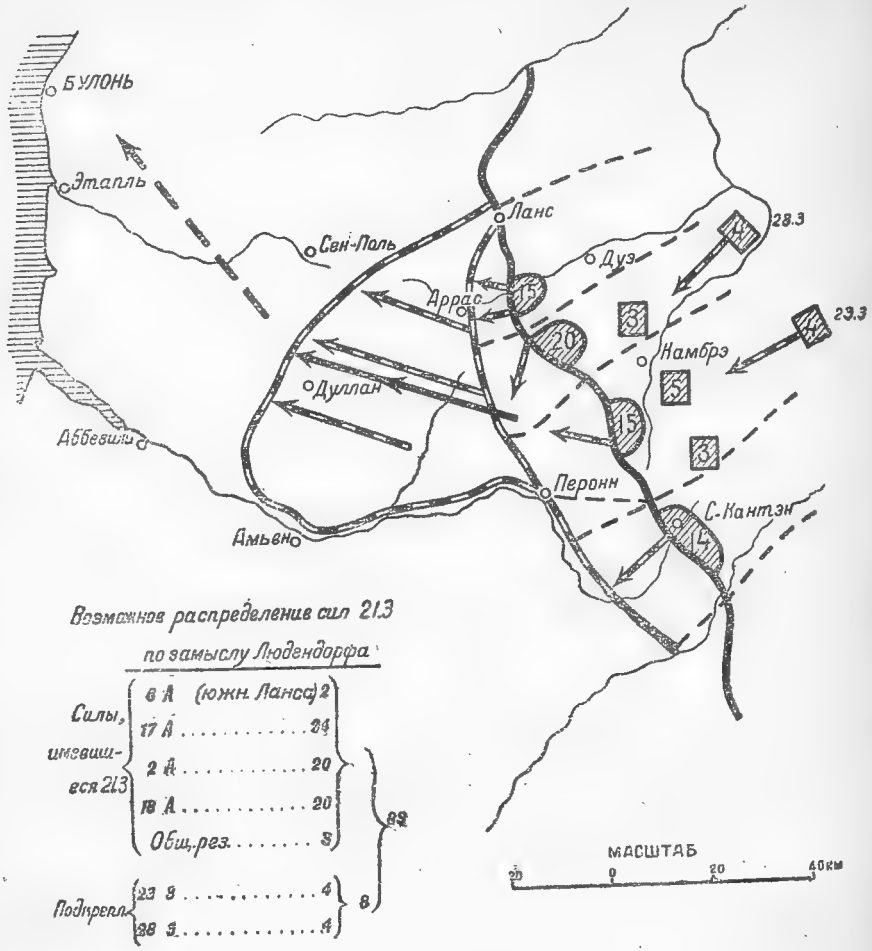
Но даже если допустить эту идею, была ли необходимость давать первому эшелону 18-й армии такую же, если не бо́льшую, плотность, как и в первых эшелонах других армий, у которых первоначальные затруднения должны были быть, по существу, гораздо большими? Зачем же особенно снабжать 18-ю армию мощными резервами, если ее роль сводилась к решению задач прикрытия? Не поощрялась ли этим самым у подчиненных мысль об использовании успеха по достижении намеченной цели и не было ли этой мысли у самого верховного командования? Иначе говоря, не содержало ли в зародыше первоначальное распределение сил мысль о маневре против французов, столь противоположную первоначальной стратегической идее?

Шлиффен учил своих учеников, что для того, чтобы добиться решения в борьбе, в которой участвуют миллионы людей, нужно избегать нагромождения резервов на фронте, где они поневоле останутся в бездействии, тогда как в решительном пункте их будет недостаточно»[2], «угрожать не только флангу, но и тылу противника массой, наполеоновским батальонным каррэ в 100 000 человек и более»[3] — массой, которая «ныне при действиях на флангах играет роль резерва в современном сражении» [4].

Людендорф, предполагая «разрушить английский фронт севернее Соммы охватом его фланга» и перенеся центр тяжести своих действий к югу от реки, отказался от шлиффеновской доктрины. Схема 3а показывает, каким могло бы быть, по нашему мнению, первоначальное распределение сил согласно основной идее Людендорфа.

Что касается использования средств, то Людендорф в течение всей зимы упорно и неустанно стремился придать своим войскам необходимую для подвижной войны маневроспособность, с одной стороны, путем улучшения подготовки командного и рядо-

[1] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.
[2] Шлиффен, Современная война.
[3] Разбор последней военной игры, ноябрь-декабрь 1905 г.
[4] Разбор полевой поездки генерального штаба, 1894 г.



Возможное распределение сил 21.3
по замыслу Людендорфа

Силы, имевшиеся 21.3	6 А (южн. Ланса)	2	82
	17 А	24	
	2 А	20	
	18 А	20	
	Общ. рез.	8	
Подкрепл.	23 д	4	8
	38 д	4	

Схема 3а. Возможное распределение сил к 21 марта.

зого состава, с другой — давая частям соответствующую организацию и снаряжение.

«К величайшему несчастью, — пишет Куль, — удалось снабдить людьми, лошадьми и материальной частью лишь 56 дивизий, названных «ударными», в ущерб другим, названным «позиционными» и сохранившим лишь очень слабую подвижность; это был, несомненно, большой недостаток».

Каковы бы ни были слабые стороны, которые в этот момент уже проявляла немецкая армия вследствие затруднений в ее комплектовании и в снабжении ее продовольствием и материальной частью, все же к 21 марта эта армия, хорошо обученная и находившаяся в приподнятом настроении, представляла еще собой грозную силу:

«Экзальтированный энтузиазм 1914 г. уступил место чувству священной серьезности в исполнении своего долга; каждый солдат на фронте был убежден, что час решения настал и что отечество рассчитывает на него...

Мысль о том, что германская армия перестает быть наковальней, но становится молотом, блестящим образом подняла моральное состояние войск и удвоила их силы; все тяготы окопной войны были забыты... Кто видел эти войска в атаке, тот сохранил о них незабываемое впечатление» (К у л ь).

***

г) **Заключение.** — Таким образом, к моменту начала наступления мы видим:

— с т р а т е г и ч е с к у ю и д е ю — добиваться решения на фронте англичан к северу от Соммы — еще в неприкосновенности, но уже под серьезной угрозой;

— о б р а з д е й с т в и й — единственную операцию, основанную на прорыве, осуществляемом еще до истощения неприятельских резервов; это, с одной стороны, подчиняет стратегическое использование стремлению добиться тактического успеха, а с другой — допускает, в случае неудачи, мысль о второй операции, с меньшими средствами;

— с р е д с т в а — не соответствующие стратегической цели.

Людендорф ставит решение войны на одну карту — на осуществление прорыва путем использования внезапности только в одном месте. Этот прорыв должен привести к борьбе в открытом поле еще до прибытия резервов противника; таков его излюбленный способ, удававшийся до тех пор на востоке и в Италии, но ценность которого еще не была проверена на англо-французском фронте.

Каковы же были результаты применения этого способа?

II

ВЫПОЛНЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МАНЕВРА. ЕДИНЫЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ АКТ

С утра 23 марта, т. е. на третий день своего маневра, Людендорф, продолжая наступление против англичан в направлении Ла-Манша, начинает наступление против французов, прибывающих к полю сражения.

Три дня спустя, 26-го, он совершенно определенно отдает предпочтение наступлению против французов в направлении Парижа и почти тотчас же прекращает наступление против англичан.

31-го он отказывается от дальних об'ектов и ограничивает свои действия намерением занять Амьен.

Наконец, 5 апреля он останавливает операцию, чтобы 9-го начать против англичан во Фландрии то, что он называл вторым возможным актом сражения.

В чем же причина этих колебаний? Отвечали ли они определенной и твердо установленной стратегической идее? Имел ли примененный образ действий такой характер, который допускал бы стратегическое использование успеха? Соответствовали ли средства стратегическим целям? И, наконец, каковы были причины стратегической неудачи?

1. ОДНОВРЕМЕННОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ АНГЛИЧАН И ФРАНЦУЗОВ

(Схема

Утром 23 марта, в то время, когда на севере «17-я армия и правый фланг 2-й армии, натолкнувшись на упорнейшее сопротивление, продвигались с большим трудом, ведя тяжелые бои и будучи прочно скованы восточнее Бапома» (Куль), на юге, внутри английских позиций, левый фланг 2-й армии и 18-я армия, достигнув открытого поля, продвинулись без остановок к

Схема 4. Положение к 23 марта.

каналу Кроза и продолжали двигаться к Сомме; все указывало на то, что к вечеру они должны были достигнуть своей окончательной цели.

Таким образом, после двух дней борьбы тактический успех оправдал тактическую идею и распределение сил. Но мог ли он дать возможность добиться стратегического успеха в соответствии с основной идеей?

> «Верховному командованию, — пишет Куль, — предстояло принять важное решение: должно ли оно остановить триумфальное шествие 18-й армии и вырвать решение на правом фланге, усилив там нажим, несмотря на оказываемое противником сильное сопротивление, или же тактическая обстановка вынуждала к изменению основного плана?»

В 9 ч. 30 м. Людендорф рассылает в армейские группы следующую директиву:

> «Немедленно по достижении линии Бапом — Перонн — Гам 17-я армия энергично атакует в направлении Аррас — Сен-Поль, левым флангом — в направлении Миромон; 2-я армия двинется в направлении Миромон — Лихон. 18-я армия, эшелонируясь в глубину, двинется на Шони — Нуайон и выдвинет значительные силы к Гам».

Затем в середине дня он заглядывает еще дальше, и на совещании в Авене, в присутствии начальников штабов обеих армейских групп, он следующим образом развивает свою мысль и намерения верховного командования:

> «Значительная часть английской армии разбита; силы англичан могут еще исчисляться, приблизительно, в 50 дивизий. Уже более не представляется вероятным, что французы в состоянии произвести наступление с целью выручить англичан; они вынуждены будут действовать на фронте «Михель» и располагают, приблизительно, 40 дивизиями.
>
> В настоящий момент целью операции является отделение англичан от французов, для чего надо продвигаться по обеим сторонам Соммы.
>
> 17-я и 6-я армии, а в дальнейшем и 4-я армия, атакуют англичан к северу от Соммы, чтобы отбросить их к морю. Для этого они должны будут вести наступление каждый раз в новых направлениях («Марс», «Валькирия» и т. д.),

чтобы поколебать весь английский фронт в целом. 17-я армия возьмет в качестве основного направления Сен-Поль и продвинет своей левый фланг через Дуллан в направлении Аббевиль.

Южнее Соммы операция будет вестись наступательно против французов путем захождения к линии Амьен — Мондидье—Нуайон, с продолжением наступления в юго-западном направлении. С этой целью 2-я армия двинется в главном Амьенском направлении по обоим берегам Соммы и будет поддерживать тесную связь с 18-й армией. Если операция примет особенно удачный оборот, то левый фланг 18-й армии будет иметь задачей вести наступление на юге, за Уазой, между Нуайон и Шони, чтобы отбросить французов за Эн совместно с 7-й армией»[1].

**
*

Основывая свой маневр на стратегическом использовании успеха в открытом поле до вмешательства неприятельских резервов и считая, что 40 французских дивизий должны будут действовать на фронте операции «Михель» уже на третий день сражения, Людендорф тем самым признает, что его основной расчет был неправилен.

В то время как согласно первоначальному плану 18-я армия должна была расположиться на оборонительном фронте вдоль Соммы до Перонн, а 2-я армия должна была примкнуть к 17-й, чтобы вместе с этой последней вести севернее реки наступление в северо-западном направлении, 18-я армия получила наступательную задачу на всем своем фронте в юго-западном и даже в южном направлении. Одновременно 2-я армия должна была продолжать наступление по обоим берегам Соммы прямо на запад, и единственно лишь 17-я армия должна была действовать в северо-восточном направлении.

Таким образом, происходит полное изменение плана:

а) **В отношении стратегической идеи.**—Уже нет намерения разбить только англичан, отбрасывая их к северо-западу, и прикрыться с юго-запада против французов. Дело идет уже о том, чтобы «с целью отделения англичан от французов атаковать их одновременно», отбрасывая англичан к морю, а французов — к их столице.

---

[1] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г. Ферстер, стр. 142.

Идея нова или, по крайней мере, впервые уточнена.

«Таким образом, получилось полное изменение намерений, которые верховное командование имело до сих пор», писал принц Руппрехт, получив новые директивы[1].

Ставится двойная задача: первая остается прежней, но к ней добавляется вторая, родившаяся из тактических соображений, а именно — использовать успех 18-й армии; эта вторая задача постепенно сведет на-нет первоначальную идею.

б) **В отношении выбора стратегических направлений.**—Уже не говорится о том, что после достижения оборонительного фронта Перонн — Тернье следует продолжать стратегическое использование успеха в решительном северо-западном направлении.

Речь идет о том, чтобы одновременно использовать:

— в северо-западном направлении, на Сен-Поль, — 17-ю армию;

— в западном направлении, на Амьен, — 2-ю армию;

— в юго-западном направлении, на Мондидье — Нуайон, — 18-ю армию и даже

— в южном направлении, южнее Уазы, у Нуайон — Шони, — 18-ю армию.

Уже нет единственного основного направления, которому подчинены все остальные, а имеется целый веер из четырех направлений одинакового значения, расходящихся между собою в пределах 180°.

«Это вынуждало, — говорит Куль, — к нанесению сильного удара на левом фланге наступающих войск... Таким образом, направления расходились веером к северо-западу, западу и юго-западу».

«Подобно пучку разящих молний, — пишет Ферстер, — стратегические стрелки на карте вождя армии расходились между собой, как радиусы».

Какой суровой критикой является эта торжественная похвала!

в) **В отношении выбора об'ектов действий и фронтов.**—Уже не говорится о том, чтобы на фронте в 90 км иметь прикрытие протяжением в 60 км, в виде такого препятствия, как Сомма — Кроза — Уаза, и чтобы направить основное усилие на фронте, соответствующем имеющимся силам, с целью достигнуть линии Аррас — Альбер.

Появляется желание вести наступательные действия на всем

[1] Принц Руппрехт, стр. 352.

этом фронте протяжением около 150 км, развернувшись веером от Элетт до Арраса через Нуайон, Мондидье, Амьен и Дуллан, и даже на еще большем фронте, поскольку северные армии должны были «каждый раз атаковать новые пункты с целью общего потрясения всего английского фронта».

> «Операция развивается все время в ширину, — говорит Куль. — Возникает вопрос: не является ли это расширение преувеличенным и хватит ли на это средств? Опасность распыления сил становилась совершенно ясной».

г) В **отношении оценки и распределения сил.**—Одновременно с ограничением, из-за недостатка средств, использования успеха севернее Соммы появляется стремление с незначительно бо́льшими средствами распространить пожар от Элетт до моря, т. е. в том месте, где противник располагает английскими силами и всеми французскими резервами, короче говоря, силами, исчисляемыми, приблизительно, в 90 дивизий.

Уже нет речи о том, чтобы иметь центр тяжести сил севернее Соммы. Замена пассивного, легко обороняемого небольшими силами фронта активным, к которому тяготеют все французские резервы, переносит центр тяжести к югу от Соммы, в направлении, прямо противоположном основному стратегическому направлению, — туда, где не только остается половина первоначально назначенных сил (31 дивизия), но куда постепенно должны будут прибывать все подкрепления, которые так нужны были бы в районе главного удара. В частности, уже с вечера 22 марта, в то время, когда 17-я армия ввела в бой свои дивизии второго эшелона и часть своих резервов, а 18-я армия располагала еще всеми своими частями второго и третьего эшелонов, Людендорф усиливает 18-ю армию 5 дивизиями (2 дивизиями — 21 марта и 3 дивизиями — 22-го) и предлагает 17-й армии дать в его распоряжение еще 2 дивизии, ближе других расположенные к левому флангу 18-й армии.

Мы можем найти логическое об'яснение столь радикальному изменению основного плана лишь в том, что Людендорф считал противника уже разбитым и верил в возможность начать преследование.

23 марта принц Руппрехт писал:

> «Все свидетельствовало о спешном отступлении противника: беспорядочность артиллерийского огня, незначительность наших потерь при продвижении, круговорот колонн в районе Перонн, движение от Руана на Амьен.

Что собирался предпринять противник?.. Отойти ли за Сомму у Амьена, что должно было бы вынудить его к быстрому отходу к морю... или за Анкр и севернее, в ожидании французского контрнаступления? Противник находился в чрезвычайно критическом положении, и мы не должны были давать ему передышки. Ген. Людендорф держался целиком моего мнения»[1].

Так же, как и Мольтке вечером того дня, когда начались пограничные сражения, Людендорф упивается тактическими успехами. По словам Куля:

«Такая растяжка операции по трем направлениям была бы возможна лишь в том случае, если бы, как предполагал Людендорф, 20 марта был достигнут большой успех, т. е. если бы противник был разбит на всем своем фронте... Однако, 23 марта это условие, с которым Людендорф хотел связать этот маневр, не было выполнено: продвинулись вперед лишь центр и левый фланг, правый же фланг был задержан к югу от Арраса...»[2].

Мы вновь сталкиваемся здесь с маневром, основанным на предвзятой идее, на непроверенной гипотезе. Такой маневр школа Мольтке старшего основывала на знаменитом правиле: «Считать вероятным те положения, которые представляются наиболее рациональными или наиболее выгодными для противника». Это правило, которое в 1870 г. вредило осуществлению германских стратегических планов, Шлиффен строго критиковал:

«Обычно верховное командование создает себе представление об общем положении обеих сторон на основе, главным образом, собственных желаний. Если донесения соответствуют мыслям вождя, они регистрируются с нескрываемым удовлетворением; если же этого соответствия нет, то такие донесения считаются ложными, и в конечном итоге их отбрасывают...»[3].

Многочисленные критики, в том числе и ген. фон-Куль, считали, что, как ни было желательно придерживаться первоначальной стратегической цели, «верховное командование испытывало на себе неудобство первоначального расположения», при кото-

---

[1] Принц Руппрехт, стр. 352.
[2] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.
[3] Шлиффен, Канны, стр. 536.

ром нахождение центра тяжести сил на левом фланге не позволило распространить наступление на противоположный фланг. Впрочем, ген. фон-Куль признает, что надо было

> «примириться с невыгодой распыления сил... первоначальная идея сосредоточения сил в одном пункте, с целью достижения здесь успеха путем экономии их в другом месте, где следовало держаться строго оборонительно, была оставлена».

Такой образ мышления нам кажется наиболее характерным: он оправдывает поговорку Фридриха II, которую Шлиффен часто напоминал своим ученикам: «Кто распыляет свои силы, тот бывает бит по частям». Мы совершенно не уверены в том, что Людендорф не мог бы продолжать своего маневра против англичан, даже не сковав французских резервов. Действительно, ударная группа, сведенная теперь к силам 17-й армии и правого фланга 2-й армии, сумела 25 марта полностью прорвать оборонительную систему англичан, выйти на открытую местность и достигнуть Анкра, а 26 марта ей удалось форсировать эту труднопроходимую переправу в районе Альбера. Если принять это во внимание, то нельзя утверждать, что атака, прочно прикрытая Соммой и веденная в решительном направлении с использованием всех свободных сил 2-й и 18-й армий, а также и общих резервов, в полном взаимодействии с другими, уже подготовленными атаками на севере, в районе Аррас — Армантьер, не привела бы к северу от Соммы еще до серьезного вмешательства французских резервов к поражению англичан и к достижению серьезного стратегического успеха, чреватого самыми тяжелыми последствиями для противника [1].

Таким образом, мы не можем согласиться с мнением Ферстера, который оценивает как «вдохновение гения» переход к новой стратегической идее, произведенный «с быстротой молнии». Мы противопоставляем этому мнение Шлиффена, который рекомендовал «твердую волю в том, чтобы придерживаться всегда и при всех обстоятельствах основной, ведущей идеи и не отступать от нее ни на одно мгновение», и доходил как знаток человеческих слабостей до того, что требовал, «чтобы все исполнялось, как на параде» [2].

Как бы то ни было, но раз имел место отказ от основной идеи,

---

[1] Схема 4а показывает те условия, при которых, по нашему мнению, наступление против англичан еще могло бы продолжаться 23 марта.

[2] Ген. Гренер, Завещание графа Шлиффена, стр. 83.

то не был ли он вызван возможностью прибытия французских резервов — тех самых, которые еще вчера не должны были согласно предположениям вмешаться ранее, чем будет достигнуто решение севернее Соммы, и которые сегодня в количестве 40 дивизий «будут действовать на фронте операции «Михель»?

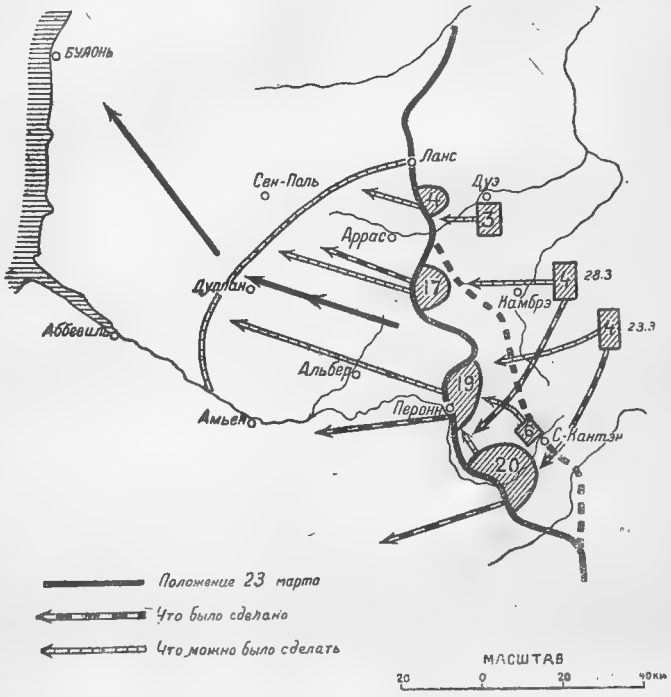


Схема 4а. Что можно было бы сделать 23 марта.

Не показывает ли такой зигзаг стратегического мышления, что именно французы навязывают свою волю, раз они заставляют противника обернуться против них более чем половиной своих сил? Не показывает ли он также, что уже на третий день после начала наступления Людендорф из-за несоответствия между целью и средствами потерял стратегическую инициативу операций?

И не был ли уже тогда окончательно скомпрометирован стратегический успех, несмотря на достигнутые большие тактические успехи?

2. НАСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ

(Схема 5)

Одержав ряд успехов и достигнув, наконец, своей первой цели, 17-я армия заняла расположение фронтом на запад. 24 марта Людендорф предписывает ей «энергично продолжать наступление в направлении на Дуллан», а на следующий день предлагает армейской группе Руппрехта «в случае, если атака остановится, поддержать ее», начав действия, предусмотренные севернее, в частности — в направлении «Марс». Но одновременно он предупреждает Куля[1], что

> «верховное командование полагает необходимым уже сейчас двинуться навстречу прибывающим французам с целью разбить их до того, как им удастся вмешаться крупными силами»,

и с 23 по 26 марта, несмотря на продвижение внутренних флангов 2-й и 17-й армий, он направляет все свои резервы южнее Соммы, в помощь 18-й армии.

26 марта 17-я армия еще продвигается немного вперед в направлении на Дуллан; во 2-й армии правый фланг достигает Анкра у Альбер, но левый фланг окончательно останавливается южнее Соммы; 18-я армия производит значительный скачок вперед, в юго-западном направлении, и продвигается более чем на 15 км в направлении Мондидье.

В целях использования успеха Людендорф в своей директиве, подписанной вечером 26 марта, подчеркивает то направление, которое было дано им маневру 23 марта и в последующие дни. В то время как 17-я армия должна была одна продолжать наступление против англичан в направлении Дуллан — Сен-Поль, будучи поддержана севернее частичными действиями 6-й и 4-й армий, наступление должно было развиваться вправо операцией «Марс», начатой в направлении на Аррас по обеим сторонам Скарпы. 6-я армия должна была связаться с 17-й, атакуя севернее до Ланса. Атаку в направлении Хазебрука надлежало подготовить. «Главные силы — левый фланг 2-й армии и 18-я армия — должны были теперь направиться против французов»[2]. «2-я и 18-я армии должны сначала зайти правым флангом вперед с целью достигнуть Авра и Соммы у Амьена, а затем про-

---

[1] Телефонные переговоры Людендорфа с Кулем, приведенные принцем Руппрехтом в его труде, т. II, стр. 354.

[2] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.

Схема 5. Положение к 26 марта.

должать наступление в юго-западном направлении, чтобы достигнуть фронта Компьен—Тартиньи (18-я армия) и Бретейль—Эрен (2-я армия)» [1].

> «Армиям были даны дальние цели: 6-й — Булонь, 17-й — Дуллан — Аббевиль, левому флангу 18-й — Компьен; на крайнем левом фланге 7-я армия должна была участвовать в атаке, передвинувшись к Эн» [2].

Таким образом, стратегическое направление ориентировано на юго-запад, причем центр тяжести сил совершенно определенно передвигается на юг от Соммы. Стратегический маневр, задуманный вначале против одних англичан в направлении моря, теперь определенно имеет об'ектом французов в направлении на Париж.

Решение, принятое 26 марта, является логическим и роковым следствием решения, принятого 23 марта, а потому при своем выполнении оно должно было встретить те же самые трудности. Предусматривая новое расширение и так уже широких рамок операций и ставя армиям отдаленные цели, это решение возлагает на них такие задачи, которые при наличии неистощенного противника превосходят ударную мощь армий. В частности, 17-я армия, которая одновременно должна была добиваться у Аббевиля окружения левого французского фланга, а у Сен-Поля — «сматывания» английского фронта к северу, получила при крайне урезанных средствах слишком расходящиеся между собою задачи.

Таким образом, эксцентрический маневр осложнился. Людендорф преследует одновременно и с одинаковой интенсивностью две совершенно различные цели и этим лишает себя возможности сосредоточить против какой-нибудь из них всю массу своих наступающих сил. С этого момента становится весьма сомнительным, чтобы тактические успехи, которые одни только и явились причиной полного изменения основного плана, могли в результате дать Людендорфу стратегическое решение.

**
*

Повидимому, результаты дня 27 августа подавали ему эту надежду. Хотя на севере 17-я армия едва-едва продвигалась вперед, зато 2-я армия своим центром приближалась к Амьену, а 18-я армия новым большим скачком, продвинувшим ее за Авр

---

[1] Ферстер, стр. 417.
[2] Принц Руппрехт, 26 февраля, т. II, стр. 358.

на фронт Мондидье — Нуайон, достигала своей первой цели и заканчивала свое захождение.

Таким образом, с этого дня Людендорф останавливает наступление 17-й армии, которая должна выжидать, чтобы атака, предусмотренная на 28 марта на ее правом фланге в направлении на Аррас, дала почувствовать свой эффект. Затем 28 марта ввиду полной неудачи этой атаки он окончательно останавливает наступление против англичан, т. е. отказывается от первоначального маневра.

Наоборот, действия против французов продолжаются. Желая закончить захождение 2-й армии — единственной армии, которая могла обеспечить окончательное продвижение к юго-западу, — он останавливает 18-ю армию и предписывает 2-й продвинуться за Нижний Авр, на Амьен; с этой целью он подкрепляет 2-ю армию всеми свободными силами (с 28 по 30 марта — 9 дивизиями).

Затем 29 марта, опасаясь, как бы передышка, данная противнику остановкой 18-й армии, не дала французам времени закрыть окончательно прорыв, он приказывает возобновить продвижение в юго-восточном направлении, независимо от ожидаемого успеха в Амьенском направлении:

> «Наступление должно быть продолжено к югу от Соммы, в направлении на Амьен и за фронт Мондидье—Нуайон—Шони, левым флангом 2-й армии, 18-й армией и правым флангом 7-й армии»[1].

Но если 30 марта внутренние фланги обеих армий и достигают некоторых тактических успехов по обеим сторонам Авра у Морейля, то цели, предусмотренные директивой от 26 августа, еще далеко не достигнуты.

Противник восстановил непрерывный фронт. Южнее Соммы, так же, как 25 марта севернее этой реки, Людендорф добился лишь образования мешка; ввиду этой новой стратегической неудачи он прекращает наступление против французов.

Прекращение 27 марта наступления 17-й армии оправдывалось давно признанной необходимостью начать операцию «Марс», которая одна могла обеспечить необходимое прикрытие этой армии.

Оправдывалось ли также прекращение наступления против англичан? Принц Руппрехт Баварский считает, что в соответ-

[1] Приказ от 29 марта, отданный по телефону в 15 час. и приведенный Ферстером на стр. 421.

ствии с основным планом еще можно было продолжать атаку на Дуллан и что оставления в распоряжении 17-й армии 3 дивизий, находившихся в резерве верховного командования, было бы достаточно, чтобы добиться решения.

> «Я чрезвычайно ясно помню, — пишет он, — что 27 марта я хотел дать 17-й армии эти 3 дивизии, чтобы добиться решения в Дулланском направлении, но между двумя и тремя часами пополудни я с ужасом узнал, что верховное командование в противоположность моим намерениям только что протелефонировало, чтобы эти дивизии, при помощи которых я мог добиться решения, были направлены из района Камбрэ к фронту южнее Соммы. Ошеломленный, я воскликнул: «Теперь мы проиграли войну!»[1].

Мы полагаем, что 27 марта наступление «завязло» севернее Соммы, а слишком запоздалое начало операции «Марс», натолкнувшейся на предупрежденного противника, уже не было в состоянии придать ей необходимую энергию.

С другой стороны, германские высшие начальники утверждали, что, отказавшись от наступления в направлении Сен-Поль, они имели единственное намерение наступать на Амьен. Тем самым стратегический маневр против англичан оставался логически оправданным и тесно связанным со всей операцией.

Поэтому-то Людендорф в своих «Воспоминаниях о войне» и не говорит ни слова о наступлении в юго-западном направлении, о котором он будто бы никогда и не думал.

> «Противник, — говорит он, — вскоре образовал севернее Соммы новый фронт, который становилось трудно прорвать. Нужно было видоизменить первоначальный замысел сражения и решиться на перенос центра тяжести дальнейшего наступления на это направление»[2].

Достаточно было бы рассмотреть отданные верховным командованием приказы, чтобы убедиться, с одной стороны, в том, что 23 марта маневр, имевший стратегической целью Амьен, еще не выкристаллизовался в мыслях вождей германской армии и что, с другой стороны, в течение периода с 26 по 30 марта Людендорф четко наметил наступление в Парижском направлении и окончательно отбросил первоначальную стратегическую идею. Предписанное приказом от 29 марта движение правого фланга и центра 2-й армии на Амьен, в котором некоторые кри-

[1] Принц Руппрехт, т. II, стр. 359.
[2] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 215.

тики желали видеть продолжение маневра против англичан, имело целью лишь прикрытие правого фланга стратегической операции, веденной против французов в юго-западном направлении. Все приказы, отданные вечером 29 марта, подтверждают это мнение.

> «В 18 ч. 44 м.,— пишет принц Руппрехт,— прибыло новое послание от верховного командования, предписывающее энергичное продвижение внутренних флангов 18-й и 2-й армий на линию Нуа; генерал Куль после своего возвращения из Авена, около 20 ч. 00 м., доложил мне, что верховное командование замышляло большие наступательные планы и что оно надеялось разделить англичан и французов посредством продвижения против внешнего фланга французов, чтобы затем окончательно свалить англичан. Я, как и раньше, считал более рациональным нанести сосредоточенный удар англичанам, прежде чем обернуться против французов...
>
> Когда я попросил 29 марта офицера, который передал мне по телефону это послание, сказать мне откровенно о причинах такой перемены в действиях верховного командования, он ответил мне, что накануне у него сложилось впечатление, что допустили ошибку, подобную той, которая была допущена во время Марнского сражения»[1].

Исполняя приказы верховного командования, командование 18-й армии предписывало: «Армия вновь атакует 30-го всей своей мощью», а Людендорф сам заявляет в своих воспоминаниях:

> «30 марта 18-я армия, после методического пополнения огнеприпасами, атакует между Монди дье и Нуайон»[2].

Следовательно, маневр против французов был единственной целью германского командования, и только 31 марта, после новой неудачи, Людендорф решился на наступление против Амьена.

3. ПОИСК СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

(Схема 6)

Что должен был предпринять Людендорф на рассвете 31 марта? Сопротивление противника усилилось по всему краю огром-

[1] Принц Руппрехт, т. II, стр. 365.
[2] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 246.

Схема 6. Положение к 30 марта.

ного мешка, образовавшегося восточнее Арраса до Уазы, через Альбер, Морейль и Мондидье, вследствие достигнутых тактических успехов.

> «Следовало ли совершенно прекратить наступление или же после нескольких дней перерыва вновь начать его? У него было мало шансов на успех, — оно действительно затормозилось, и верховное командование в этом случае считало, что не следует тратить силы в бесполезных и дорогостоящих атаках, а, наоборот, надо было эти силы сгруппировать, чтобы атаковать возможно скорее в другом месте»[1].

Таким образом, наступило время для стратегического использования сковывания французов и англичан вокруг мешка и их истощения решительными и мощными действиями, связанными во времени и в пространстве с предыдущим актом.

В этом отношении Людендорф мог начать использовать свои успехи либо вне созданного мешка — наступлением «Жоржетт», подготовленным во Фландрии, на левом фланге англичан,—либо внутри мешка — наступлением на Амьен, на стык франко-британских армий. Как одна, так и другая операции вынуждали к прорыву еще нетронутого или восстановленного фронта, но вторая имела против себя главные силы противника, в то время как Фландрский фронт был очищен от них; кроме того, стратегическое использование казалось гораздо более продуктивным на севере, чем в центре, в глубине мешка. Следовательно, можно было ожидать, что Людендорф по своей привычке атаковать слабый пункт противника решится вести наступление во Фландрии, но в противоположность этому мы видим, что он упорствует в попытках прорыва на Амьен, прежде чем предпринять атаку на севере.

Атака с ограниченной целью на Амьен, на стык англо-французов

Куль в своем труде говорит:

> «Непреклонная воля верховного командования не позволила ему отказаться от последней поставленной им себе цели; на войне проявленное в последнюю минуту отчаянное упорство часто доставляет, против всяких ожиданий, успех».

[1] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.

И вот, Людендорф, не отказываясь от наступления во Фландрии, начало которого намечается на 8 апреля, решает возможно скорее начать операцию с ограниченной целью на Амьен.

«Необходимо овладеть Амьеном или, по крайней мере, приблизиться к нему настолько, чтобы железнодорожные линии были взяты под наш действительный артиллерийский огонь, с целью помешать французам передвинуть их силы к северу после начала наступления «Жоржетт»[1].

Наступление должно было быть произведено 4 апреля внутренними флангами 2-й и 18-й армий по обеим сторонам Авра у Морейль на фронте протяжением около 15 км, причем в первой линии должно было быть 13 дивизий. На севере это наступление должно было прикрываться левым флангом 17-й армии, которая должна была вести наступление 5 апреля на правом берегу Соммы:

«Левый фланг 18-й армии должен был перейти к обороне в ожидании момента (самое позднее 8 апреля), когда он получит свободу действий в результате наступления «Арканж» 17-й армии... Верховное командование настаивало вначале, во время совещания, на необходимости использовать все свободные силы для продвижения в район Морейль»[2].

«Атака осталась безрезультатной»[3]. «Бой повлек за собой большое истощение сил, пришлось отказаться от достижения цели — Амьена».

Операция «Михель» была окончательно прекращена. Людендорф ограничился тем, что для сковывания противника в интересах наступления во Фландрии приказал производить, начиная с 12 апреля, частичные атаки 17-й армией против предмостного укрепления у Альбер и 2-й армией — на ее левом фланге.

«Севернее Соммы нельзя было произвести большое общее наступление, так как нехватало сил, а можно было вести лишь ограниченные атаки, поддержанные сильной артиллерией, с целью сковать противника на этом фронте в случае, если удастся наступление во Фландрии»[4].

---

[1] Принц Руппрехт, стр. 369, Людендорф, стр. 217.
[2] Принц Руппрехт, т. II, стр. 369.
[3] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 217.
[4] Принц Руппрехт, стр. 373.

Впрочем, и это не могло быть выполнено из-за истощения войск:

> «Армия, — пишет принц Руппрехт, — не в состоянии предпринять сколько-нибудь значительные атаки раньше, чем дней через 15».

Решительное наступление во Фландрии против левого фланга англичан

> «Хотя за ним (наступлением во Фландрии) и сохранилось условное название «Жоржетт», но вопрос шел уже о новом и независимом наступлении против англичан—о втором акте, по смыслу приказа от 10 февраля. Верховное командование придавало большое значение успеху этого наступления и стремилось сделать его возможно более сильным»[1].

План операции был окончательно установлен в течение конференций, состоявшихся 1 апреля в Сен-Кантэне и 3-го — в Сен-Амане.

> «Об'ектами наступления были, главным образом, высоты Годверсвельде (Godewaersvelde) и Касселя: взятие их должно было вынудить противника к очищению ипрского выступа и могло позволить нам достигнуть берега Ла-Манша».

6-я армия должна была 9 апреля на фронте Лис—Ла-Бассе—Армантьер начать в направлении Хазебрука наступление, согласованное с действиями 4-й армии, дебушировавшей 10 апреля юго-восточнее Ипра в направлении Поперинга. Это наступление было 16 апреля расширено к востоку и к северу от Ипра до леса Хутульст (Houthulst). К началу операции армии имели: 6-я — 17 дивизий и 4-я — 5 дивизий; 6 дивизий находились в резерве. Остальные крупные соединения были подведены уже во время борьбы. Всего же в наступлении приняли участие 36 дивизий.

В первые дни наступление имело результатом значительное продвижение, но

> «вскоре натолкнулось на серьезное сопротивление на трудной, пересеченной, изрезанной окопами местности; в центре армия продвинулась до Мервиля и Байеля, но левый фланг застопорился в районе Бетюна».

[1] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.

19 апреля, по словам Куля, принц Руппрехт, считая, что

> «усталым и потрепанным перволинейным дивизиям, прежде чем возобновить борьбу, необходимо было привести себя в порядок и отдохнуть, а введение в бой свежих дивизий при операции, начатой на широком фронте, мало окупалось»,

заявляет Людендорфу, что вследствие сопротивления противника бои примут характер материального сражения и что поэтому необходимо 6-й армии перейти к обороне. Людендорф соглашается с этим и низводит операцию к частичному наступлению 4-й армии против высоты Кеммель, которая и была взята 25 апреля, но успех этой атаки не удалось использовать.

> «Ввиду наличия у противника крупных сил, верховное командование остановило атаку»[1].
>
> «Вновь был нанесен, — пишет Куль, — серьезный удар противнику; взятие Кеммеля было блестящим делом, но в общем цель не была достигнута: перейти к маневренной войне не удалось и достигнуть портов Ла-Манша также не удалось».

Первое большое наступление, начатое 21 марта, закончилось неудачей.

***

Стратегическая идея — перерезать сообщения, позволявшие французам притти на помощь англичанам во Фландрии, — была рациональна в Амьенском наступлении лишь постольку, поскольку примененный метод и введенные в дело средства смогли бы обеспечить широкое и быстрое использование первых успехов.

Но ведь атака была намечена в пункте самого сильного сопротивления противника, в самой глубине мешка, против изготовившегося противника и вдобавок на узком фронте, с ограниченными и отчасти уже истощенными средствами. Кроме того, атака требовала подготовки, на что нужно было затратить время и что было на-руку противнику. Такой образ действий неизбежно приводил к борьбе на истощение, а этого-то как раз и желали избежать. Здесь уже шел вопрос о чистой атаке, которую Шлиффен систематически осуждал в течение всей своей карьеры и которая, по его убеждению, никогда не могла иметь другого результата, как простое оттеснение противника на некоторое расстояние, не приводя ни к какому решению.

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 225.

Средств было недостаточно как с точки зрения количества, так и с точки зрения ценности их: из 13 введенных в бой дивизий 11 уже участвовали в операции «Михель» и потеряли свою боевую ценность; 2 дивизии, взятые из резерва, совершили до боя трудные, утомившие их марши. По словам принца Рупрехта:

> «От войск потребовали переходов, превышавших 45 км, которые их значительно истощили; скопление войск в тылу вынуждало к бивачному расположению, а снабжение было затруднено».

Наступление, начатое в таких неблагоприятных условиях, могло привести только к стратегической неудаче.

Наоборот, Фландрское наступление, которое тщательно подготовлялось еще с зимы как на фронте Ипра, так и на фронте р. Лис, могло бы, если бы оно было проведено в таком об'еме, какой предполагался по первоначальному плану наследного принца Баварского, обеспечить возможность крупного стратегического использования успеха. Обеспечивая с самого начала обладание фландрскими высотами и уничтожение ипрского выступа, оно позволило бы опрокинуть весь левый фланг англичан, достигнув прорыва, и путем выхода на тылы неприятельской армии добиться полного крушения Британского фронта вплоть до Соммы. Следовательно, мысль была тем более верна, что теперь она уже входила в рамки первоначальной стратегической идеи — разбить англичан и прижать их к морю; она была правильна также и потому, что намечала решение в районе, куда не могли быстро прибыть французские резервы, скованные южнее Соммы операцией «Михель».

Если бы, тем не менее, атака не удалась, то это значило бы, что она была начата слишком поздно, с недостаточными средствами и что она уже не могла быть увязана с предшествовавшей ей операцией.

Результат Фландрской операции был бы совсем иным, если бы операция «Михель», будучи предпринята для истощения противника, была остановлена по достижении поставленной цели, как это предполагал Ветцель, т. е. 23 марта, или, по крайней мере, остановилась тогда, когда продвижение правого фланга при выполнении задуманного Людендорфом второго решительного акта натолкнулось бы на серьезное сопротивление, что предсказывало в ближайшем будущем ликвидацию прорыва. В таком положении второй акт мог бы еще располагать значительными и свежими средствами, которых ему недоставало, — и не

только теми, которые были поглощены атаками, веденными южнее Соммы перед Аррасом или на Элетт, но еще и из резервов верховного командования, в составе которых к 30 марта было около 15 дивизий (11 — в районе «Михель», 3 — в районе «Арканж»). В общем, вместо 20 дивизий, которыми с самого начала располагала операция «Жоржетт», немецкое командование могло бы предпринять операцию крупного масштаба, подготовленную уже зимой кронпринцем Баварским и его начальником штаба ген. фон-Кулем при наличии, по крайней мере, 40 дивизий. Будучи подготовлен исподволь, второй акт мог бы, кроме того, — и это особенно важно, — располагать этими силами в такой период, который поставил бы Фландрское наступление в тесную связь во времени с успехами, достигнутыми в первые дни операции «Михель», и не дал бы противнику возможности восстановить и переместить свои резервы.

Вместо этого, по словам Куля:

> «Расход сил в операции «Михель» был чрезвычайно велик — около 90 дивизий, что составляло большую часть крупных соединений, лучше других снаряженных, лучше отдохнувших и наиболее обученных. Они были истощены, понесли крупные потери и нуждались в приведении их в боеспособное состояние; с этого момента пришлось обратиться к позиционным дивизиям».

Таким образом, Фландрское наступление должно было вестись или уже частично истощенными ударными дивизиями или же дивизиями малоподвижными. Помимо этого, пехота, и без того серьезно страдавшая от недостатка личного состава, чувствовала свое моральное состояние подорванным и подавленным непрекращавшимися атаками, не достигавшими «грандиозного» и быстрого результата, которым ее соблазняли; в результате боевой дух пехоты понизился. 14 апреля, когда Людендорф выразил удивление, что 6-я армия «топчется на месте», Куль ответил ему:

> «Войска истощены и нуждаются в отдыхе; они каждый день получают приказ атаковать, но атаки не начинаются» [1].

Несколько дней спустя, во время атаки Кеммеля, командование армейской группы Руппрехта полагало, что еще до начала атаки совершенно необходимо сменить 4 дивизии.

---

[1] Телефонное сообщение от 14 апреля в 18 ч. 30 м., приведенное Турнэ в труде «Фландрское наступление».

«3-я гвардейская дивизия может выставить в первую линию лишь 1 800 штыков; ее нельзя рассматривать как часть, имеющую серьезную наступательную способность; она нуждается в отдыхе, так как она только что в течение нескольких ночей совершала переходы по 20 км каждый».

Впрочем, сам Людендорф признает недостаточность средств, введенных в бой на Лис:

«Дивизии, участвовавшие здесь в боевых действиях, не были настоящими ударными дивизиями, подобными тем, какие мы выставили 21 марта» [1].

Это признание любопытно в том отношении, что оно расходится с категорическим заявлением Людендорфа, сделанным им в сообщении от 20 февраля:

«Можно с уверенностью допустить, что даже на этих основах, т. е. с уменьшенными средствами, наступление «Сен-Жорж» в качестве второго акта сражения будет иметь решительный успех».

Кроме того, хотя подготовка наступления и проводилась еще зимой, но поздняя расстановка артиллерии усиления и необходимость снабжения войск в короткий промежуток времени огнеприпасами, материальной частью и продовольствием вынудили командование довольствоваться лишь скромными размерами подготовки и оборудования.

Следовательно, Людендорф совершил серьезную ошибку, продолжая свои атаки южнее Соммы в последних числах марта, а особенно — решив 31 марта предпринять 4 апреля наступление против Амьена. Эти действия должны были, несомненно, нанести ущерб успехам Фландрского наступления. С этого момента второй решительный акт мог рассчитывать лишь на ограниченный результат и так же, как и первый, роковым образом выливался в действия на истощение.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение мартовских и апрельских дней, при выполнении поставленных Людендорфом задач, наглядно выяснилось, как постепенно развиваются неизбежные последствия ошибок, зародыш которых таился в самой стратегии Людендорфа.

Принятая вначале совершенно ясная и рациональная стратегическая идея — разбить англичан — постепенно исчезает под

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 224.

влиянием тактических успехов, уступая место новой идее — разбить французов. Вследствие этого стратегические направления оказываются неприспособленными к первоначальной идее и непрерывно меняются, в зависимости от достигнутых результатов.

Таким образом, маневр не имел твердо определенной цели, а стратегическая идея не сохраняла своей целостности. Мы уже видели основные причины такой неустойчивости: с одной стороны — это перемещение центра тяжести сил в район, в котором не стремились добиться решения, а с другой — это невыгодное расположение исходной позиции по отношению к стратегическому направлению.

Что касается образа действий, то Людендорф, желая нанести единственный прямой удар англичанам, дал себя увлечь использованием тактического результата в том месте, где прорыв не представлял затруднений. Уже с третьего дня сражения он был втянут в эксцентрическое направление прибывшими к полю сражения французскими резервами. По этой причине центр тяжести его сил постепенно перемещался все дальше на юг, в то время как стратегическая задача против англичан севернее Соммы оставалась неизменной. По словам Куля:

> «Наступление, упорствуя в центре против Амьена, на правом фланге — против англичан и на левом — против французов, в конце концов прорыва не добилось».

Затем, когда наступление «Михель» закончилось лишь крупным тактическим успехом и по существу являлось актом на истощение, чего как раз хотели избежать, Людендорф наносит новый прямой удар, но с меньшими и притом, пожалуй, с еще более истощенными средствами, чем средства противника, что заставило его отсрочить решительное усилие и ограничить его размах. Таким образом, в конце концов он вновь оказывается перед актом на истощение.

Как говорит Куль:

> «Операция «Михель» должна была бы быть строго ограниченной, чтобы дать возможность сосредоточить главные силы для нанесения решительного удара в северо-восточном стратегическом направлении; в то же время следовало экономить силы на юго-западном направлении, опираясь свой фланг на Сомму».

Начав наступление 21 марта 5 армиями с мыслью уничтожить неприятельские силы и прижать их к морю, Людендорф 26 марта стремится захватить фронт протяжением в 80 км. Располагая первоначально 62 дивизиями, доведенными постепенно

до 92, Людендорф, в конце концов, к 31 марта оказывается перед необходимостью добиваться прорыва на узком фронте в глубине мешка — в пункте, наиболее выдающемся вперед. Затем к выступу Мондидье, явившемуся результатом наступления «Михель», добавляется вскоре новый выступ во Фландрии. Таким образом, говорит Куль:

> «Начертание фронта приобретало опасную форму, которая должна была благоприятствовать фланговым ударам противника».

Наконец, что касается средств, то в этом отношении превосходство 18-й армии в направлении, противоположном основному, быстро приводит ее к достижению конечной цели, причем половина ее сил остается еще неиспользованной. В то же время другие армии, составлявшие ударную группу, расходуют все свои средства, чтобы, наконец, с трудом достигнуть поставленных им целей. По достижении 18-й армией Соммы из нее должны были быть выделены не только все ее резервы, но и вообще все силы, которые могли освободиться благодаря оборонительному образу действий; эти силы следовало направить к армиям, действовавшим в основном стратегическом направлении. Между тем, в 18-ю армию направляются еще подкрепления. Каков бы ни был способ, которым собирались использовать средства в наступлении «Михель», все же можно констатировать, что маневрирование силами не было приспособлено к основному плану и, следовательно, не могло благоприятствовать стратегическому маневру.

Что же касается наступления «Жоржетт», то Куль говорит:

> «Это наступление могло вестись только 36 дивизиями и лишь на фронте протяжением в 40 км, в то время как наступление «Михель» велось вдвое большими силами и на фронте вдвое большего протяжения, и если это наступление не принесло решения, то достигнуть последнего наступлением во Фландрии было гораздо труднее...»

Таким образом, «Великое сражение за мир» («Grande bataille de France»), которое, по словам Куля, «являлось самым крупным наступлением 1918 г., обеспеченным наиболее многочисленными средствами и предпринятым с наиболее отдаленными целями», привело к стратегической неудаче из-за того, что оно не было задумано как одно целое — для нанесения удара лишь одному, уже истощенному противнику посредством действий, тщательно увязанных во времени и скомбинированных в пространстве.

III

ВЫПОЛНЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МАНЕВРА. ДЕЙСТВИЯ, СКОМБИНИРОВАННЫЕ В ДВА АКТА

В половине апреля решительная операция во Фландрии потерпела окончательную неудачу.

> «Верховное командование должно было признать, что хотя и были достигнуты значительные успехи, но основная цель — принудить Антанту к миру — достигнута не была» [1].

Какое же решение принял Людендорф?

1. ИДЕЯ КОМБИНИРОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ

(Схема 7)

Политика, которая проводилась на восточных фронтах, требовала оставления на востоке значительных сил. В самом деле, именно с апреля месяца Людендорф дает себя втягивать в расширение оккупации Украины, чтобы овладеть хлебом, в продвижение до Ростова с целью наложит свою руку на донецкий уголь, в оккупацию Крыма для обеспечения сообщений, которым угрожал русский Черноморский флот, во внедрение в Финляндию, чтобы «быть в состоянии двинуться при первом желании на Петроград» [2]. С другой стороны, хотя положение австро-венгерской армии и улучшалось, все же Людендорф не считал возможным рассчитывать на ее участие в борьбе на Французском фронте и предпочел предложить ей выступить в Италии.

---

[1] Рейхсархив, «Сражения мировой войны», т. 32-й — «Германские победы в 1918 г.», Берлин, 1919 г., стр. 6.

[2] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 235.

«Было бы возможно, отбросив мысль о наступлении в Италии, усилить германскую армию на западе несколькими австро-венгерскими дивизиями, но так как наступательная способность этих дивизий на Западном фронте расценивалась как весьма посредственная, их действия в Италии казались более выгодными» [1].

Кроме того, казалось, что серьезное вмешательство американской армии до лета невозможно.

«Американская помощь может дать себя почувствовать лишь очень постепенно из-за недостатка тоннажа; сомнительно даже, чтобы американцам удалось принять участие в войне всеми своими силами, — не только потому, что это не соответствует их частным интересам, но еще и из боязни Японии» [2].

Вследствие этого Людендорф рассчитывал, что соотношение сил, находившихся друг против друга на Французском фронте, должно было оставаться в течение ближайших месяцев благоприятным для него [3]. Конечно, кризис в численном составе уже давал себя чувствовать, и армии показывали подлинные признаки усталости.

«Наши войска дрались хорошо, однако нескольким дивизиям явно нехватало энергии во фландрских атаках... Войска задерживались, как только обнаруживали продовольственные склады; в этом уже усматривался признак ослабления дисциплины... Имелось большое число дезертиров и уклонявшихся; в армию проникали доходившие с тыла усталость и недовольство» [4].

---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 235.

[2] Принц Руппрехт, т. II, стр. 399. Заметка от 20 мая, явившаяся следствием разговора между принцем Руппрехтом и ген. Людендорфом.

[3] Соотношение сил воюющих сторон:

Немцы

21 марта — 248 пехотных дивизий: на востоке — 50 и на западе — 198, из коих 84 — в резерве.

22 мая — 242: на востоке — 38 и на западе 204, из коих 81 — в резерве.

Союзники

21 марта — 178: в Италии — 11 и во Франции — 167, из коих 57 — в резерве.

22 мая — 188: в Италии — 7 и во Франции — 181, из коих 60 — в резерве.

[4] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 227.

Но верховное командование полагало, что:

«Вопрос живой силы был таким же критическим у наших противников, как и у нас».

Людендорф считал поэтому, что:

«Не следовало терять времени в отношении ведения операций»... «мы должны были удержать инициативу, которую нам удалось вырвать у противника на Западном фронте, причем за первым сильным ударом, нанесенным нами, должен был в кратчайший срок последовать второй» [1].

«Необходимо было наносить английской армии новые крепкие удары, возможно скорее вслед за первыми и в тесном соответствии с намеченной целью» [2].

В таком духе Людендорф во второй половине апреля определял свои новые проекты наступления. Он считал, что если «продолжение наступления» или во Фландрии или севернее Соммы само по себе «являлось наиболее благоприятной операцией», то присутствие в этих районах французских резервов, прибывших на помощь своим союзникам, вынуждало, прежде всего, предпринять решительные действия против англичан, заставить противника путем мощной атаки, предпринятой на другой части фронта, вновь очистить Английский фронт и ослабить свои резервы.

«Целью этой атаки является раз'единение единого фронта, который в настоящий момент Антанта спаяла перед армейской группой Руппрехта, и этим самым сделать вновь возможным победоносное продолжение наступления против англичан» [3].

Для осуществления этой предварительной вспомогательной операции нужно было искать район, где противник был бы слаб и где было бы возможно быстрое перемещение сил, предназначенных как для вспомогательной операции, так и для решительной. Считая, что «противник был слаб перед 7-й и 1-й армиями», Людендорф остановил свой выбор на Шмен-де-Дам. Верховное командование рассчитывало начать наступление во

---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 231.

[2] Рейхсархив, т. XXXII, стр. 6.

[3] Приказ верховного командования от 1 мая, приведенный Кулем. Рейхсархив, т. XXXII, стр. 7. Принц Руппрехт, т. II, стр. 392. Людендорф, т. II, стр. 232.

второй половине мая, а следом за ним предпринять возможно скорее большое наступление против англичан. Оно надеялось располагать, приблизительно, 60 свежими дивизиями, половина которых должна была быть израсходована на вспомогательную атаку, в то время как другая половина должна была быть сохранена для решительных действий.

Здесь уже, безусловно, стоял вопрос о наступлении, скомбинированном в два последовательных акта: один акт — акт борьбы на истощение — против французов на фронте имперского наследного принца, другой — решительный акт — против англичан на фронте кронпринца Баварского. Замысел этой операции, набросанный уже 17 апреля в одной из директив, направленных верховным командованием германскому наследному принцу, был предметом переговоров во второй половине месяца между Людендорфом и начальниками штабов обеих заинтересованных армейских групп. Окончательный облик эта операция приняла в течение конференций, состоявшихся 29 и 30 апреля в Дуэ. Уточнение операции происходило постепенно в первой половине мая.

Наступление Шмен-де-Дам (схема 7) играло совершенно очевидную роль вспомогательной операции и операции на истощение:

> «Я надеялся, — говорит Людендорф, — что она настолько истощит неприятельские силы, что позволит затем продолжать атаку во Фландрии».

Район наступлений был выбран в слабом пункте французского фронта.

> «Неприятельские позиции были слабы; часть из них была занята английскими дивизиями, выведенными из боя; французские резервы, находившиеся в тылу, покинули этот район; наконец, природная защищенность этого сектора, вероятно, заставит противника не ожидать здесь атаки».

Цель уже в самом начале была ограничена и по фронту и в глубину:

— в глубину наступление после взятия Шмен-де-Дам должно было остановиться на Эн («согласно архивным документам первоначальной целью наступления являлась р. Эн». — Куль);

— в ширину оно должно было развиваться лишь на фронте в 55 км между Суассоном и районом западнее Реймса.

Таким образом, это наступление находилось в соответствии с теми ограниченными силами, которыми оно располагало —

Схема 7. Акт борьбы на истощение.

30 дивизий и 1 158 батарей (наступление «Михель» было начато на фронте в 64 км 62 дивизиями и 1 700 батарей), — что позволило сохранить в неприкосновенности резервные средства для решительной атаки. Куль говорит:

> «Если бы эти средства были стянуты на Эн в большем количестве для поддержания вспомогательного наступления, результатом этого явились бы заблаговременное ослабление главной атаки и изменение общего плана операции».

На этой основе 7-я армия должна была вести наступление с исходной линии Анизи-ле-Шато — Сапиньель; восточнее ее 1-я армия должна была связаться с ней, имея свой правый фланг от Сапиньель до Бримон. Эти об'единенные действия получили название «Блюхер» — для 7-й армии и «Герц» — для 1-й.

Но вскоре было предусмотрено увеличение размеров наступления как в глубину, так и по фронту.

В отношении глубины цель во время подготовки наступления была намечена южнее — сначала до высот между рр. Эн и Вель, затем до самой р. Вель, — с целью не только достигнуть мостов на р. Эн, но и еще «не допустить противника к ее южному берегу, составлявшему для него новую естественную оборонительную линию» [1].

За несколько дней до наступления цель, по словам Куля, была:

> «решительно продвинута за Вель к югу, так как положение представлялось благоприятным и так как в первые дни наступления рассчитывали на тройное превосходство сил в пехоте и очень большое — в артиллерии и минометах».

Таким образом, от пехоты требовали, говорит Рейхсархив,

> «прорыва в 6—9 км, за которым должен был следовать быстрый захват мостов, а немедленно за этим должен был быть предпринят штурм высот, командовавших над Вель с юга; расстояние до последних от исходной позиции по прямой линии достигало 17—21 км; это было, по правде говоря, со стороны верховного командования очень смелое решение» [2].

---

[1] Рейхсархив, т. XXXII, стр. 8.
[2] Там же.

Что касается расширения наступления по фронту, то германский наследный принц, дабы сделать более выгодным тот фронт, который должно было создать наступление на Вель между Мондидье и Реймсом, предложил вести наступление на обоих флангах: на правом фланге — по обеим сторонам Уазы, в направлении Компьен (наступление «Иорк», которое должно было вестись 18-й армией на Уазе от Нуайон — Аббекур и 7-й армией — на канале Уаза — Эн от Аббекур — Куси), и на левом фланге (наступление «Гнейзенау») — на фронте Нуайон — Мондидье, с целью срезать реймский выступ с востока и через Реймскую гору. Для этого он просил в свое распоряжение необходимые силы, которые должны были быть взяты с Фландрского фронта. Верховное командование отказалось снять из района армейской группы Руппрехта дивизии, которые, по словам Куля,

> «будучи отведены на отдых и для обучения, предназначались для наступления против англичан; последнее должно было быть предпринято возможно скорее за наступлением на Эн».

Кроме того, оно не считало возможным наступать одновременно на столь широком фронте, протяжением более чем в 120 км. Оно согласилось лишь на наступление в направлении Компьен, но разбило его по времени: наступления «Иорк» и «Гнейзенау» должны были следовать одно за другим соответственно через 3 и через 5 дней за наступлением «Блюхер» — после того, как они будут подкреплены освободившейся артиллерией.

Хотя первые приказы были отданы 17 апреля, но необходимость тщательно подготовить артиллерию и обеспечить питание ее ввиду чрезвычайно неблагоприятной местности значительным количеством огнеприпасов, равно как необходимость располагать укомплектованными и обученными дивизиями, вынудила верховное командование задержать начало наступлений до последних дней мая, причем были назначены: 27 мая — для начала операций «Блюхер»-«Герц», 30 мая — для «Иорк» и 1 июня — для «Гнейзенау».

> «Важно было заставить участвовать в операциях те части, которые, приняв участие в мартовском наступлении, были после этого отведены на отдых и для тренировки. К тому же и наша подготовка должна была занять продолжительное время. Таким образом, в спешке не было никакой нужды»[1].

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 232.

Подготовка решительного наступления против англичан явилась предметом многократных обсуждений между верховным командованием и армейской группой принца Руппрехта, т. е. между Людендорфом и Кулем (схема 2).

В отношении стратегического руководства Людендорф своим решением от 1-мая присоединился вначале к проекту, поданному ему армейской группой 29 апреля на совещании в Дуэ. Таким образом, он отказывался атаковать в сильном пункте Фландрии («Нейгеорг») в пользу атаки в слабом пункте, в направлении Дуллан («Неймихель»).

> «В настоящий момент Антанта перенесла центр тяжести своего сопротивления во Фландрию, следовательно, «Неймихель» ударит, вероятно, по наиболее слабой части неприятельского фронта, а «Нейгеорг» — по наиболее сильной» [1].

Но армейская группа уже спохватилась, находя фронт наступления, стиснутый между неприятельскими оборонительными сооружениями у Арраса и отрезком местности между Анкром и Соммой, слишком узким.

> «Опыт мартовского наступления, — писал принц Руппрехт 1 мая, — показывает, что только наступление с целью прорыва на широком фронте может обеспечить значительный успех. Если не будет особо благоприятных обстоятельств, то «Неймихель» даст лишь тактический успех, который образует в направлении Дуллан только более или менее глубокий выступ. Если желательно добиться большого стратегического успеха, то необходимо скомбинировать «Неймихель» с другим большим наступлением, которое должно быть начато из района Бетюн в направлении Сен-Поль («Губерт»)».

И армейская группа, по словам Куля, добавляла, что, если не удастся располагать, — а это весьма вероятно, — «очень значительными силами, которые требуются для этих двух одновременных наступлений», то необходимо вернуться к наступлению «Нейгеорг», которое, хотя и сможет добиться лишь ограниченных успехов, все же будет иметь весьма серьезные политические и военные последствия «своим воздействием на прибрежный район и угрозой Кале».

---

[1] Решение верховного командования от 1 мая, приведенное Кулем в его труде.

Ответ на это Людендорф дал на следующий день. В этом ответе он поддерживал свое решение в отношении наступления «Неймихель», но одновременно не отказывался в будущем и от возможности наступления «Нейгеорг».

> «Антанта, — повторяет он, — вновь перенесла центр тяжести своего сопротивления во Фландрию, следовательно, «Неймихель» ударит, вероятно, по наиболее слабой части неприятельского фронта, а «Нейгеорг» — по наиболее сильной. Впрочем, можно ожидать, что эта обстановка изменится вследствие наших атак на Эн, а потому необходимо в первую очередь подготовить наступление «Неймихель» и одновременно дать в распоряжение «Нейгеорг» достаточное число исполнителей[1], чтобы осуществление этого наступления оставалось возможным».

Наконец, 4 мая, во время совещания в Турнэ, ген. фон-Куль, вновь изложив Людендорфу те серьезные трудности, на которые должно было натолкнуться наступление «Неймихель», горячо настаивал на выполнении наступления «Нейгеорг», имевшего «совершенно определенную, достижимую и соответствующую силам цель», и притом в районе, который благодаря удару германского наследного принца будет очищен от резервов.

Людендорф, наконец, дает себя убедить и, как говорит Куль, 5 мая посылает свое согласие.

> «На основах, выработанных происходившей вчера в Турнэ конференцией, предписывается подготовить «Нейгеорг» в первую очередь и «Неймихель» — во вторую».

Наступление «Нейгеорг», названное теперь «Хаген», должно было быть произведено 6-й и 4-й армиями севернее Лис, с исходного положения на фронте Неф-Беркен — северо-западная часть Ипра; по достижении высот, расположенных между Поперинг и Байель, наступление должно было развиваться в направлении Дюнкирхена и Кале.

Необходимые силы исчислялись в количестве 47 дивизий и 1 200 батарей, из коих основная часть — 32 дивизии — должна была быть взята из общих резервов, находившихся на отдыхе и обучении в тылу армейской группы.

Определение цели действий вызвало серьезный и интересный спор между обоими штабами. 5 мая Людендорф, высказавшись

---

[1] В оригинале — travailleurs — *Ред.*

за ограниченную цель, послал армейской группе, по словам Куля, следующую директиву:

«Первый крупный рубеж — линия Безинг (Boesinghe) — Поперинг — Годверсвельде — Борр (восточнее Хазебрука). Этот рубеж должен быть достигнут лишь последовательными скачками. Прежде всего, нужно достигнуть линии: северная окраина Ипра — Ренингельст (Reninghelst) — Моннуар — Флетр — Стразель (Strazeele). Лишь достигнув первого крупного рубежа, можно будет продолжать операцию».

Армейская группа считала, что такие ограниченные мероприятия, на которых лежит отпечаток слишком большой сдержанности и осторожности, не соответствуют стремлению достигнуть крупного решения, являющегося целью Фландрского наступления. Поэтому командование группы немедленно и энергично запротестовало и стало отстаивать ведение наступления на широком фронте и без ограничения целей.

13 мая армейская группа переслала верховному командованию с одобрительным заключением письмо, которое 11 мая прислал ген. Сикст фон-Арним, командующий 4-й армией, и в котором говорилось:

«4-я армия возражает против ограничения стратегической цели и против образа действий для достижения этой цели посредством заранее установленных скачков... она предлагает наступать одновременно от озера Бланкерт до леса Ниепп и вести наступление настолько быстро, насколько это позволит обстановка; способа же ведения атаки скачками и методически следует придерживаться лишь в том случае, если сопротивление противника вынудит к применению такого тактического решения»[1].

В своем ответе от 15 мая Людендорф с полной ясностью формулирует задачу, как он ее себе представляет.

«4-я армия, армейская группа и верховное командование хотят разбить противника. Что этой цели отвечают глубокие наступления, осуществляемые на широком фронте, это очевидно, и мы все полностью согласны с этим. Но ширина и глубина наступлений определяются имеющимися в распоряжении силами. Если, принимая во внимание эти силы, наступление надо ограничить в глубину, — а я опа-

[1] Письмо, приведенное Кулем в его труде, цитированном выше.

саюсь, что это необходимо, — то его нужно, прежде всего, ограничить на севере... глубина наступлений зависит не только от наличия свободных сил, но также от ожидаемого со стороны противника сопротивления и от количества его резервов. Именно в этом вопросе наши мнения о способах выполнения расходятся... 4-я армия должна быть готовой встретить с самого начала сильное сопротивление и многочисленные резервы противника. Сопротивление будет по большей части сломлено действием мощной артиллерии. Резервы прибудут лишь позже, но все же они изготовятся очень быстро и, по всей вероятности, смогут быть сломлены лишь после нового развертывания артиллерии. Вот чем об'ясняется необходимость продвижения скачками совместно с большими массами артиллерии и большим количеством боеприпасов... «Нейгеорг» обрушивается на сильного противника, имеющего многочисленные резервы. Вот на чем основывается мой замысел ведения наступления. Если обстановка перед 4-й армией изменится, то изменится также и этот замысел...».

Далее Людендорф, по словам Куля, добавлял:

«Я считаю необходимым об'яснить мою точку зрения, иначе я опасался бы разочарований и тяжелых потерь. Последних мы больше не можем нести; людей едва хватает, но у нас есть огнеприпасы. Первый назначенный мною рубеж является, по моему опыту, если учесть положение, в каком находится 4-я армия, отдаленной тактической целью, которая может быть достигнута не ранее, как через несколько дней. А когда она будет достигнута, тогда с божьей помощью все дальше и дальше вперед».

Наконец, что касается дня начала наступления, то Людендорф, признавая желательным, чтобы решительные действия следовали возможно скорее за вспомогательной атакой, полагал, однако, что наступление может быть начато «лишь в течение июня».

***

По нашему мнению, стремление Людендорфа вновь добиться в конце апреля решения на Западном театре нельзя поставить ему в вину.

Неблагоприятное стратегическое положение, в котором оказалась германская армия в результате крупного тактического успеха операции «Михель», очутившись в глубине мешка у Мон-

дидье, вынуждало верховное командование «найти новую стратегическую идею, которая позволила бы ему выбраться из этого мешка» [1]. Необходимо было или атаковать в новом пункте или отойти на более благоприятную оборонительную позицию, которая должна была бы быть возможно более узкой. Но последнее решение было бы признанием, что Германия отказывается от победы. Оно серьезно подорвало бы моральное состояние армии и повлекло бы за собой тяжелые политические последствия. К тому же оно было еще преждевременно. Хотя честолюбивые цели, которые преследовались на востоке, а также отказ от активного участия в операциях Австро-Венгрии и не позволяли Людендорфу значительно увеличить свои средства, что сильно ухудшало условия его стратегического маневра, но все же значительность средств, бывших в его распоряжении, и в частности большое количество его резервов (80 дивизий, из коих 62 свежих) оправдывали быстро предпринятую наступательную операцию, прежде чем вмешательство американцев ухудшило бы его шансы на успех.

Таким образом, не следует осуждать Людендорфа за то, что он к этому времени считал еще возможным применение стратегии «уничтожения». Притом, как говорит Куль, «нужно было действовать, а не подчиняться воле противника». Что же нужно было делать?

Основная стратегическая идея, которая должна была руководить «Великим сражением за мир», продолжала существовать: свалить англичан, которые более чем когда-либо рассматривались как главный враг, хотя и не самый сильный в военном отношении, но зато наиболее опасный, наиболее упорный и наиболее непримиримый, сосредоточивший в своих руках руководство политикой Антанты с целью «удушить» германское могущество.

Что же касается образа действий, то он состоял в том, чтобы, прежде всего, отвлечь резервы противника от решающего района и истощить их на каком-нибудь отдаленном участке, прорвав фронт в наиболее слабом пункте; затем, по достижении этого результата, и притом в кратчайший срок, добиваться решения против англичан в каком-нибудь выгодном стратегическом направлении. Это был правильный образ действий, следовать которому советовал Ветцель уже с декабря; это была «смелая комбинация нескольких наступлений, тесно увязанных между собой», неоспоримость которой была подтверждена опытом трех-

[1] Ген. Вильгельм Гренер, Мировая война и ее проблемы. Берлин, 1920 г., стр. 92.

летней фронтальной борьбы. Настоятельная необходимость такого образа действий была доказана неудачами мартовских дней; только он позволил бы, в конечном счете, осуществить шлиффеновский маневр окружения — великую идею Канн, руководящую нить которой — «красную нить» графа Шлиффена — утеряла германская стратегия в 1914 г.

Таким образом, мы не последуем за многочисленными критиками и не будем считать, что Людендорф должен был бы в апреле отказаться от всякой вспомогательной атаки, дабы возможно скорее возобновить наступление против англичан с целью лишить их возможности привести себя в порядок и сорганизоваться. Новая и единственная атака против сильно занятого участка фронта, на котором предупрежденные союзники, прочно спаянные между собой, сосредоточили все свои силы, в то время как германские резервы для приведения себя в боеспособное состояние нуждались в передышке, привела бы к новому акту борьбы на истощение и, возможно, даже к крупному тактическому успеху, но уж наверно — к стратегическому поражению. Следовательно, замысел Людендорфа в данном случае, по нашему мнению, целиком оправдывается.

Что же касается средств, то следовало, чтобы австро-венгерская армия в самых широких размерах содействовала созданию маневренной массы, которая должна была решить судьбу войны. Политическая и военная невозможность сочетания совместных усилий центральных держав на Западном фронте была — по крайней мере частично — компенсирована предполагавшимся одновременным наступлением во Франции и в Италии. Распределение германских свободных сил на западе определялось стремлением дать операции на истощение все, что ей было нужно, но это лишь для достижения ее ограниченной цели; с исключительной строгостью приберегались силы, которые требовались для финального акта. Таким образом, и средства, как будто, соответствовали преследуемой цели.

Операция, решенная на совещании в Дуэ, была, следовательно, задумана в общем достаточно логично и оправдывалась бы полностью, если бы она не была поражена в самом своем существе двумя глубокими пороками, которые должны были серьезно помешать ее выполнению. Эти пороки, непрерывно развиваясь в течение последующих месяцев, приводили каждое наступление к стратегической неудаче.

Первый порок имел отношение к слишком большому затягиванию операций во времени. В то время как первоначальные приказы были отданы 17 апреля, акт борьбы на истощение мог

быть начат не ранее конца мая, т. е. через шесть недель, а решительные действия были предусмотрены лишь на июнь месяц — иначе говоря, через 2 месяца. И все это потому, что Людендорф хотел использовать свежие, обученные и уже принимавшие участие в предшествовавших операциях дивизии, а для этого им надо было предоставить отдых и возможность привести себя в соответствующее состояние. Людендорф хотел также обеспечить широкое развитие материальной подготовки — подвоз артиллерии и огнеприпасов, перегруппировку частей и снабжение их всевозможным снаряжением. Быстрая перегруппировка сил в промежутке между двумя наступлениями наталкивалась на большие трудности. По словам Куля:

> «Не удавалось оторваться от предыдущей операции так скоро, как это было желательно»: или силы, необходимые для новой операции, должны были быть частично получены от перегруппировки, и нужно было дать дивизиям время для отдыха и приведения себя в порядок, вследствие чего происходили длительные и нежелательные перерывы в операциях, или же новая операция быстро следовала за предшествующей, и тогда приходилось довольствоваться менее тщательной подготовкой и более слабым оснащением».

Таким образом, в то время как необходимо было действовать быстро, чтобы не дать противнику притти в себя, Людендорф решил не вносить «никакой спешки» в подготовку новых атак.

> «С этого момента перерыв сделался очень продолжительным: англичанам было предоставлено время для приведения себя в порядок после поражения и подвоза подкреплений; от немедленного использования мартовских и апрельских успехов отказались».

Германское командование не считалось со следующей мыслью Клаузевица:

> «Каждый перерыв между двумя последовательными успехами дает возможность противнику опомниться. Воздействие предыдущего успеха на последующие бывает слабым и часто даже нулевым или отрицательным, так как противник восполняет свои потери и даже побуждает себя к более сильному сопротивлению или получает помощь извне» [1].

[1] Клаузевиц, О войне, т. VIII — «План войны».

Причина длительных перерывов в последовательности операций таилась, главным образом, во втором пороке — в недостатке средств. Не решившись на предварительную ликвидацию восточных фронтов и не заставив своего союзника иметь общий с собой фронт во Франции, Людендорф мог использовать лишь немецкие войска, и то в количестве $^4/_5$ всех сил. В то же время, не имея достаточных источников для их снаряжения, он был вынужден использовать для операций лишь ограниченное число дивизий и всегда одни и те же. Таким образом, недостаток средств влек за собой нежелательное эшелонирование операций во времени, причем это происходило в тот период, когда американская помощь грозила в непродолжительном времени нарушить достигнутое с таким трудом равновесие.

Если уж нельзя было избежать этих двух пороков, то по крайней мере надо было стремиться по возможности уменьшить неблагоприятные последствия, которые они влекли за собой. Но меры, принятые верховным командованием, были такого сорта, что могли только их увеличить.

В то время пространственное ограничение акта борьбы на истощение оправдывалось самой целью этого акта и позволяло отвести в резерв своевременно и в необходимом количестве средства, нужные для решительного акта. Еще до начала наступления Людендорф в погоне за отдаленной целью предусматривал развитие его в глубину и расширение по фронту посредством операций в два приема. Эти мероприятия должны были увлечь командование в сторону тактического использования успеха, которое неизбежно влекло за собой потерю драгоценного времени и поглощение сил, а, следовательно, сильно вредило решительной операции. Не являлось ли это повторением мартовской ошибки, когда тактические успехи, одержанные южнее Соммы, привели к неудаче решительного маневра против англичан? Не было ли это новой попыткой требовать победы от развития «чисто фронтальной операции» — той самой операции, которую Шлиффен столько раз осуждал, так как оттесненный противник, конечно, возобновит временно прекращенное сопротивление в другом месте и так как «успех подобной атаки даже в самом благоприятном случае всегда слаб».

Все вышеизложенное наводит на мысль, что, уже готовясь начать наступление на Шмен-де-Дам, Людендорф ради соблазнительной перспективы, связанной с развитием в слабом пункте акта борьбы на истощение, жертвовал шансами решительного акта, который должен был быть проведен в сильном пункте фронта противника; что он жертвовал шансами, которые сам

считал небольшими и в которых он даже сомневался. Все данные позволяют сделать такое предположение, в том числе и колебания Людендорфа в выборе стратегического направления, проявлявшиеся с 1 по 5 мая в виде противоречивых решений. Особенно характерным для такого предположения является его замысел решительного акта, ясно выраженный в его письме от 15 мая и ратующий за методическую и осторожную операцию, за тщательное регулирование продвижения скачками. И в то время как в отношении акта борьбы на истощение Людендорф предусматривает лишь такие меры, которые расширяют этот акт, — для решительного акта он предусматривает лишь ограничивающие его меры. Получается впечатление, что Людендорф уже не верит в возможность истощить в достаточной степени резервы противника посредством вспомогательной операции; значит, решительное наступление натолкнется на сильного, располагающего резервами противника и потребует медленного и методического развития, делающего проблематичным успех задуманной операции.

> «Таким образом, — говорит Куль, — истощение сил уже не позволило бы вести против англичан атаку достаточной мощности, ширины и глубины... Следовало избегать тяжелых потерь... Было сомнительно, чтобы в этих условиях можно было ожидать решительных результатов».
>
> «Представлялось возможным, — пишет ген. Гренер, — довести противника до желания мира, не давая ему отдыха, сковывая его все сильнее и сильнее до тех пор, пока хватит сил, даже не достигая стратегического результата» [1].

Наконец, принц Руппрехт, комментируя незадолго до начала наступления слова Людендорфа: «Мы больше не можем вынести тяжелых потерь», писал:

> «Из этого следует, что в военном отношении мы уже не можем выиграть войну, так как без новых тяжелых потерь нельзя добиться решительной победы»[2].
>
> «В сущности верховное командование уже не верит в возможность благоприятного для нас исхода войны, но и не делает из этого признания необходимых выводов. Что же касается всех остальных, то они боятся сказать правду. Мы ведем политику страуса» [3].

[1] Гренер, стр. 92.
[2] Принц Руппрехт, Письмо от 17 мая, т. II, стр. 398.
[3] Принц Руппрехт, Письмо от 20 мая, т. II, стр. 401.

2. АКТ БОРЬБЫ НА ИСТОЩЕНИЕ

С первого же дня — 27 мая — Шмен-де-Дам (схема 7) взят с налета, р. Эн перейдена, р. Вель достигнута в центре, в районе Фим, в 20 км от исходной позиции; однако, фланги севернее Суассона и западнее Реймса отстали.

Ввиду того что и на следующий день продвижение за Вель продолжалось без затруднений, Людендорф в 12 час. решил произвести более глубокое наступление.

> «Армейская группа продвинется до линии высот юго-западнее Суассона, Фер-ан-Тарденуа, к высоте южнее Кулонж, фронтом южнее Реймса».

При этом Людендорф, по словам Куля, добавил:

> «Хотя еще и неуместно думать о более далеком продвижении, до линии Компьен — Дорман — Эпернэ, но эта возможность может быть предусмотрена, в случае благоприятного развития операций» [1].

Затем во второй половине дня с целью ослабить неудобство, которое могло бы создаться из-за сильного выпирания центра в случае окончательной остановки флангов, Людендорф предписывает принятие различных мер, имеющих в виду расширение фронта наступления. В отношении расширения на запад он настаивает перед 7-й армией на важности «иметь значительные силы южнее Суассона» [2], «дабы понудить противника к эвакуации всего района между Эн и Уазой», и на необходимости ускорить подготовку операции «Иорк», чтобы начать ее 30-го. В случае успеха этой атаки он предписывает 18-й армии произвести операцию «Гнейзенау», ведение которой предполагалось по правому берегу Уазы. С другой стороны, он предлагает 1-й армии подготовить захват реймского выступа. Таким образом, последовавшее 28 мая решение установило для 3 армий кронпринца новую цель, которая от Мондидье до Реймской горы через Компьен и Фер-ан-Тарденуа имела протяжение по фронту в 140 км и до которой от правого фланга насчитывалось 25—30 км.

Хотя 29 мая фланги еще задерживались у Реймса и Суассона, но центр уже прошел намеченный рубеж. Вследствие этого выпирание мешка сделалось еще сильнее, причем фронт его наиболее выдвинутой вперед части едва достигал ¼ глубины. В то

[1] Куль. Крушение наступательных операций 1918 г.
[2] Рейхсархив, т. XXXII, стр. 129.

же время фронт наступления расширился более чем на 40 км. Тем не менее, Людендорф предписывает продолжение движения в юго-западном направлении, увеличивая его в глубину до Марны, а по фронту — до Компьена и Реймса.

> «По достижении линии, указанной в приказе от 28-го, наступление будет продолжаться левым флангом 18-й армии, 7-й и 1-й армиями южнее Уазы, в направлении Компьен — Дорман — Эпернэ; горный массив между Вель и Марной южнее Реймса должен быть взят. Марну не переходить в южном направлении» [1].

Хотя 30 мая в расстоянии 60 км от Шмен-де-Дам центр и достиг Марны на участке от Шато-Тьери до Дорман, на фронте в 20 км, но фланги остались неподвижными, поэтому движение в сторону было прекращено. Все же севернее Эн, на фронте операции «Иорк», ставшей бесполезной вследствие отхода французов, 7-я и 1-я армии продолжают продвигаться вперед между Суассоном и Нуайоном. Остановка флангов, придававшая теперь мешку форму прямоугольника с очень удлиненными флангами, требовала быстрого решения, способного улучшить положение, в котором нельзя было долго удержаться. Людендорф решает продвинуть фланги вперед: на западе — до линии Вербери — Креп-ан-Валуа — Шато-Тьери, на востоке — до Реймской горы, с двойным охватом города.

> «Только после достижения этих целей можно было бы считать, что операция достигла полного тактического успеха; только тогда был бы получен фронт, благоприятный для закрепления» [2].

На фронте Марна — Реймс операция, вначале отложенная имперским наследным принцем из-за усталости войск и недостатка огнеприпасов, была 2 июня, по приказу Людендорфа, возобновлена под видом частных атак с ограниченной целью. Эти действия 6 и 9 июня терпят неудачу. Операция против Реймса — расширенная «Герц» — была прекращена 14 июня. Между Марной и Уазой все усилия сломить упорное сопротивление противника остаются напрасными. Несмотря на некоторое продвижение в первых числах июня, западный фланг все же был остановлен на высотах севернее Эн и на восточных окраинах леса Виллер-Коттере, — следовательно, очень да-

[1] Рейхсархив, т. XXXII, стр. 161.
[2] Рейхсархив, т. XXXIII, Возрастающие трудности. Берлин, 1930 г., стр. 5.

леко от назначенных ему целей. По словам Куля, «ввиду того что сопротивление противника по мере замирания наступления» возрастало, Людендорф предписывает 5-го «отказаться от всякого крупного наступления» и довольствоваться «ограниченными, местными действиями». Неудача этих действий быстро повлекла за собой прекращение операции «Блюхер».

Однако, Людендорф надеется выручить правый фланг 7-й армии, начав западнее Уазы операцию «Гнейзенау». «От успеха наступления «Гнейзенау», — пишет он 5 мая 18-й армии, — зависит продолжение операций 7-й армии» [1]. Первой целью наступления должна была быть линия Мондидье — Компьен, причем это наступление должно было быть увязано с действиями 7-й армии, названными «Гаммершлаг», которые должны были вестись восточнее Уазы до Эн у Вик и до леса Виллер-Коттере. 8 мая Людендорф предписывает в случае успеха этих действий развить их сначала до линии Компьен — Ла-Ферте-Милон, а затем до дальнейшей цели — Вербери — Крепи — Марейль. Операция «Гнейзенау», начало которой предусматривалось вначале на 7 июня, должна была быть отложена до 9-го из-за недостаточной готовности артиллерии.

> «Это было невыгодно, так как чем дальше откладывалась операция, тем меньше сохранялась ее связь с мощными боями, происходившими между Эн и Марной» [2].

Атака натолкнулась на предупрежденного противника, который 11 июня предпринял сильную контратаку, поэтому были достигнуты лишь незначительные результаты. Действия «Гаммершлаг», начатые 12-го, потерпели неудачу. В тот же день Людендорф приказал остановить наступление.

> «Надежда верховного командования достигнуть района Компьен и этим самым дать возможность правому флангу 7-й армии возобновить движение до Эн и даже дальше не осуществилась» [3].

В середине июня на всем фронте от Мондидье до Реймса воцарилось спокойствие. В Италии австрийское наступление, начатое 15 июня, окончательно не удалось.

**
*

Цель наступления — оттянуть резервы противника далеко от места решительного поля сражения во Фландрии — была, не-

[1] Рейхсархив, т. XXXIII, стр. 159.
[2] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 251.
[3] Рейхсархив, т. XXXIII, стр. 162.

сомненно, достигнута. Меньше чем через неделю на пространстве между Уазой и Реймсом было брошено в бой 48 французских дивизий и 15 дивизий были в пути к фронту, а несколько дней спустя западнее Уазы были скованы еще 18 дивизий. Но какой ценой и с какими последствиями был достигнут этот результат?

Дав себя увлечь к Марне, Людендорф превратил наступление, носившее вспомогательный характер, в большое сражение, причем на второстепенном поле сражения хотел добиться решительного успеха: вспомогательная операция стала основным маневром.

Однако, достигнутая при этом большая тактическая победа не только уткнула наступавшего в дно узкого и глубокого мешка, края которого были совершенно неподвижны (причем так же, как и у Мондидье, победа эта не предоставляла никакой возможности стратегического использования ее), но, наоборот, ставила победителя в неблагоприятное стратегическое положение, в котором он не мог долго оставаться. Около 40 дивизий, т. е. пятая часть германской армии, оказались втиснутыми в этот мешок с открытыми для ударов противника флангами, причем эти удары противник легко мог нанести из лесистых районов Виллер-Коттере и Реймса. Кроме того, снабжение массы войск было чрезвычайно затруднено недостатком средств снабжения.

> «Достигнутая линия не давала возможности использовать железнодорожные пути, проходившие через Реймс, важность которых была решающей. Недостаток снарядов, который чувствовался во время последних операций, происходил, прежде всего, от недостатка железных дорог. Единственной железной дорогой нормальной колеи, которая, помимо реймских железнодорожных линий, вела в район к югу от Эн, была дорога через Лаон и Суассон, но, ввиду того что воксальонский тоннель был полностью разрушен и на его восстановление требовалось около шести недель, всякого рода снабжение представлялось невероятно трудным» [1].
>
> «Неблагоприятные железнодорожные условия вынудили нас к интенсивному использованию автомобильного транспорта, что усилило у нас недостаток в горючем» [2].

Это трагическое положение значительной массы сил, имевших растянутые и необеспеченные фланги и почти отрезанных от

[1] Рейхсархив, т. XXXIII, стр. 91.
[2] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 250.

тыла, должно было иметь самые серьезные стратегические последствия, так как настоятельная необходимость улучшить это положение заставила Людендорфа, как мы увидим дальше, отказаться от своей основной идеи.

Кроме того, эта операция в значительной степени уменьшила потенциал германских сил. Наступление, первоначальные средства которого — 30 дивизий — соответствовали операции с ограниченной целью, втянуло при своем развитии 41 дивизию, большая часть которых истощила свою боеспособность и требовала длительного отдыха для своего восстановления.

> «Большой тактический успех был, таким образом, одержан при использовании части сил, которые должны были участвовать в решительных действиях во Фландрии (в наступлении «Хаген»); предварительные благоприятные условия для успеха этих действий должна была создать комбинированная операция «Блюхер» — «Герц» — «Иорк»; из резерва «Хаген» были уже взяты 5 дивизий» [1].

Последствием этого было то, что к середине июня — как раз в момент, когда должно было начаться решительное наступление, — акт борьбы на истощение едва окончился и средства, предназначенные для усиления фландрского сектора, оказались парализованными на р. Эн.

> «Необходимость введения в бой в зоне армейской группы имперского наследного принца нескольких дивизий, предназначенных для «Хаген», вынудит, вероятно, к отсрочке начала «Хаген» на несколько недель» [2].

Решительная операция, по признанию самого Людендорфа, была отягчена новым серьезным запозданием, которое, облегчая противнику воссоздание и перемещение его резервов, мешало согласованию во времени обоих актов комбинированной операции и возвращало противнику свободу действий, которой как раз предполагалось его лишить актом борьбы на истощение.

Наконец, победа была куплена дорогой ценой. Рейхсархив признает потери в 4 581 офицера и 125 789 рядовых, а потери союзников он оценивает в 5 046 офицеров и 167 373 рядовых, из которых половина пленных. Таким образом, германская армия была более истощена, чем армия Антанты, так как:

---

[1] Рейхсархив, т. XXXIII, стр. 151.

[2] Инструкция верховного командования армейской группы Руппрехта от 3 июня (Рейхсархив, т. XXXIII, стр. 151).
Принц Руппрехт, Письмо от 5 июня, т. II, стр. 407.

«...после больших жертв предыдущих сражений и вследствие недостатка численного состава эти потери были попросту невозместимы... Таким образом, в победе у Шменде-Дам были скрыты зародыши нашего будущего поражения» [1].

С точки зрения руководства сражением Людендорф еще раз пожертвовал всем для идеи «чисто фронтальной борьбы». Предполагая притянуть операцией «Блюхер» — «Иорк», игравшей лишь вспомогательную роль, возможно бо́льшее количество резервов противника, он допускал мысль, впрочем вполне обоснованную, что его ударная масса рано или поздно натолкнется на новое фронтальное сопротивление, которое остановит его напор. Но, пренебрегая прочным подкреплением флангов этой массы, он ставил их в такое положение, что они должны были быть быстро остановлены первыми же подкреплениями противника, которые неизбежно должны были упереться в неатакованные фланги. Следовательно, фланги германских армий должны были вскоре отстать от темпа продвижения, которым должна была еще некоторое время двигаться вся масса сил своим центром.

«Опыт показывает, — говорит начальник штаба армейской группы [2], — что французы противодействуют нашим атакам, бросаясь на фланги, следовательно, здесь мы должны быть тем более сильными».

Из-за этого Людендорф ограничивает результаты, ожидаемые от фактического использования первых успехов, т. е. истощения противника, что было его первоначальной целью.

В частности и главным образом с того момента, когда Людендорф — правильно или неправильно — собирался перейти от местного тактического к решительному стратегическому использованию успеха, ему нужно было быть сильным не только на флангах самого фронта прорыва.

«Мы достигли бы своей цели — использования успеха и расширения фронта наступления от Уазы до Реймса, — если бы на обоих флангах мы были сильнее и действительно сильны» [3].

Не следовало терять драгоценного времени в попытках подорвать обе опоры неприятельского сопротивления — в районах

[1] Рейхсархив, т. XXXIII, стр. 192.
[2] Ген. фон-Шуленбург, начальник штаба германского наследного принца. По рейхсархиву т. XXXIII, стр. 92.
[3] Ген. фон-Шуленбург. По Рейхсархиву, т. XXXIII, стр. 92.

Суассона и Реймса, — тесно сжимаясь вокруг них и производя атаки по большей части внутри мешка. Нужно было немедленно и решительно добиваться использования успеха на западе — на правом берегу Уазы — и на востоке — через высоты Шампани (Monts de Champagne). Только такой способ действий, который вскоре затем был применен французской стратегией, позволил бы Людендорфу, если бы он располагал необходимыми средствами, осуществить окружение противника мощным наступлением на флангах уже прорванного фронта и добиться решительной победы, в которой ему отказывала «чисто фронтальная атака», столько раз осужденная мастером германской стратегии.

Наконец, уже много раз ставился вопрос: что же должно было предпринять верховное командование после достижения р. Вель? Должно ли оно было остановить наступление, чтобы немедленно начать расширение его вправо, как предлагал ген. Мозер, или даже незамедлительно начать решительный акт во Фландрии, как полагал Штегеман? И наоборот; правильно ли поступило верховное командование, продолжая наступление, как думает Куль, так как

> «шансы на успех главной операции против англичан возрастали тем больше, чем больше был бы успех, одержанный над французской армией»?
>
> «В этот момент, — добавляет Куль, — никто на фронте, будь то солдат или начальник, не понял бы, если бы обстановка, ставшая благоприятной до такой степени, какой никто не ожидал, не была использована и если бы не попытались использовать добытую полной внезапностью победу для достижения возможно большего успеха».

Конечно, лишь очень осторожно следует критиковать действия, зная ход событий и их последствия, но тем не менее кажется, что в том стратегическом положении, в котором находилось германское командование, ему представлялись лишь два решения: или придерживаться основной идеи, — но тогда нужно было во-время, остановиться в благоприятной обстановке и истощить противника, не подвергая истощению самого себя, с целью начать решительный акт с необходимыми силами и в минимальный срок; или же, если бы неожиданные результаты акта борьбы на истощение это позволили, имея перед собой истощенного и растерявшегося противника, перейти к решительному стратегическому использованию успеха в каком-нибудь благоприятном направлении, причем нужно было сделать из этого акта решительную операцию, — но тогда следовало принимать это

решение со всеми его последствиями и дать операции абсолютно все средства, в частности и те, которые оставлялись для наступлений во Фландрии. Вместо этого останавливаются на неопределенном способе действий: на второстепенном направлении стремятся «к возможно большему успеху», но добиться этого хотят лишь частью своих средств и сохраняя за собой возможность решения в другом месте. Поэтому и достигают лишь тактического результата, не имеющего иных стратегических последствий, кроме уменьшения шансов на успех главной операции.

3. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ АКТА БОРЬБЫ НА ИСТОЩЕНИЕ

Замысел

Что должен был делать Людендорф в середине июня, после того как замерли последние судороги акта борьбы на истощение?

Обстановка более уже не представлялась ему в благоприятном свете. Полная неудача австро-венгерского наступления должна была освободить силы Антанты, занятые в Италии, в то время как помощь австрийского союзника оставалась проблематичной и отдаленной. С другой стороны, все резервы, за исключением дивизий, остававшихся в армейской группе Руппрехта, были введены в бой и нуждались в передышке в несколько недель для приведения себя в порядок. Кроме того, армия сильно пострадала: тяжелые сражения вызвали большие потери, а между тем подкреплений едва хватало для пополнения текущей убыли в численном составе. Вследствие этого боевая сила батальонов значительно уменьшилась. С целью увеличить численность войсковых частей верховное командование вынуждено было прибегнуть к расформированию четвертых рот, а затем — к концу июня — решиться на расформирование целых дивизий. Наконец, что было еще серьезнее, моральное состояние армии было сильно подорвано; вызванное непрерывной борьбой физическое утомление, однообразное и недостаточное питание, горькое разочарование из-за того, что «Великое сражение» не дало обещанного решения, наконец, плохие вести из тыла — все это содействовало крайнему нервному напряжению войск. Число дезертиров и уклонявшихся непрерывно возрастало, а прибывавшие подкрепления приносили из Германии самые скверные настроения.

В противоположность этому, становилось совершенно очевидным, что состояние противника улучшалось с каждым днем. Хотя

французская армия и пострадала, но все же она «благодаря богатым людским резервам колониальных владений Франции», не чувствовала в такой степени, как Германия, кризиса в численном составе, а ее моральное состояние укреплялось при мысли о той поддержке, которую вскоре должны были дать американцы. Английская армия уже в течение почти двух месяцев пользовалась полной свободой для приведения себя в порядок. Участие в войне американской армии должно было в ближайшее время обеспечить за армиями Антанты неоспоримое численное превосходство.

> «Предполагалось, — говорит Людендорф, — что к концу июня во Франции будет 20 американских дивизий; таким образом, превосходство в числе дивизий, которое мы имели в марте, должно было быть компенсировано... Чрезвычайно важное обстоятельство заключалось в том, что эти дивизии, занимая более спокойные сектора, могли освободить французские или английские части»[1].

В общем Людендорф видел, что бои, которые уже велись в течение трех месяцев, повлекли за собой истощение сил центральных держав такое же, если не большее, чем у противников; он видел также, что со временем положение должно было еще более ухудшиться.

Назревала необходимость важного решения: остановить ли или продолжать наступление? В последнем случае — следовало ли начинать решительные действия или же, прежде чем искать решения, продолжать добиваться истощения противника?

Если бы операции были приостановлены, то нужно было бы перейти к обороне на занятых позициях или отойти на тыловые. Первое решение Людендорф отбросил без колебаний:

> «Войска не были в состоянии вынести того нервного напряжения, которого требовало от обороняющегося материальное сражение...»[2].

> «Оборонительное сражение стоило дороже, чем наступление, а перспектива новой позиционной войны произвела бы и на армию и на общественное мнение подавляющее впечатление»[3].

---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 254.
[2] Рейхсархив, Сражения мировой войны, т. XXXIV, «Последняя германская атака на Реймс в 1918 г.» Берлин, 1930 г., стр. 9.
[3] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.

К тому же невозможно было оставаться в том неблагоприятном стратегическом положении, в которое была поставлена германская армия мартовскими и майскими наступлениями. Еще меньше Людендорф мог согласиться на возможность отхода, который явился бы для всех — и для армии, и для страны, и для союзников — признанием непоправимого поражения центральных держав, которое повлекло бы за собой катастрофу.

> «В рамках общей обстановки не могло быть и разговора о подобном решении верховного командования» [1].

Наоборот, важные соображения указывали, по мнению Людендорфа, на необходимость скорейшего продолжения наступления. Соотношение сил, которое из месяца в месяц должно было в значительной пропорции изменяться в неблагоприятную для германцев сторону, вынуждало добиваться скорейшего решения, которое только одно и было способно сохранить верность союзников, заявлявших, что силы их были на исходе.

> «Только победа могла заставить созреть тот зародыш стремления к миру, который существовал внутри Антанты; только победа могла нас избавить от внутренних раздоров» [2].

Наконец, — и, как мы увидим, это главное, — Людендорф считал, что только «движение вперед» позволит быстро вынести армейскую группу германского наследного принца из того «невыносимого положения», в которое ее поставило майское наступление.

> «В этой обстановке верховное командование настаивало на борьбе ради победы и продолжало наступление».

Затем, приняв решение и учитывая, с одной стороны, что успех должен быть достигнут все еще на фронте англичан, во Фландрии, и с другой стороны, — что майские атаки, несмотря на их блестящий тактический успех, не достигли своей стратегической цели, которая заключалась в ослаблении фронта решительной атаки, Людендорф признает необходимым вновь добиваться предварительного истощения резервов противника.

> «Все время возникала мысль о наступлении во Фландрии, но там еще находились сильные английские резервы;

---

[1] «Сражения мировой войны», т. XXXIV, стр. 12.
[2] Людендорф, Ведение войны и политика, стр. 221.

атака на этом фронте была слишком трудна, нужно было ее отложить» [1].

«Казалось совершенно необходимым, чтобы наступлению «Хаген» предшествовало новое наступление, имевшее вспомогательную цель; не являлось ли лучшим решением вопроса выполнение такой операции на французском фронте Эн — Реймс, где к тому же неблагоприятная обстановка требовала нового наступления» [2].

За вспомогательной атакой должна была немедленно последовать решительная операция.

«Таким образом, рассчитывали, что в случае успеха удастся добиться такого истощения неприятельских резервов, при котором наступление во Фландрии будет, наконец, возможным» [3].

Приказы, касавшиеся продолжения операций, явились предметом директивы 14 июня. Предполагая, что большинство французских резервов будет оставаться по обеим сторонам Уазы в целях прикрытия Парижа и что вследствие этого фронт от Марны у Шато-Тьери до Аргонн будет от них очищен, Людендорф «решил еще раз ударить по слабому, по его мнению, пункту французского фронта» (схема 8). 7-я армия, переправившись через Марну восточнее Шато-Тьери (операция, известная под названием «Marne-Schutz» — активная оборона Марны), должна была направиться к Эпернэ по обоим берегам реки, в то время как 1-я армия, поддержанная крайним правым флангом 3-й армии (операция, известная под названием «Reims»), должна была атаковать в Шампани, в направлении Шалона. Внутренние фланги обеих этих групп, окружив Реймс, должны были соединиться на Марне у Тур.

Затем, поддавшись убеждениям своих подчиненных, Людендорф после совещания в Ретель, имевшего место 18 июля в штабе 1-й армии, дал себя уговорить расширить операцию как по фронту, так и в глубину. По фронту наступление должно было быть развито 3-й армией до Тур, а в глубину по достижении Марны у Эпернэ и Шалона, 7-я и 1-я армии должны были продвинуться до государственной дороги Париж — Шалон,

---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 258. Принц Рупрехт, т. II, стр. 419.

[2] Рейхсархив, «Последние германские атаки», т. XXXIV, стр. 12.

[3] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.

в район Шампобер — Бержер. Наследный германский принц 21 июня отдал соответствующие приказы»[1].

Чтобы дать возможность 7-й армии целиком посвятить себя своей наступательной задаче, на ее правом фланге, на оба берега Эн у Суассон была выдвинута 9-я армия.

Таким образом, наступление «Marne-Schutz» — «Реймс» должно было развернуться на фронте в 120 км и иметь в глубину 35—40 км, включая неатакованный реймский сектор, который должен был пасть в результате окружения. Оно должно было вестись силами 47 дивизий (25 — в первой линии, 10 — во второй и 12 — в третьем эшелоне) и массой артиллерии в 2 000 легких и тяжелых батарей и более чем 2 000 минометов.

Что же касается наступления «Хаген» (схема 1), то приказы от 14 июня ничего не изменили в прежних взглядах Людендорфа на методическое развитие операции. Лишь одно из решений 27 июня уточняло, что центр тяжести усилий должен быть перенесен на правый фланг 4-й армии: «Общий маневр нанесет противнику тем более сильный удар, чем энергичнее и глубже будут действия на окружение» (Куль).

Оба наступления — и с вспомогательной целью и решительное, — начало которых было предусмотрено соответственно на 10 и 20 июля, было позже из-за задержки в подготовке перенесено на 15 июля и начало августа.

Предположения верховного командования не ограничились этими проектами. С целью исправления линии фронта между Марной и Соммой Людендорф во время подготовки стал предусматривать возможность дополнительной операции, которую должны были вести две армейские группы.

> «Предполагается, — пишет он 22 июня обеим армейским группам, — по окончании наступательных операций, предписанных 14-го, предпринять между Соммой и Марной в направлениях Амьена и Парижа наступление на широком фронте всеми наличными свободными силами... Начало 4-го наступления намечено во второй половине июля» (Куль).

Указания от 3 и 12 июля устанавливали общие условия выполнения: главное наступление должно было вестись армейской группой имперского наследного принца и носило название

[1] Приказ германского наследного принца 7-й, 1-й и 3-й армиям от 21 июня, приведенный в книге „Последнее германское наступление", т. 34, стр. 15. Цели, направления и районы наступления, являвшиеся предметом этого приказа, указаны на схеме 8.

«Принц-избиратель»; 8-я и 9-я армии должны были действовать по обеим сторонам Уазы в направлении Бретейль — Виллер-Коттере при поддержке слева 7-й армией, действовавшей южнее леса Виллер-Коттере; армейская группа Руппрехта должна была прикрыть наступление справа натиском 2-й армии в Амьенском направлении, которое вскоре было значительно расширено к северу от Соммы (атака Вильгельма). Тем не менее 12 июля, считая, что увеличенное до таких размеров наступление «Принц-избиратель» потребует значительного количества сил, которых не окажется в наличии, Людендорф отказывается от одновременной операции обеих армейских групп и оставляет за собой возможность решить, в зависимости от результатов, которые будут достигнуты наступлением «Реймс» и «Хаген», какую из операций начать — Амьенскую ли или Парижскую — и в каком масштабе.

***

Рационально ли принятое Людендорфом 14 июня решение — продолжать наступательные операции и для этого продолжить акт борьбы на истощение? По нашему мнению, не рационально.

Цель «Великого сражения за мир» — добиться решения на западе до прибытия американцев — очевидно, уже не могла быть достигнута; не было достигнуто даже истощение противника.

Основные причины такого положения — недостаток сил и вызванное этим слишком большое эшелонирование операций во времени — могли с июля месяца лишь усугубиться. Действительно, с одной стороны, участие в войне Америки должно было вскоре стать свершившимся фактом, раз к концу июня рассчитывали на присутствие 20 американских дивизий; в то же время английская армия оправилась от своего поражения, а французские резервы, полностью восстановили свою боеспособность. С другой стороны, «перерывы» между наступлениями удлинялись, так как решительная операция намечалась не ранее августа. В момент, когда обстановка должна была резко измениться не в пользу германцев, могли ли они надеяться достигнуть того, что оказалось для них недостижимым в течение трех месяцев, когда на их стороне было численное и моральное превосходство?

Решительная операция, подчиненная новым действиям на сковывание и истощение, была отложена настолько далеко, а наступления, которые должны были ей предшествовать, должны были повлечь за собой такое истощение средств, что приходилось сомневаться, останется ли достаточно сил для ведения этой

операции тогда, когда обстановка начнет все больше и больше склоняться в пользу противника.

Что же касается операции, намеченной с вспомогательной целью, то она наталкивалась на очень серьезные трудности. Наступление «Marne-Schutz» вынуждало к переправе под огнем противника через такое препятствие, как Марна. Это была действительно «слишком смелая операция». А затем предстояло движение по обоим берегам реки в условиях крайне неблагоприятной — лесистой и пересеченной — местности. Наступление «Реймс» должно было овладеть чрезвычайно сильными позициями в Шампани — в секторе, сильно разрушенном предшествовавшими сражениями. Намеченные об'екты действий были малодосягаемы для ограниченных и не приведенных в порядок сил. По словам Куля:

> «необходимых сил нехватало, чтобы немедленно предпринять новую операцию».
>
> «Дивизии, намеченные для ведения наступления, были по большей части те же самые, которые участвовали в операции Шмен-де-Дам. Требования к войскам были чрезмерны» [1].

Наконец, мог ли Людендорф с уверенностью рассчитывать на удар по слабому пункту противника, раз он к концу июня оценивал в 30 боеспособных дивизий одни только резервы, которыми свободно располагала Антанта между Соммой и Шампанью? Мог ли он при таких условиях надеяться на достижение серьезных результатов, которых ему до тех пор не удавалось достигнуть при гораздо более благоприятной обстановке?

Все эти соображения приводят нас к вопросу: создавал ли еще себе Людендорф в конце июня иллюзии относительно возможности решительной победы, или же, отказываясь от развития комбинированной операции того типа, как предлагал Ветцель, стратегические результаты которой никогда не соблазняли, Людендорфа, он рассматривал наступления «Marne-Schutz» и «Реймс» лишь как широкую тактическую операцию, независимую ни от каких комбинаций и преследующую единственную цель — овладение Реймсом с целью улучшить затруднительное положение, в котором очутилась в мешке у Шато-Тьери 7-я армия, не имевшая сообщений с тылом? Лично мы убеждены в этом, и многие факты подтверждают наше мнение.

---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 283.

«Июньская операция, — заявляет кронпринц Вильгельм, — оставила 7-ю армию на ее выдвинутой далеко вперед позиции в чрезвычайно невыгодном стратегическом и тактическом положении. Оба ее фланга находились под угрозой; нужно было улучшить ее положение» [1].

«Желание наложить руку на важный реймский железнодорожный узел побудило завязать сражение».

Людендорф сам это признает; в одном документе, изданном верховным командованием 29 июля, мы читаем:

«Наше Реймское наступление, которое должно было нам обеспечить наряду с тактическим успехом лучшее железнодорожное сообщение, потерпело неудачу».

«Ведь это же, в сущности, не является стратегической целью, — замечает принц Руппрехт» [2].

Исходя из того факта, что задачи наступления «Marne-Schutz» все время расширялись и в глубину и по фронту, можно также подумать, что Людендорф в надежде добиться вначале тактического успеха, аналогичного успеху у Шмен-де-Дам, лелеет проект постепенно превратить новое наступление, предпринятое с вспомогательной целью, в наступление крупного масштаба, что он надеется этим самым достигнуть не только взятия Реймса, но еще и глубокого прорыва всей оборонительной системы французов от Марны до Аргонн, что привело бы противника к стремлению заключить мир. Это означало вновь добиваться решения путем чисто фронтального наступления против неприятеля, свободного в маневрировании своими резервами; это также означало добиваться решения в двух различных районах с равномерно распределенными средствами, т. е. повторить майскую ошибку.

«Не в этом ли распылении усилий кроется одна из причин дальнейшей неудачи наступления?» [3].

Наконец, что же можно сказать о дополнительной операции в Амьенском и Парижском направлениях? Была ли она предназначена следовать немедленно за операцией Марна — Реймс, либо, как дает это понять германский наследный принц, для продолжения акта на истощение с риском оттяжки решения, так как

---

[1] Кронпринц Вильгельм, стр. 328.
[2] Принц Руппрехт, т. II, стр. 454.
[3] Рейхсархив, «Последние германские атаки», т. XXXIV, стр. 17.

«верховное командование надеялось этим вынудить французов ввести в бой свои еще свободные резервы и серьезно очистить от резервов противника Фландрский фронт» [1].

Или же, как полагает принц Руппрехт, операции в Амьенском и Парижском направлениях предназначались для замены собой решительной Фландрской операции, что наносило огромный ущерб стратегическому маневру?

«Из проекта наступления «Принц-избиратель» становится совершенно очевидным, что верховное командование хочет оставить за собой право решить, какое наступление должно последовать за Реймским: «наступление ли в направлении Парижа и, возможно, Амьена или же Фландрское наступление» [2].

А может быть, наоборот, она была, как говорит Куль, твердо предусмотрена как операция, которая должна была следовать за Фландрским наступлением — либо для того, чтобы в случае неудачи последнего вновь добиваться успеха, либо с целью использования успешного результата наступления. Имея столь противоречивые документы, чрезвычайно трудно составить себе в этом отношении точное представление. Что кажется совершенно определенным — это то, что наступление «Принц-избиратель», «которое должно было быть начато не ранее середины сентября» [3], не могло бы в это время располагать необходимыми средствами.

Все эти соображения заставляют нас думать, что решения, принятые Людендорфом в середине июня, не могли иметь целью комбинированную операцию, способную достигнуть решительных результатов. Скорее всего они являются жестом отчаяния вождя, не верящего в победу, но не желающего признаться в своей гибели. Поэтому мы считаем, что, раз продолжение наступления могло лишь усилить серьезность положения, в котором с этого времени находилась германская армия, нужно было это наступление остановить. После этого верховному командованию предоставлялось два решения: расположиться на захваченных позициях или же отойти и занять более благоприятное расположение.

Первое решение было неприемлемо. Весенние сражения обра-

---

[1] Кронпринц Вильгельм, стр. 330.
[2] Принц Руппрехт, т. II, стр. 414, — Заметка от 28 июня.
[3] Указание верховного командования от 12 июля, приведенное Кулем в его труде.

зовали три мешка — Мондидье, Байель и Шато-Тьери, которые самым опасным образом подставляли свои фланги ударам противника и удержание которых требовало слишком больших сил. Кроме того, достигнутые к концу сражения рубежи ставили по большей части занимающие их войска в неблагоприятное тактическое положение; их оборона могла бы повлечь за собой сражения, которые потребовали бы большой затраты сил и средств и вести которые в том своем положении германская армия уже не могла. Таким образом, по нашему мнению, Людендорфу следовало решиться на отход, но не на такой, на какой указывали некоторые критики, т. е. на позиции 21 марта, который вернул бы воюющих к позиционной войне, а на гораздо более удаленные позиции в тылу. На этих позициях, используя разные естественные препятствия, можно было бы вернуть местности все ее стратегическое значение, а удержание гораздо более короткого фронта и возможность сопротивляться продолжительное время при небольшом расходе сил и в благоприятных тактических условиях потребовали бы содержания в первой линии уменьшенных сил и позволили бы восстановить значительные резервы, которые постепенно возрастали бы благодаря прибытию сил с Восточного и Итальянского театров. В этом отношении представляется вероятным, что стратегическое исправление фронта, заранее подготовленное и своевременно осуществленное путем отхода германских армий за Эско, Серр и Эн у Ретель, хотя бы до линии Антверпен — Маас, дало бы немцам передышку, которая восстановила бы их силы, в чем они крайне нуждались уже в начале июля. Это было единственным средством, которое могло бы помешать Антанте добиться решения войны в 1918 г.

Ген. фон-Куль, восставая против возможности отступления до августа месяца, признает, что

> «во всяком случае, следовало бы предпринять гораздо ранее, чем это было сделано, разведку и определение серьезных стратегических позиций в тылу; еще до начала наступления следовало отдать себе отчет в том, что в случае его неуспеха война, по всей вероятности, будет проиграна; меры, которые следовало принять для обеспечения дальнейшего ведения войны в случае неудачи наступления, должны были бы быть предусмотрены возможно более заблаговременно».

Тщеславие Людендорфа — «нежелание уступить завоеванную местность» [1] — а также, как мы увидим далее, полное отсутствие всяких мероприятий оборонительного характера, не позволяли ему в конце июня предусмотреть столь радикальную меру, как стратегическое отступление. Могли ли эти меры, как он утверждал, серьезно подорвать моральное состояние войск и страны? Возможно. Но если бы даже это и было так, то не должно ли было продолжение наступления, которое не могло обещать удачу, сделать отступление еще более сложным, задерживая момент его начала, и вследствие этого еще сильнее подорвать моральное состояние и ускорить час поражения?

**
*

Выполнение

15 июля наступление «Marne Schutz» дало вначале возможность переправиться через Марну и продвинуться на несколько километров по обоим берегам реки в направлении Эпернэ. Наступление «Реймс» потерпело полную неудачу в Шампани, где оно было остановлено перед второй французской позицией. Хотя с этого момента успех наступления и казался уже скомпрометированным, Людендорф все же решает возобновить атаку на следующий день «с целью заставить противника очистить реймский выступ» и осуществить этим способом «первоначальную стратегическую идею, хотя бы в сокращенном виде». С этой целью

> «главное усилие армейской группы должно быть направлено вдоль и севернее Марны при поддержке 7-й армии».

В то же время 1-я армия должна была быть поддержана лишь левым флангом 3-й и стараться «продвинуться в направлении Мурмелон» [2]. Кроме того, в предвидении операции «Хаген» Людендорф предписывает немедленно начать перевозку из района Реймса во Фландрию освободившихся средств (артиллерии и материальной части).

Хотя 16 июля наступление и привело к небольшому продвижению между Марной и Реймсом, но оно было остановлено к югу от реки и не дало никаких результатов в Шампани. 17-го продвижения вовсе не было. Становилось очевидным, что уже нельзя надеяться на взятие Реймса действиями одного левого фланга 7-й армии, и Людендорф, сохраняя свое намерение на-

[1] Ген. Гренер, стр. 93.

[2] Приказ верховного командования, отданный 15 июля вечером и приведенный в т. XXXIV, Рейхсархив, Рейн, 1918 г., стр. 146.

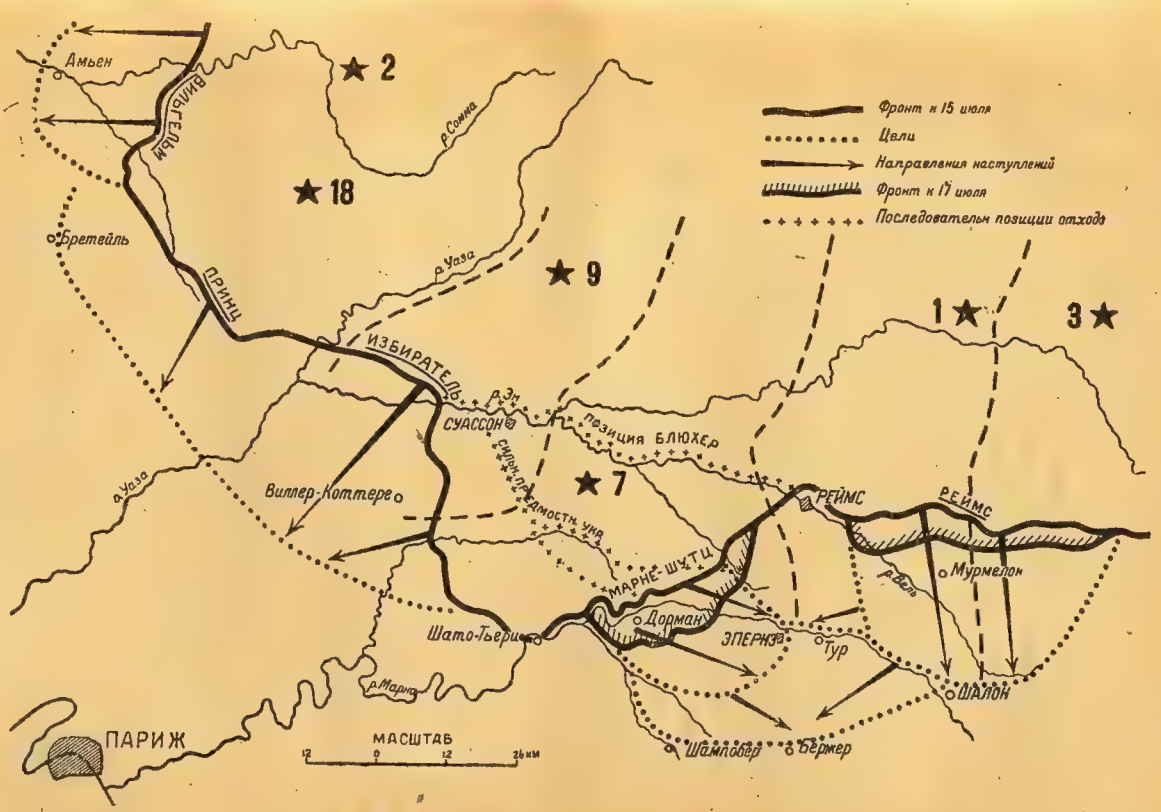


Схема 8. Возобновление акта борьбы на истощение.

чать возможно скорее наступление во Фландрии, предписал подготовить на 21 июля новую концентрическую операцию 7-й и 1-й армий против Реймса. Несмотря на повторные просьбы армейской группы, он не спешил с эвакуацией местности, захваченной к югу от Марны, где положение войск было исключительно трудным.

18 июля Людендорф отправился в Турнэ на командный пункт принца Руппрехта, чтобы установить последние мероприятия по решительной атаке, и здесь около полудня он получил первые известия о контрнаступлении, начатом французами между Марной и Эн против столь угрожаемых флангов 9-й и 7-й армий. «Я закончил совещание, — заявляет Людендорф, — сильно взволнованным»[1]. Он немедленно возвратился в Авен, на свой передовой командный пункт, где последние полученные донесения вскрыли перед ним всю серьезность угрозы для массы сил — пятой части армии, — находившейся в глубине мешка Шато-Тьери и не имевшей никаких путей сообщения, кроме одной железнодорожной линии, уже попавшей под огонь противника.

Чтобы спасти эту массу от угрожавшего ей окружения и уничтожения и «чтобы сделать возможным планомерный отход войск с их обозами, продовольствием и материальной частью»[2], Людендорф видит себя вынужденным оказать сопротивление в глубине мешка. «Нам пришлось, — пишет он, — принять решение вести в течение ближайших дней сражение»[3]. Кроме того, величина понесенных потерь, «невероятное» истощение дивизий и ведение тяжелых боев потребовали подвоза свежих сил к востоку от Уазы. Необходимо было широко использовать единственные свободные средства — резервы, предназначенные для решительной атаки, которая была тем самым сильно скомпрометирована. 19 июля Людендорф прекращает всякие перевозки во Фландрию, а 20-го он отказывается от выполнения наступления «Хаген».

> «Ввиду положения армейской группы германского наследного принца, которое потребует, вероятно, затраты еще бо́льших сил, и вследствие возможности наступательных действий со стороны англичан атаку «Хаген» теперь не начинать»[4].

---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 287.

[2] Рейхсархив, «Сражения мировой войны», т. XXXV — «Поворот судьбы», Берлин, стр. 143.

[3] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 288.

[4] Решение верховного командования от 20 июля, приведенное Рейхсархивом в т. XXXV, стр. 175.

Тщетно принц Руппрехт ратует за сохранение, хотя бы в меньших размерах, наступления «Хаген», чтобы не дать возможности англичанам свободно маневрировать своими резервами; тщетно он поручает своему начальнику штаба попробовать настоять на этом перед верховным командованием. «Увы, дело плохо, — отвечает Людендорф: — нужды имперского наследного принца слишком велики»[1]. Принц Баварский видит себя вынужденным ежедневно уступать все новые и новые дивизии, а 22 июля его армейской группе окончательно приказано перейти к обороне.

Однако, замедление французских атак позволило вскоре Людендорфу предположить, что южнее Эн кризис миновал. Хотя он и согласился 19 июля на эвакуацию южного берега Марны, но 21-го он отказался принять предложение германского наследного принца относительно постепенного отхода за Вель, который, по его мнению, вследствие ущерба для престижа Германии имел бы самые серьезные политические и военные последствия. В дальнейшем он оставляет за собой возможность предпринять переход на позицию за Верхний Урк, называемую им «сильной позицией предмостного укрепления» («Grande position Tête de pont), и даже надеется «использовать вновь полученную им стратегическую свободу»[2], начав 25-го между Вель и Ардр контратаку с целью захвата Реймса, «что привело бы к коренному изменению условий снабжения в марнском мешке»[3].

Напрасно кронпринц вновь настоятельно указывает на опасность, которая угрожает при всякой задержке отступления.

> «В настоящих условиях, — телеграфирует он 24-го, — армейская группа полагает, что не следует искать сражения южнее Вель... Значительная часть армии изнурена и истощена; средства, необходимые для новых боев, чрезвычайно ограничены... Мешок поглощает в настоящий момент 27 дивизий, в то время как фронт Эн — Вель потребует лишь 7»[4].

Людендорф все же остается при своем; хотя 27-го он и соглашается уступить противнику наиболее выдававшуюся вперед часть мешка Шато-Тьери — Дорман, но решается на отвод войск из Урк лишь вследствие неудачи попытки взять Реймс.

[1] Переговоры между Людендорфом и Кулем в Авене 28 июня, приведенные принцем Руппрехтом в т. II, стр. 424.
[2] Рейхсархив, т. XXXV, стр. 196.
[3] Рейхсархив, т. XXXV, стр. 204.
[4] Рейхсархив, т. XXXV, стр. 205.

Этот отход производится в ночь с 26-го на 27-е. Что же касается отступления за Вель, то он хотя и допускает 27-го его возможность, но 29-го откладывает его выполнение под впечатлением частичных успехов своих контратак против нового наступления противника и соглашается на него, наконец, 30-го под «чрезвычайно энергичным» нажимом кронпринца.

3 августа германские армии перегруппировались за рр. Эн и Вель. В ходе военных действий наступил решительный поворот. Великое наступление, которое должно было уничтожить противника, закончилось полной неудачей.

**
*

Несмотря на то, что в «Реймско-Марнской» операции выбор полосы наступления был продиктован предполагаемой слабостью неприятеля, германские войска натолкнулись на сильного, изготовившегося противника, располагавшего значительными резервами. Внезапность, являвшаяся основным условием успеха, не удалась. И в самом деле, можно ли было надеяться обмануть противника, раз положение 7-й армии, поскольку мешок не эвакуировался, делало совершенно очевидной необходимость возобновить наступление в том же районе?

> «Настоящая внезапность кроется не в тактических предположениях, но именно в стратегической идее» [1].

Более того, в то время как 9-я и 7-я армии непрестанно требовали подкреплений, указывая на слабость своего фронта, подверженного в ближайшее время атаке, Людендорф отказывался верить в грозившую опасность.

> «Ввиду того, что главной задачей являлась подготовка операций «Marne Schutz» и «Реймс», не следовало наносить ущерба этим наступлениям. Мы рассчитывали, что с самого начала этих наступлений на их фронт будут привлечены французские резервы. Считалось маловероятным предположение, что противник располагает достаточно сильными резервами, чтобы начать наступление из района Виллер-Коттере» [2].

Поэтому Людендорф 17 июля отвечает:

> «Лишь по окончании боев вокруг Реймса можно будет судить о той помощи, которую мы способны дать 9-й ар-

[1] Гренер, стр. 95.
[2] Приведено Кулем в его труде.

мии; в настоящий момент свежие дивизии, хотя бы из-за положения железнодорожной сети, подвезены быть не могут» [1].

Таким образом, Людендорфу не только не удалась внезапность, но он и сам в стратегическом смысле был захвачен врасплох.

Такая погрешность в суждениях являлась, несомненно, одной из тягчайших ошибок командования и должна была повлечь за собой самые серьезные последствия. Хотя предпринятое 16 июля вспомогательное наступление и потерпело неудачу, оставив союзникам нетронутые резервы, указанная ошибка приводила Людендорфа к решению начать энергичное наступление во Фландрии, т. е. третий прямой удар, без предварительного истощения резервов противника. На какой же результат мог рассчитывать от такого решения полководец, уже потерявший свою свободу действий? И в самом деле, два дня спустя, приняв навязанное ему противником сражение, Людендорф отказался от решительного акта, являвшегося основной целью его маневра, и этим признал, что инициативу действий он потерял. Его попытки возобновить наступление не могли дать ему никакого преимущества. Его упрямство в нежелании уступить местность в глубине мешка могло поставить под угрозу судьбу значительной части его сил. Полное отсутствие в этот период заранее предусмотренных мероприятий на случай стратегического отступления его армий сделало для него невозможным предпринять в будущем спасительное восстановление его частей.

Наконец, Людендорф серьезно ошибся относительно численности противостоявших ему сил.

В отношении американцев он недооценил транспортные возможности, переоценил результаты подводной войны и не предусмотрел возможности столь быстрого вмешательства американцев.

«Я рассчитывал на прибытие сильных американских частей, но быстрота их прибытия была поистине невероятна» [2].

В отношении французов он не верил, как мы это только что видели, что у них хватит сил для контрнаступления тотчас же

---

[1] Приведено Кулем в его труде.
[2] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 297.

после атаки «Марна-Реймс»[1]. Главное же в том, что средства, которыми он располагал, уже не соответствовали преследуемым целям. Большинство ударных дивизий уже не получали необходимых им передышек для своего восстановления и утратили свою наступательную способность. Дивизии, принадлежавшие оборонительному флангу или предназначавшиеся для отражения противника, были переутомлены и «составляли в основном лишь остатки частей»[2]. Панический страх перед танками принял характер эпидемии. Численный состав батальонов был до крайности сокращен: батальоны насчитывали в своем составе, в среднем, не более 250 штыков и от 15 до 20 пулеметов. В войсковых частях свирепствовал грипп, моральное состояние их было сильно подорвано, короче — войска не обладали больше достаточной боеспособностью, а «большинство начальников было совершенно измучено»[3].

Таким образом, германское наступление достигло, говоря словами Клаузевица, «кульминационного пункта победы, за которым начиналась область потерь и поражений». Желая истощить противника прежде, чем его свалить, Людендорф истощил свои собственные силы до такой степени, что они стали уже неспособны парировать неприятельские контрудары. Верховный вождь не сумел.

> «оценить, что произойдет после первого удара: сохранит ли еще армия прочное ядро или же наподобие «болонской слезки»[4] превратится в пыль, как только ее поверхность будет поцарапана»?[5]

Германское командование 18 июля дало вырвать у себя инициативу действий и уже не вернуло ее себе в дальнейшем. С этого дня война для него была действительно проиграна.

---

[1] К 15 июля соотношение противостоявших друг другу сил было следующее:

немецких — 200 пехотных дивизий, в резерве — 81 пехотная дивизия, из коих 43 свежих;

союзных — 204 пехотных дивизии, в резерве 80 свежих пехотных дивизий.

[2] Рейхсархив, «Сражения мировой войны», т. XXXV, стр. 222.

[3] Рейхсархив, т. XXXV, стр. 223.

[4] Маленькая стеклянная капля, быстро охлажденная и потому очень хрупкая. — Ред.

[5] Клаузевиц.

4. КРУШЕНИЕ

(Схема 9)

Хотя в начале августа Людендорф, по его собственным словам, «полностью сознавал чрезвычайную серьезность положения»[1], но тем не менее он сохранял надежду на возможность еще длительного ведения войны и даже на восстановление благоприятного для него положения. Сомневаясь в возможности для Антанты возобновить в ближайшем будущем большое наступление, он не только намеревался *не уступить ни пяди земли без упорнейшего боя*[2], но и рассчитывал даже отвечать на «частичные одиночные атаки» противника контратаками, хотя бы и ограниченными.

> «В особо критических обстоятельствах нам удавалось до сих пор находить стратегические противомеры; я не имел никаких причин предполагать, что это мне не удастся еще раз»[3].

И своим решением от 2 августа он определяет те действия, посредством которых «он предполагает не столько захватывать местность, сколько бить противника и занимать более благоприятные позиции».

> «Обстановка требует, чтобы мы, с одной стороны, перешли к обороне, а с другой — чтобы мы вновь в кратчайший срок вернулись к наступательным действиям. Пока армии организуют оборону, мы будем подготовлять наступление; в этом отношении нужно предусмотреть:
>
> 1) ограниченное наступление «Хаген»;
>
> 2) операцию «Принц-избиратель» по обоим берегам р. Уазы, между Мондидье и Суассоном;
>
> 3) может быть, небольшие атаки на форт Помпель, в районе Вокуа;
>
> 4) операцию на фронте армейской группы герцога Альберта»[4].

День 8 августа разрушил эти иллюзии: противник не только оказался в состоянии без перерыва предпринять новое и большое наступление, но, как признается Людендорф,

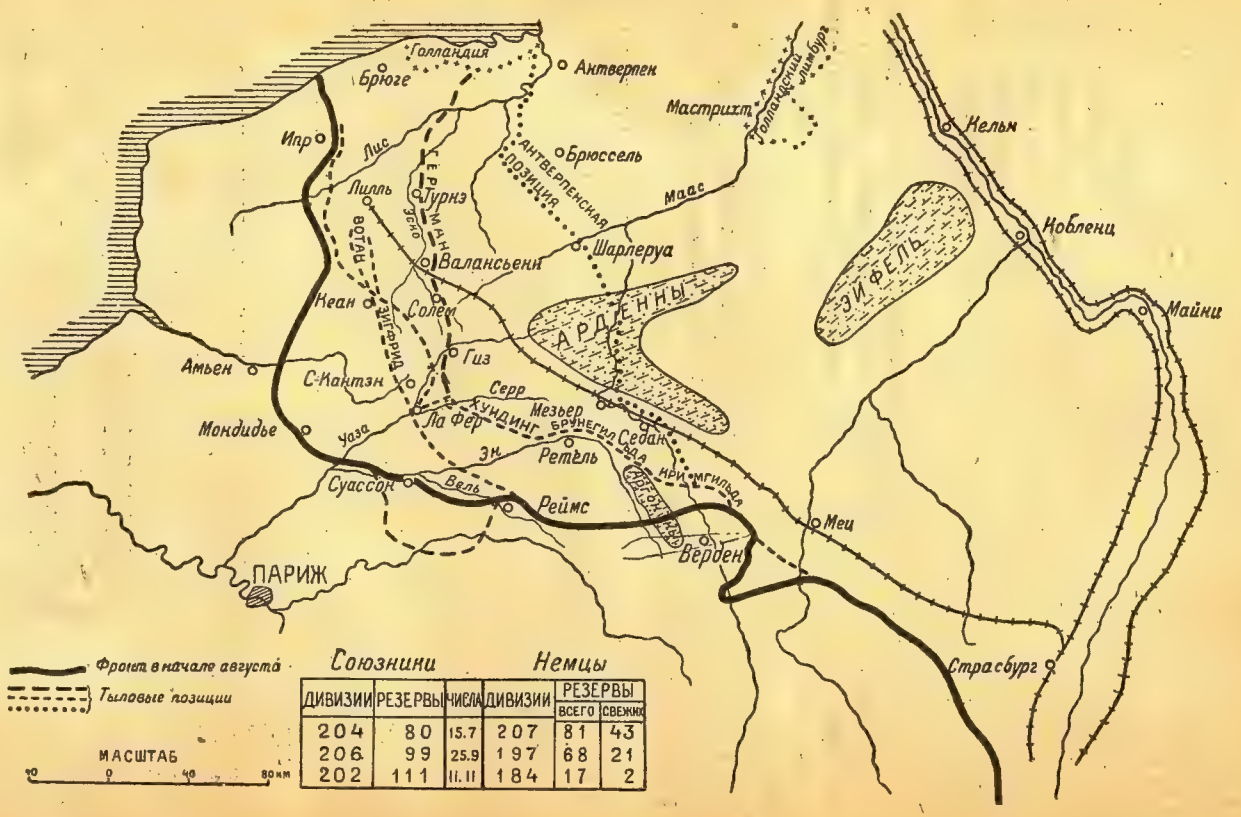
---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 545.

[2] Предложение, сделанное Людендорфом кайзеру во время совещания в Авене (по Кулю).

[3] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 546.

[4] Решение верховного командования от 2 августа, приведенное Рейхсархивом, т. XXXVI, стр. 12.



Союзники			Немцы		
ДИВИЗИИ	РЕЗЕРВЫ	ЧИСЛА	ДИВИЗИИ	РЕЗЕРВЫ всего	РЕЗЕРВЫ свежих
204	80	15.7	207	81	43
206	99	25.9	197	68	21
202	111	11.11	184	17	2

Схема 9. Крушение

«8 августа обнаружило упадок нашей боевой силы и уничтожило надежду найти стратегический способ восстановить положение в нашу пользу»[1].

При такой конъюнктуре верховное командование сочло уместным подготовить мир, и 14 августа на конференции, имевшей место по этому поводу в Спа, под председательством кайзера, — в то время как фельдмаршал Гинденбург считал, что ему «удастся удержаться на французской территории и этим путем навязать свою волю противнику», — Людендорф, по словам Куля, заявил, что «следовало бы возможно скорее положить конец войне дипломатическим путем». Все же он считал необходимым, — как для того, чтобы создать более благоприятную обстановку для мирных переговоров, так и для того, чтобы укрепить боеспособность и моральное состояние войск, — сопротивляться на месте и отходить лишь тогда, когда на это вынудит противник. Тщетно, по словам Куля, германский кронпринц старался убедить Людендорфа, что настал час приступить к значительному стратегическому исправлению фронта, и писал ему 26 августа:

«Крупному наступательному плану противника мы должны противопоставить оборонительный план... Нужно отходить поэшелонно, согласно заранее подготовленному плану. Организованный таким образом отступательный маневр должен закончиться на какой-нибудь сильной оборонительной позиции, которая предоставляла бы благоприятные условия для упорной обороны, например за каким-нибудь крупным препятствием, и позволила бы благодаря значительному сокращению фронта восстановить сильные резервы. Такая позиция должна быть на достаточном расстоянии от настоящего поля сражения, чтобы, несмотря на изменчивость условий борьбы и длительность боев, командование располагало достаточным пространством в глубину и имело возможность выполнить отступательный маневр в соответствии с предусмотренным планом».

Для осуществления этого кронпринц предлагал общий отход на подготовленные уже севернее Уазы тыловые позиции «Зигфрид», простирающиеся от Ипра до Ла-Фер через Кеан и Сен-Кантэн, и к востоку от Уазы — на позицию «Хундинг — Брунегильда — Аргонны», расположенную за рр. Серр, Суш и Эн у Ретель.

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 305.

Соглашаясь в принципе на эти предложения, Людендорф 27 августа уточняет, что он «рассматривает такой отход как крайнюю меру», ибо отсутствие всякой другой, более отдаленной, позиции и невозможность создания ее за отсутствием рабочих рук не позволят отступать дальше; вследствие этого он воздерживается от всяких дальнейших предположений.

Но тяжелые бои, происшедшие севернее Уазы, вынуждают армейскую группу Руппрехта в начале сентября отойти на позицию «Зигфрид», и Людендорф, осознав слишком поздно недостаточность глубины своего маневра, распоряжается наспех о создании на правом фланге новой позиции под названием «Герман». Эта позиция, используя течение рр. Лис и Эско, должна протянуться до района восточнее Брюгге, проходя через Турнэ, Валансьен и Солем до Гиз, где она должна связаться с позицией «Хундинг». Во исполнение этого верховное командование в сентябре дает указания по рекогносцировке этой позиции, а 12-го — по ее оборудованию. Но так как работы по оборудованию должны потребовать большего времени, то, чтобы выиграть его, Людендорф настоятельно указывает армейским группам на необходимость, оспаривать у противника местность шаг за шагом.

> «Следует выиграть время, нанести противнику сильные потери, воссоздать резервы, отвести назад материальную часть, разрушить пути сообщения... Необходимо твердое решение сопротивляться натиску противника и не отходить преждевременно; всякий проект значительного отступления должен, прежде всего, быть подвергнут рассмотрению верховного командования»[1].

Необходимо также

> «...прочно держать в руках армию, сохранить за собой завоеванную местность, изматывать противника. Отступательные движения представляют собою тягостное средство: они наносят вред моральному состоянию войск и заставляют нас терять запасы. Предлагаю армейским группам осуществлять самый серьезный контроль над всякими проектами отхода»[2].

Тем не менее, во второй половине сентября положение изо дня в день становилось все более и более угрожающим: Маке-

[1] Отношение верховного командования от 30 сентября, подписанное маршалом Гинденбургом и приведенное Кулем в его труде.

[2] Отношение верховного командования от 12 октября, приведенное Кулем.

донский фронт рухнул, сопротивление турок в Палестине было сломлено, Австрия начала переговоры с Антантой. Социал-демократическая партия, имевшая большинство в рейхстаге, в резких выражениях восстала против верховного командования, обвиняя его в том, что оно скрывало размеры катастрофы, которая должна была обрушиться на страну. Наконец, в последние дни октября Западный фронт грозил рушиться под сильным давлением, которое возобновила Антанта от Мааса до Северного моря.

Несмотря на свое упрямое желание сопротивляться во что бы то ни стало и вопреки слишком долго лелеемой надежде на возможное восстановление фронта, Людендорф не был в состоянии вынести такого удара, и 28 сентября в сильном нервном возбуждении он настоятельно потребовал от императора и канцлера немедленно заключить перемирие.

Затем, еще раз овладев собой перед лицом несчастья, он взял себя в руки и вновь решился противостоять грозе. Напрасно командующие армейскими группами указывали ему на то критическое положение, в которое ставятся войска ввиду их слабой численности, отсутствия резервов, необходимости возможно дольше сопротивляться на месте и отходить шаг за шагом лишь в последний момент, под натиском противника. Напрасно предлагали они немедленный отход либо на линию Антверпен — Мезьер, как это советовал ген. фон-Боем [1], либо даже на линию Маастрихт — Метц — Страсбург, как это предлагал германский наследный принц [2]. Хотя развал Болгарского фронта вынуждал Людендорфа послать туда подкрепления во избежание полного крушения, причем эти подкрепления должны были итти за счет сил, предназначенных для Западного фронта [3], он все же считал

> «невозможным в настоящей обстановке немедленное отступление за Маас: малая подвижность и сильное истощение войск, отсутствие какой бы то ни было подготовленной позиции и потеря значительного количества продовольствия, которое нельзя было возместить, поставили бы армию в невыносимое положение» [4].

---

[1] Письмо от 4 октября ген. фон-Боем верховному командованию, приведенное Кулем в его труде. Ген. фон-Боем принял в августе командование 2-й, 18-й и 9-й армиями между армейскими группами двух наследных принцев.

[2] Германский наследный принц, Воспоминания о войне.

[3] Телеграмма ген. фон-Боем верховному командованию от 4 октября, приведенная Кулем в его труде.

[4] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 367.

Тем не менее, он решился отдать первые приказы относительно разведки позиции, названной «Антверпен — Маас», начинавшейся в районе западнее Антверпена и направлявшейся через Брюссель, Шарлеруа и Живе к Маасу, а затем вдоль этой реки, через Мезьер и Седан, до района Вердена. Одновременно он обратился с новым призывом к императору — ускорить мероприятия, направленные к заключению мира.

С этого момента события протекают ускоренным темпом: с 11 по 15 октября армейская группа германского наследного принца, угрожаемая с обоих флангов, отводится на позицию «Хундинг — Брунегильда»; 16 октября сильное франко-британское наступление вынуждает верховное командование предписать отход армейской группы Руппрехта на позицию «Герман», оборудование которой еще только началось: «Я надеялся, что армии удержатся дольше на позиции «Зигфрида»[1].

Напрасно сильно растерявшийся Людендорф торопит армейские группы «самым спешным образом оборудовать позицию «Антверпен — Маас»; уже слишком поздно надеяться на своевременное создание годной для использования позиции, и ему остается лишь повторить 19 октября свой приказ — держаться на позиции «Герман — Хундинг» «по возможности дольше», а 23-го — «во что бы то ни стало». 28 октября он вновь отказывается присоединиться к предложениям германского наследного принца, который торопится ввиду чрезвычайного истощения своих войск и полного отсутствия резервов отдать приказ об отходе за Маас.

Вскоре положение становится безнадежным. Угрожаемая на флангах, в Бельгии, на Самбре и на Маасском направлении постоянным и сильным натиском противника, германская армия, потерявшая всякую боевую ценность, находится также под угрозой быть разрезанной Арденнским массивом, на который она постепенно отбрасывается, на две неравные части, численный состав которых не может быть изменен из-за недостатка путей сообщения. Таким образом, на севере создается масса в 130 дивизий, сильно стесненная между Арденнами и голландским Лимбургом, а потому неспособная передвигаться и отходить в порядке, а на юге образуется сила, недостаточная для парирования неминуемого прорыва противника в Лотарингию и Палатинат.

«Больше не на что надеяться! — восклицает Людендорф. — Германия погибла!»[1].

---

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, стр. 288.

На других фронтах создалось еще более критическое положение: Болгария и Турция одна за другой сложили оружие, Румыния должна была быть эвакуирована, австрийский фронт в Италии был прорван. «Двуединая монархия» рушится. Внутри Германии рокочет революция, в портах восстает флот. Повсюду увеличивается развал, и бессильный, растерявшийся Людендорф подает в отставку. 4 ноября фельдмаршал Гинденбург с целью предупредить окружение своих армий отдает приказ об отходе их на Маас. Но это движение еще не было закончено, когда наступило перемирие, окончательно оформившее поражение Германии.

**
*

Хотя отход на р. Вель «сделал поражение Германии очевидным для всего мира» [1], Людендорф в начале августа отказался признать его последствия. Его тщеславие и сильная воля отчаянно борются против рока. В то время как стратегическое и тактическое положение, недостаток сил, моральное состояние его армии, недостаточная подвижность его дивизий спешно требовали организации обороны, Людендорф совершает тяжелую ошибку: он считает своего противника столь же истощенным, как и он сам; он считает его неспособным ускорить начало крупных операций и льстит себя надеждой вновь добиться над ним превосходства, подготовляет на всем фронте широкий план наступлений и откладывает подготовку оборонительных мероприятий.

Позднее, когда 8 августа показало «самое тяжелое поражение, которое когда-либо понесла германская армия с начала войны» [2], когда офицеры связи, посланные верховным командованием во 2-ю армию, докладывают о своих самых «потрясающих» впечатлениях, «не оставляющих никаких сомнений относительно того факта, что армия в самом буквальном смысле слова при последнем издыхании» [2], Людендорф еще сопротивляется несчастью. Хотя он и отказывается от всяких наступательных попыток, но ищет спасения своих армий в совершенно неподвижной обороне, соглашаясь на отход лишь под давлением противника.

> «Черный день 8 августа не привел к признанию того, что развитие обстановки ведет к быстрому концу... надеялись на слабость противника, вместо того чтобы считаться с его силой и составить план отхода» [3].

[1] Рейхсархив, т. XXXVI, стр. 11.
[2] Там же, стр. 196 и 197.
[3] Гренер, стр. 96.

И действительно, под ударами армий Антанты, нанесенными во многих местах и в короткое время, надтреснутое здание германской обороны зашаталось. Более того, отсутствие всяких резервов, последовавшая вскоре потеря передовой рокадной линии и закупорка тыловых путей сообщения — все это складывалось как бы для того, чтобы в короткий срок разрезать армию на две части, отделенные друг от друга до Рейна массивами Арденн и Эйфеля, и если войска потеряли свою боеспособность, то командование утратило свою стратегическую свободу. Только крупный отход позволил бы сократить фронт и, приблизив к армии тыловые рокадные линии, допустил бы серьезное восстановление и перегруппировку резервов. В противоположность этому Людендорф придерживается идеи отступления шаг за шагом и лишь в последний момент, в половине октября, предписывает отход на позицию «Герман», а в начале ноября — на Маасскую позицию. Но ввиду того, что первые приказы о рекогносцировке этих позиций даны для первой 6 сентября, а для второй — в начале октября, эти позиции существовали лишь номинально. С этого момента германскую армию неизбежно должна была постигнуть катастрофа.

Что же должен был бы делать Людендорф, начиная с августа месяца? Мы уже об'яснили причины, которые, по нашему мнению, вызывали в середине июня необходимость значительного стратегического исправления фронта — единственно, что могло бы спасти армии, — и мы думаем, что такое решение спешно требовалось принять после 8 августа. Германское командование, а порой и критика много раз заверяли, что принятию такого решения мешали многочисленные причины политического, военного и морального порядка. Мы не разделяем этого мнения.

Хотя и можно было допустить, как это думал Людендорф, что сопротивление шаг за шагом могло произвести впечатление на противника и вынудить его согласиться на более благоприятные для Германии мирные условия, но единодушным мнением подчиненных было, что армии стали уже неспособными вести такого рода борьбу и что нужно было немедленно отвести их под защиту такой позиции, где они могли бы быть восстановлены. Разве при таких обстоятельствах не следовало возможно глубже предусмотреть все необходимое и возможно раньше, даже уже зимой, начать рекогносцировки, раз было известно, что нельзя надеяться на победу до прибытия американской помощи? Разве нельзя было раньше начать работы по оборудованию позиций, и если для этого нехватало рабочей силы, то не

ответственно ли за это верховное командование, оставившее слишком много сил на восточных фронтах?

Куль говорит, что «очень многие трудности препятствовали оставлению территории, завоеванной ценой таких тяжелых жертв». Разве с точки зрения морального состояния то впечатление, которое было произведено отступлением на армию, на страну и на союзников, оказалось более благоприятным, когда оно было произведено неожиданно, резко и при общей растерянности, вызванной неудачей, чем было бы впечатление от отхода, являющегося результатом методического плана, — отхода, заблаговременно предусмотренного и подготовленного, начатого в избранный заранее час и при наличии подготовленного к этому общественного мнения?

А с военной точки зрения разве то состояние, в каком армия была уже в начале августа, не вынуждало к восстановлению резервов, к приведению армии в порядок, к отводу многочисленных дивизий на отдых и для обучения? Разве вследствие этого не становилось очевидным, что добиться этих результатов могло бы позволить лишь значительное сокращение фронта, если уже не было слишком поздно? Разве «упорное отстаивание каждой пяди местности» не должно было быстро истощить силы, которые следовало сберечь и восстановить? Иногда приводились доводы, что преждевременный или слишком быстрый отход не позволил бы увезти значительное количество материальной части, накопившейся за время войны в тылах армий. Даже в октябре, когда положение было уже окончательно скомпрометировано, эвакуация материальной части оставалась главной заботой Людендорфа.

> «Чем позже можно будет совершить отступательное движение, — говорит он 23 октября, — тем это лучше будет для общего положения, для оборудования Маасской позиции и для возможности полной эвакуации покидаемой территории» [1].
>
> «Согласно докладу начальника полевых железных дорог, — пишет он за несколько дней до перемирия, — теряется военный материал ценностью в несколько миллиардов и незаменимый (в случае отступления к Маасу); вследствие этого я не хочу в настоящий момент согласиться на предложения имперского наследного принца...» [2].

[1] Телеграмма верховного командования армейским группам от 23 октября, приведенная Кулем в его труде.

[2] Телеграмма верховного командования германскому наследному принцу от 28 октября, приведенная Кулем в его труде.

Разве в подобной обстановке даже самые серьезные потребности материального порядка могли одержать верх над стратегическими соображениями? Разве следовало жертвовать спасением армии ради сохранения материальной части, как бы ценна она ни была? В действительности отсрочка отступления не только не спасла «материала стоимостью в несколько миллиардов и незаменимого», но вдобавок повлекла еще за собой капитуляцию армий. И в этом случае отсутствие своевременного предвидения и недостаток рабочей силы как результат неправильного распределения сил вынудили верховное командование к принятию решений, повлекших за собой тяжелые последствия.

Наконец, говорят — и в частности говорит это Людендорф,— что отступательный маневр не достиг бы своей цели, так как

> «противник благодаря нашему отходу так же экономил бы свои силы, как и мы»...[1] «противник быстро последовал бы за нами, и наши условия борьбы не улучшились бы, а сэкономленные резервы не получили бы никакой передышки для отдыха и обучения; наоборот, они должны были бы быть готовы вновь быстро вступить в дело в предвидении крупных боев» [2].

Мы думаем как раз наоборот — и трудности, испытанные армиями Антанты в ноябре, во время их продвижения, подтверждают наше мнение, — что если бы германское командование своевременно организовало отступательный маневр с целью «разрушить на продолжительное время»[3] всякого рода сообщения — железные дороги, шоссе, телефонные и телеграфные линии,—на что оно решилось лишь позже, немецкая армия смогла бы легко избавиться от давления противника, восстановить свои силы под прикрытием какой-нибудь естественной прочно оборудованной позиции и не дать возможности противнику добиться решения в 1918 г.

Вследствие всего вышесказанного мы считаем, что никакими аргументами — ни политического, ни морального, ни военного порядка — нельзя извинить тяжелую ошибку, совершенную Людендорфом, а именно— слишком долгое воздержание его от принятия мер оборонительного характера. В частности, ошибкой является предписание произвести рекогносцировку и затем оборудование позиций лишь тогда, когда это заставили сделать наступившие обстоятельства, значит слишком поздно для того,

---

[1] Куль, Крушение наступательных операций 1918 г.
[2] Телеграмма верховного командования ген. фон-Боем от 4 октября.
[3] Отношение верховного командования от 30 сентября.

чтобы эти позиции смогли сыграть эффективную роль. Короче говоря, необходимо было своевременно и добровольно отвести армию на возможно более короткую тыловую позицию, оборона которой позволила бы сэкономить силы, где армия смогла бы привести себя в порядок и восстановить свои резервы. Лишь такой образ действий мог бы спасти армию, вверенную его командованию, и облегчить задачу политического ведения войны в переговорах, завязанных с целью заключения мира.

Вместо этого немецкая армия на исходе своих физических и моральных сил, неспособная вернуть себе свободу стратегических действий, была вынуждена сложить оружие еще до переправы через Рейн и оказалась доведенной до небывалой еще военной катастрофы.

> «Уступив 11 ноября левый берег Рейна вместе с предмостными укреплениями Майнца, Кобленца и Кельна, Германия позволила противнику не только достигнуть его стратегической цели — Рейна, — но и открыла ему пути к конечной цели — Берлину, а также в Южную Германию. Более того, выдав союзникам свои боевые средства — пушки, пулеметы, самолеты — и средства транспорта, она отказалась в дальнейшем от всякой попытки к сопротивлению» [1].

Германская армия так же верно подписала свою капитуляцию 11 ноября, как если бы перемирие было подписано в Берлине.

> «Катастрофа 8 августа расчистила мрачный путь, который через Компьенский лес вел в зеркальную галлерею Версальского дворца» [2].

---

[1] Полковник Луазо, Успех стратегический, успехи тактические, стр. 211.

[2] Рейхсархив, т. XXXVI, стр. 201.

VI

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

По поводу труда Клаузевица «О войне» Шлиффен писал:

> «Неубывающая с течением времени ценность этого труда заключается в энергичном проведении идеи уничтожения; именно эта доктрина привела нас к Садовой и Седану».

Эта же самая идея войны «в ее абсолютной форме», а именно в форме усилия, «упорно стремящегося к уничтожению противника», главенствовала во всех соображениях Шлиффена и должна была, по его утверждению, привести его к Парижу и позволить ему отбросить противника к Юре и Швейцарии.

Мольтке младший, «разжижая» идею своего предшественника, и Фалькенгайн, окончательно отказываясь от нее в пользу войны на истощение с ограниченными целями, не сумели «сохранить и сберечь в неприкосновенности завещание графа Шлиффена» [1]. Людендорф же, верный заветам своего учителя, присоединяется к его мышлению и стремится с несокрушимой энергией навязать свою волю противнику путем уничтожения его материальных и моральных сил. Таким образом, в начале 1918 г. вновь появляется открытая Наполеоном стратегическая идея борьбы на уничтожение — идея, которую Мольтке старший применил против французов и которую упорно стал применять против немцев маршал Фош, с целью добиться решительного успеха.

Основной замысел Людендорфа в «Великом сражении за мир» ясен: разбить сначала англичан, т. е. противника, считающегося «самым опасным, самым стойким, самым непримиримым», и это сделать возможно раньше, прежде чем смогут вмешаться американцы. Как бы ни назывался предусмотренный маневр — «Михель», «Жоржетт» или «Хаген», — он всегда имел целью решительную победу над англичанами

[1] Гренер, Мировая война и ее задачи, стр. 17.

Однако, при выполнении маневра эта идея под влиянием тактических успехов не сохраняется, она дважды уступает первенство другой идее — разбить французов. Эта новая идея в первый раз, в конце марта, заставляет совершенно бросить первоначальный замысел, а во второй раз, в конце мая, заставляет отложить его выполнение. Отказ от первоначального замысла и отсрочка выполнения его приводят к эксцентрическим операциям, заставляют терять драгоценное время и каждый раз компрометируют стратегический успех.

Позднее, когда всякая надежда на успех была уже потеряна, мы все же не видим разработки широкого оборонительного плана, который предусматривал бы самые отдаленные возможности и в котором ближайшие оборонительные позиции составляли бы лишь первую ступень огромной оборонительной системы; и мы еще видим Людендорфа живущим со дня на день и не проявляющим никакой предусмотрительности. Он подчиняет свою стратегическую цель быстро преходящим результатам и тратит в мелких операциях время, в котором он так нуждался, чтобы избежать угрожавшей ему катастрофы.

Таким образом, Людендорф забыл уроки Шлиффена, который столько раз напоминал своим ученикам о необходимости «неуклонно, всегда и при всех обстоятельствах придерживаться одной и той же крупной руководящей идеи» и который подчеркивал важность «добиваться скорейшего решения, единственно могущего привести к поражению и быстрому уничтожению противника».

Совершенно иным, как мы знаем, был метод маршала Фоша, который с самого начала разработал план в наиболее широких рамках, стремившийся к отдаленной цели в благоприятном для решения направлении. Он сумел всегда твердо держаться этой единственной цели, несмотря на самый сильный отпор противника, и всегда подчинял даже самые значительные тактические успехи преследуемой им стратегической цели [1].

**
*

При выполнении операций Людендорф исходит из того положения, что при непрерывных фронтах и мощных оборонительных сооружениях необходимо, прежде всего, прорвать фронт противника, чтобы выиграть возможно больше пространства в глубину, так как это является необходимым условием для дальнейшего стратегического использования успеха.

[1] Полковник Луазо, гл. VI.

Он делает вывод, что прорыв как операция тактического характера может быть осуществлен лишь в тактически благоприятном пункте и что первым требованием, которому этот пункт должен удовлетворять, является то, чтобы он был слабым местом у противника. Таким образом, в отношении выбора пункта атаки тактическая возможность доминирует над стратегической идеей, а после нахождения этого пункта стратегический маневр развивается в зависимости от развития тактического успеха.

Эта оценка, которую мы уже изложили в одном из предыдущих трудов [1], оспаривается ген. фон-Кулем, который берет Людендорфа под свою защиту в следующих выражениях:

> «Автор цитирует хорошо известную, но иногда плохо понимаемую фразу Людендорфа: «чистая стратегия должна была уступить место тактике». Автор упускает из виду, что вся фраза вертится, главным образом, вокруг слова «чистая». Людендорф хотел этим сказать, что нельзя творить стратегию в пустоте. При позиционной войне, когда фронт совершенно неподвижен, можно преследовать большие стратегические цели лишь в том случае, если предварительно удастся прорвать неприятельский фронт в таком месте, которое позволило бы осуществить эти цели»[2].

Мы никогда не говорили иного и мы полагаем, что фон-Куль сам этими словами критикует Людендорфа. Чтобы использовать стратегически, нужно сначала прорвать тактически, — это очевидно. Но если делается тактический прорыв там, где не представляется возможным его стратегическое использование, или если он делается в пунктах, где стратегическая цель не остается постоянной, то, значит, в стратегическом отношении не достигнуто никаких результатов.

Следовательно, мы продолжаем думать, что Людендорф, прежде всего, играл на тактических результатах, не стремясь никогда связать их с основной стратегической идеей, и эта ошибка, по нашему мнению, является первоначальным источником всех его неудач.

> «Что особенно поражает, — говорит принц Баварский, — это то, что во время наступления мы никогда не могли усмотреть ни в одной из инструкций верховного командования точной директивы: в них всегда шла речь исключи-

[1] «Успех стратегический, успехи тактические», стр. 140.
[2] Куль («Militar-Wochenblatt» от 11 марта 1932 г.).

тельно лишь о районах, которых надлежало достигнуть. У меня создалось впечатление, что верховное командование живет изо дня в день, не имея никакой определенной стратегической цели... Однажды, когда я осведомился у верховного командования относительно его стратегических целей, Людендорф ответил мне: «Избавьте меня от этого выражения «стратегическая операция»: мы сначала проделаем дыру, а дальше будет видно, что надо делать; мы всегда так поступали в России» [1].

Можно еще напомнить другой ответ Людендорфа:

«Там, в России, мы всегда ограничивались тем, что назначали ближайшие цели, а затем становилось ясным, как мы могли продолжать операцию» [2].

Людендорф также пишет:

«Когда хочешь добиться возможности стратегического использования наступления, а в распоряжении имеются лишь слабые резервы, тогда нужно выбрать такой фронт наступления, на котором можно было бы добиться тактического успеха».

Наконец, он же высказывает странное суждение о результатах атаки «Михель», составлявшей «большую операцию, где армия должна была найти самую большую работу, которая когда-либо ей встречалась за всю ее историю»:

«Со стратегической точки зрения мы не получили того, чего ожидали: ни 23-го, ни 24-го, ни 25-го нам не удалось взять Амьен. Но если наши войска не добились всех тех успехов, какие было возможно достигнуть, то вина за это ложилась, прежде всего... на офицеров, которые уже не везде держали их крепко в руках: захват продовольственных складов противника задержал их...» [3].

Не являются ли подобные уроки истории для тех, кто не верит ни в ценность, ни даже в самое существование стратегии, самым поучительным предметом для размышлений? И не следует ли противопоставить мыслям Людендорфа мысли маршала Фоша, который учил, что «стратегия требует от своих операций единого

[1] Принц Баварский, т. II, стр. 372. Заметка от 5 апреля 1918 г.
[2] Принц Баварский, т. II, стр. 322.
[3] Людендорф. Воспоминания о войне, т. II, стр. 217.

стремления и подготовки сражения, в то время как тактика стремится лишь к тому, чтобы рационально провести это сражение», и затем добавлял: «Новая теория войны — это действие в одном направлении, которое заключается в развитии стратегического плана посредством тактики». Наконец, в самом ведении войны Фош всегда оставался верным этим принципам.

Более того, Людендорф, допуская гипотетически, что прорыв в каком-нибудь пункте до прибытия неприятельских резервов должен дать ему быстрое и полное решение, пренебрегает предварительным истощением своего противника и знает лишь один фронтальный прорыв, от которого он сразу же требует решительных результатов и который он с этого момента развивает до конца, вводя в бой все свои силы.

Противник же, не будучи ни скован, ни истощен, ввязывается в бой, и Людендорфу удается добиться только образования глубокого мешка, и даже слишком глубокого, так как масса его войск наталкивается на стену, подверженную фланговым ударам противника и связанную с тылом сомнительными сообщениями. И всего этого он добивается ценой сильного истощения.

С этого момента ему приходится добиваться решения в другом месте, готовить непредусмотренные ранее операции и соглашаться вследствие этого на перерывы, уже не связывающие в единое целое, действия, следующие одно за другим. Он постепенно слабеет, в то время как противник свободно располагает необходимым временем для восстановления своих резервов и обеспечивает им свободное маневрирование. Каждый раз приходится начинать все сначала, пока, наконец, равновесие сил не оказывается решительно нарушенным не в его пользу.

Мы уже видели, с какой настойчивостью граф Шлиффен, руководя работами и исследованиями Большого генерального штаба, постоянно выступал для того, чтобы отметить все недостатки «чисто фронтальной операции» и подчеркнуть необходимость вести мощные атаки на флангах, увязывая их постоянно со сковывающими атаками на других участках фронта. Незадолго до своей смерти Шлиффен, опасаясь не быть понятым, писал: «Характерной чертой современности является склонность к фронтальному бою». От этой именно склонности Людендорф и погиб...

Наоборот, маршал Фош в этой борьбе на непрерывных фронтах возвращается к здоровым наполеоновским методам. Для него решительное действие — «генеральное сражение» — может быть начато лишь тогда, когда удается добиться общего истощения противника, и не имеет других целей, как использование этого

истощения путем уничтожения материальных и моральных сил противника.

Что же касается способов наступления, то из опыта трех лет позиционной войны он получил уверенность, что в присутствии сильно укрепившегося противника «чистый прорыв» был невозможен. Для него уже не требовалось доказательств, что нельзя ожидать решения от грубого, массивного, производимого в одном пункте прорыва в глубину, который приводит лишь к образованию мешка. По его представлению, от фронтальных действий можно требовать только того, что они могут дать, а именно — прорыва на таком широком фронте, какой допускается имеющимися силами, но ограниченного в глубину захватом чувствительных пунктов расположения противника, против которых неприятель был бы вынужден ввести свои резервы, если он не хочет увидеть свой фронт окончательно потрясенным. Этим способом можно добиться первоначальных тактических успехов, имеющих положительные цели. К этим целям надо стремиться в рамках общего плана, с тем чтобы они позволили истощить противника, не истощая себя самого; для этого боевые действия должны немедленно прекращаться, как только части натолкнутся на серьезное сопротивление или достигнут прочно занятой позиции противника. По достижении такого результата его надо использовать не внутри мешка, где с этого момента можно лишь истощать свои силы, не получая значительных выгод, но вне его — путем быстрого, а, следовательно, предусмотренного и подготовленного переноса деятельности на фланги, в благоприятные районы, где сопротивление будет слабее. Это должно быть предпринято с целью расшатывания всей оборонительной системы противника посредством постоянного и все расширяющегося на него давления.

Если вдуматься в военные доктрины, господствовавшие в обоих лагерях до 1914 г., то можно лишь поражаться, видя как Людендорф упорно стремится к ударам в центр, против чего всегда боролся Мольтке старший и особенно Шлиффен, и как маршал Фош, в противоположность прежним ошибкам, требует достижения победы путем действий на флангах противника, что только и может привести неприятеля в движение и чему научил его мастер военного дела Наполеон.

**
*

Наконец, Людендорф, будучи увлечен политикой завоеваний, которая парализовала на востоке пятую часть германских сил, и будучи лишен австро-венгерской помощи, начинает наступление

с едва ощутимым численным превосходством. Но силы его противников ежемесячно увеличивались, в то время как численный состав его собственных войск все время уменьшался. Подвижность его армии была ограничена, а моральное состояние постепенно понижалось.

Недостаток сил ограничивал масштаб операций Людендорфа в пространстве и во времени. В пространстве он сужал фронты атак и вынуждал расчленять операции; во времени он вынуждал делать между атаками перерывы, которые лишали их всякой связи между собой. Таким образом, силы постепенно истощались, и притом гораздо быстрее, чем силы противников, и не могли соответствовать задачам, которые им поручались.

В результате средства, которыми располагал Людендорф в начале 1918 г., не соответствовали стратегии сокрушения, которая им преследовалась. Этих средств с каждым днем должно было недоставать все больше и больше. В этом мы и усматриваем одну из основных причин поражения Германии.

**
*

Наполеон писал:

> «Великие полководцы совершали великие дела, лишь приспособляясь к естественным правилам и принципам искусства, т. е. путем правильных комбинаций и рационального соотношения между средствами и их результатами. Они преуспевали, лишь приспособляясь к этому требованию, каковы бы ни были смелость их предприятий и величина их успехов».

Вследствие плохой игры стратегическими комбинациями и недостаточного приспособления цели к имеющимся средствам Людендорф не сумел «приспособиться к естественным правилам и принципам искусства». Это потому, что хотя он и был замечательным тактиком и первоклассным начальником штаба, но оставался, прежде всего, только тактиком и начальником штаба и не был великим полководцем.

Нужно разобраться во всей германской документации, чтобы отдать себе отчет в той гигантской работе, которую проделал лично Людендорф во всех областях военного дела — в организации, обучении, снаряжении и снабжении — в целях обеспечения подготовки армии для наступления. В этом, по словам Куля, и заключается

> «личная заслуга Людендорфа, который благодаря своему редкому организаторскому таланту, своей огромной трудо-

способности и своей несокрушимой воле проделал всю работу».

Но это была лишь организационная и тактическая работа.

«В течение зимы, — говорит Людендорф,— я часто навещал фронт и часто обменивался мнениями со штабами армий по вопросу о тактике в наступательных сражениях и о способах атак; я собирал по этим вопросам многочисленные замечания... Разговоры о подвижном заградительном огне и о предполье еще живы в моей голове. Я присутствовал на многих учениях и разговаривал со многими офицерами-фронтовиками...

В начале марта я устроился в Авене, где имел намерение многое видеть лично»[1].

Таким образом, Людендорф был всегда озабочен многочисленными вопросами.

«Мне представили, — пишет наследный принц Баварский, — отношение верховного командования, регулирующее после совещания 3 февраля многочисленные тактические проблемы. Изложенные в нем мысли не соответствуют, по большей части, взглядам армейской группы, а также армий и армейских корпусов, и можно лишь сожалеть, что верховное командование вновь вмешивается в дело уточнения тактических подробностей, которое было бы более желательно предоставить разрешению заинтересованных командных инстанций на основе их опыта и их потребностей»[2].

Можно напомнить по этому поводу, что во время атаки «Михель» во 2-й армии царило довольно плохое настроение из-за постоянного вмешательства Людендорфа, что чрезвычайно затрудняло управление. Людендорф дошел до того, что, устанавливал часы выступления дивизий второго эшелона: по правде говоря, это не дело верховного командования»[3].

Таким образом, Людендорф хочет командовать заботясь обо всем. Мысль его не может сосредоточиться; он не размышляет и не углубляется, а между тем размышление составляет основную задачу вождя армий. Таким образом, по на-

[1] Людендорф, Воспоминания о войне, т. II, стр. 196.
[2] Принц Баварский, т. III, стр. 282. Отношение от 11 февраля.
[3] Принц Баварский, т. II, стр. 373.

шему мнению, хотя и можно восхищаться Людендорфом как человеком действия, обладающим почти сверхчеловеческой трудоспособностью; хотя и можно восхищаться его несокрушимой и пылкой волей, его удивительными замыслами тактического порядка и его глубоким пониманием войск и моральных факторов ведения войны; хотя и можно согласиться с тем, что ему всегда мешала скверная организация верховного командования как германского, так и междусоюзного, а также полное отсутствие взаимодействия между политическими, административными и военными органами, — но все же мы не можем рассматривать его как гениального стратега, «чувствующего в себе священную искру и горящего божественным огнем».

В том положении, в каком находилась Германия в начале 1918 г., только военачальник, обладающий даром крупных и целостных замыслов, умеющий при выполнении твердо держаться своей цели, приспосабливать к ней свои средства и быстро добиваться ее; сохраняющий в своих комбинациях достаточно гибкости, чтобы, несмотря на кажущуюся непрерывность фронтов, потребовать от ведущихся на флангах маневров и от фронтальных операций прорыва таких результатов, которые можно было бы использовать; пропитанный наполеоновскими доктринами, из которых германская школа, и в частности шлиффеновская, почерпнула свои самые здоровые мысли и которые маршал Фош должен был вскоре блестяще продемонстрировать, — только такой начальник смог бы использовать чисто временное численное превосходство, чудесно предоставленное ему развалом России, и быстро добиться успешного решения войны ****).

Банкротство германской стратегии в 1918 г., явившееся результатом многих причин, надо особенно приписать, по нашему мнению, недочетам руководства ведением войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

*) «Неизменных принципов» и в военном искусстве не существует. Меняется техника, условия и способы ведения войн, меняется и сам боец. Все это изменяет и принципы военного искусства и вождения войск.

**) Слова «развал России» (стр. 11, 18 и др.) отражают буржуазно-реакционную оценку событий, которые произошли в октябре 1917 г. в России и привели к победоносной пролетарской социалистической революции.

***) Указания Луазо на «ошибки Людендорфа» по вопросу об использовании германских войск на Восточном фронте (см. стр. 22—23, 29, 43—44) далеко не бесспорны.

Стремясь свергнуть советскую власть, германское верховное командование в период Бреста и после него преследовало также задачу оккупировать богатые продовольственными запасами и промышленным сырьем части Советской России. Этим самым германское командование надеялось смягчить голод в Германии и Австрии и экономически обеспечить возможность военных операций на Западном фронте. Занятие Советской Украины, Белоруссии и других советских районов и выкачка отсюда сырьевых и продовольственных ресурсов — потребовали сохранения на Востоке свыше 40 германских дивизий.

Однако вооруженные рабочие и крестьяне оказали жестокое сопротивление германской интервенции.

Кайзеровской Германии так и не удалось получить с Украины всего, что было намечено. Это уже не вина Людендорфа, а его беда. С другой стороны, весьма небольшую пользу принесла Германии переброска на Западный фронт соприкасавшихся с нашей революцией германских войск. Последние переносили на Западный фронт «дух возмущения и недовольства» и способствовали росту революционных настроений в германской армии на Западе.

****) Успехи Фоша об'ясняются не столько превосходством его талантов и стратегии над стратегией Людендорфа, сколько, во-первых, активным вмешательством США, которые к 1918 г. перебросили против Германии громадную свежую армию, технически достаточно оснащенную, во-вторых, тем, что к этому времени выдохлась германская армия: солдаты рвались домой; в тылу, начиная с января 1918 г., пролетариат Германии революционными средствами пытался покончить с войной; нехватило и материальных средств для дальнейшего ведения войны — снарядов и даже бензина для авиации. В этой обстановке стратегия Людендорфа, его попытки разгромить армии союзников были авантюрой.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие к французскому изданию 5
Введение 9

I. Идея стратегического маневра 13

1. Решение на наступление 13
2. Развитие стратегической идеи 17

II. Выполнение стратегического маневра. Единый решительный акт 50

1. Одновременное наступление против англичан и французов 50
2. Наступление против французов 59
3. Поиск стратегического решения 64
4. Заключение 72

III. Выполнение стратегического маневра. Действия, скомбинированные в два акта 75

1. Идея комбинированных действий 75
2. Акт борьбы на истощение 91
3. Возобновление акта борьбы на истощение 98
4. Крушение 115

IV. Общие соображения 126
Примечания редакции 135

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

К печати подготовили:
Редактор Н. М. Потапов
Техническ. редактор М. Стрельникова
Корректор Р. Тайц
Выпускающий П. Кузин

Сдано в набор 2/II—1936 г. Подписано к печати 8/VII 1936 г.
Формат 82×110/32; 8½ печ. л. 7,15 авт. л. 39 000 зн. в п. л.
Цена книги 1 р. 45 к., переплет 95 к.

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., 3.
Главлит Г—1793 Изд. № 61 Заказ 1167 Тираж 10 000

Центральная тип. НКО им. К. Ворошилова. Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

Цена 2 руб. 40 коп.